

Департамент культуры Воронежской области
Государственное бюджетное учреждение культуры
Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник
«Дивногорье»

ДИВНОГОРСКИЙ СБОРНИК

Труды музея-заповедника «Дивногорье»

В ы п у с к 5

Воронеж
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
2015

УДК 908(470.324)
ББК 26.89(2Рос-4Вор-5)
Д44

Редакционная коллегия:
С. К. Кондратьева, М. И. Лылова

Д44 **Дивногорский сборник : труды музея-заповедника «Дивногорье»** / под ред. С. К. Кондратьевой, М. И. Лыловой ; Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье». — Вып. 5. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2015. — 160 с.
ISBN 978-5-4446-0586-8

В пятом выпуске трудов музея-заповедника «Дивногорье» публикуются материалы Международной научно-практической конференции «Христианские пещерные храмы Восточной Европы». Круг вопросов, рассмотренных в публикациях, охватывает исторические аспекты, специфику литургического устройства пещерных храмов, микроклиматические и морфометрические исследования, проблему реставрации и сохранения пещерных комплексов.

Сборник предназначен для специалистов историков, географов, а также студентов, краеведов и всех интересующихся проблематикой культовых пещер.

УДК 908(470.324)
ББК 26.89(2Рос-4Вор-5)

*На обложке: пещерный комплекс в Больших Дивах,
рисунок Е. Л. Маркова, 1891 г.*

© Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье», 2015

© Изд. оформление.
Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2015

ISBN 978-5-4446-0586-8

ОТ РЕДАКТОРОВ

24–27 апреля 2014 г. в Природном, архитектурно-археологическом музее-заповеднике «Дивногорье» состоялась Международная научно-практическая конференция «Христианские пещерные комплексы Восточной Европы». Организаторами конференции выступили музей-заповедник «Дивногорье» и ведущие научные учреждения страны — Институт географии Российской академии наук, Русское географическое общество, Воронежский государственный университет. Митрополит Воронежский Сергей благословил проведение конференции и выразил благодарность музею-заповеднику за подготовку данного мероприятия (Письмо № 743 от 21.11.2013). В очной и заочной форме в конференции приняло участие более 50 специалистов из 20 городов России, Украины, Казахстана, Узбекистана и Грузии.

Круг проблем рассмотренных во время работы конференции охватывал исторические аспекты, специфику литургического устройства пещерных храмов, микроклиматические и морфометрические исследования, проблему реставрации и сохранения пещерных комплексов. На отдельном совещании был рассмотрен вопрос музеефикации Калачеевского пещерного комплекса. Первейшей задачей сегодня является придание этому уникальному памятнику охранного статуса, сохранение его исторического облика, восстановление входной группы по фотографиям начала XX века, изучение граффити и микроклимата.

Центральное Черноземье и в частности Воронежская область столетиями являлась центром развития христианской подземной архитектуры на территории России. Здесь сосредоточены наиболее крупные культовые пещеры Восточной Европы (Белогорский и Калачеевский комплексы). В силу своей специфики эта категория памятников является наиболее уязвимой и нуждается в охране. К сожалению, из более чем пятидесяти существующих пещер и пещерных комплексов Воронежской области на государственную охрану поставлены только три. Присвоение пещерным комплексам статуса памятников даст возможность сохранить эти уникальные объекты культурного наследия, инициировать их дальнейшее исследование и, в случае необходимости, приступить к реставрации с сохранением всех архитектурных и графических деталей.

Восстановление пещерных памятников как объектов регионального туризма, культурного и православного паломничества будет способствовать не только инфраструктурному развитию территорий, но и духовному возрождению региона. Введение пещерных комплексов в систему туризма,

как самостоятельно, так и в составе своеобразного «донского золотого кольца», повлечет за собой создание новых рабочих мест и формирование особой инфраструктуры, в которую будут вовлечены прилегающие населенные пункты и транспортные ветки. Ответственное отношение к памятникам, их восстановление и возрождение, в том числе как духовных центров, безусловно, окажет влияние на формирование положительного имиджа Воронежской области.

По итогам работы конференции была принята резолюция, отражающая наиболее актуальные проблемы сохранения пещерных комплексов. В частности была высказана необходимость инициировать процесс постановки на государственную охрану памятников пещерной архитектуры Воронежской области, которые обладают всеми признаками объектов культурного наследия. Отмечена важность предотвращения беспрепятственных изменений внутреннего объема памятников, уничтожения древних граффити и архитектурных деталей, а также установки информационных аншлагов с кратким изложением истории появления пещер и правилами пребывания в них посетителей. Высказано предложение на базе музея-заповедника «Дивногорье» создать исследовательский центр по изучению пещерных комплексов, который будет включать архив, где будут собраны материалы проведенных изысканий. Помимо донских пещер, в архиве будет аккумулироваться информация обо всех культовых пещерах России. На основе собранных данных будут подготовлены паспорта для постановки памятников на государственный учет.

ХРИСТИАНСКИЕ ПЕЩЕРЫ И КОМПЛЕКСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Н. В. Днепровский

Русское Географическое общество, Санкт-Петербург

**НОВОЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕЩЕРНОГО ХРАМА
«ТРЕХ ВСАДНИКОВ» НА ГОРОДИЩЕ ЭСКИ-КЕРМЕН**

Пещерная церковь «Трёх всадников» (рис. 1) является одним из самых известных храмов Эски-Кермена. И, пожалуй, именно поэтому на её примере особенно выразительно проявляются основные проблемы теории и практики анализа и интерпретации крымских пещерных церквей современными исследователями. Попытаемся доказать этот тезис.

Рис. 1. Пещерная церковь «Трёх всадников». Фото автора

1. Особенности литургической планировки

Наиболее существенное затруднение при анализе литургической планировки храма «Трёх Всадников» состоит в отсутствии сколько-нибудь приспособленного места для совершения проскомидии. Этот момент пред-

ставляется нам настолько важным (в частности, для датировки храма), что мы посвятили ему специальную работу [1]. Кратко изложим наши основные выводы.

Имеющаяся в северо-восточной части алтарной абсиды ниша, которую принимал за жертвенник Н. Л. Эрнст [2, с.32], для этого непригодна из-за малых размеров и высокого расположения. Разместить жертвенник в абсиде негде. Поэтому при современных богослужениях в качестве жертвенника приходится использовать северную арку темплона. Однако вряд ли так было задумано изначально.

По Н. И. Репникову, жертвенник находился «над одной из гробниц». [3, с.108] или «в южной стене» [4, с.131]. С этим согласны Ю. М. Могаричев [5, с.50] и С. В. Харитонов [6, с.47]. Никого почему-то не смутило, что *жертвенник* должен помещаться в *северной* части храма — это определяется тем, как движется иерей, полагая Св. Дары на престол. Вдобавок, расположение ниши в южной стене у самого входа в церковь (рис. 2) делает приготовление Св. Даров прямо на пути входящих в храм верующих совершенно невероятным. И, наконец, аналогию этой ниши мы имеем в «Большом пещерном храме» Эски-Кермена (рис. 3), где, однако, она расположена под самым потолком, и притом над скамьёй. Это полностью исключает её использование в качестве жертвенника.

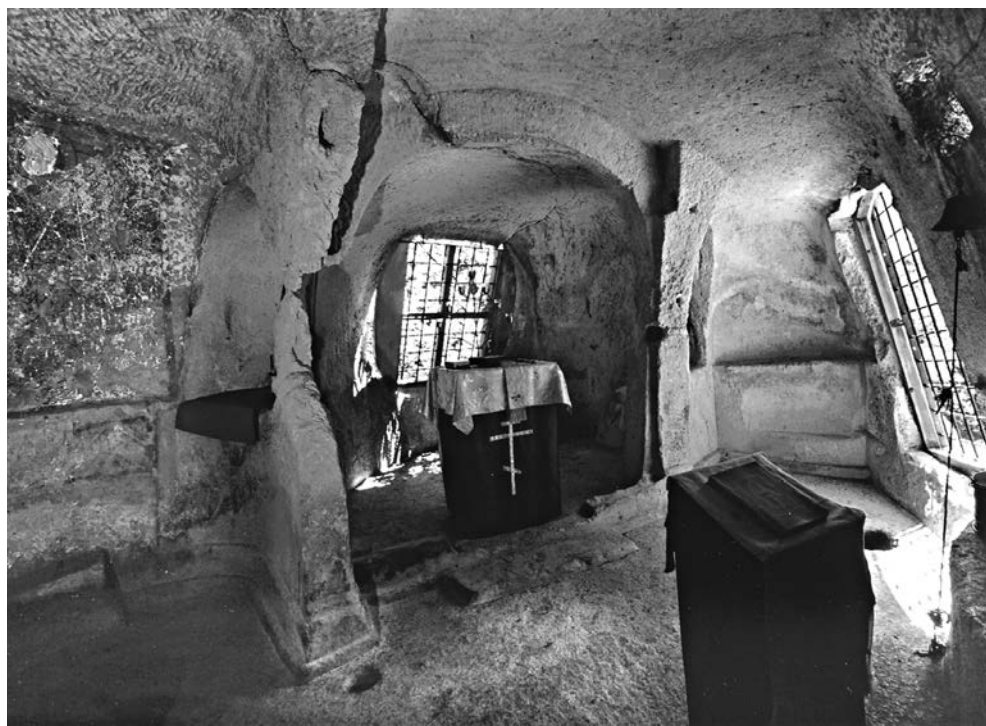

Рис. 2. Пещерная церковь «Трёх всадников». Интерьер. Вид с севера. Фото автора

Рис. 3. «Большой пещерный храм» Эски-Кермена. Интерьер. Вид с севера. Фото автора

А. Ю. Виноградов, Н. Е. Гайдуков и М. С. Желтов относят храм «Трёх всадников» к храмам без протесиса [7, с.75] и полагают, «что храм создан до VIII в., когда приготовление хлеба и вина ещё имело достаточно свободный характер и совершалось где-то вне основного объёма храма» [там же, с.74]. Однако они не уточняют, где именно это происходило. При этом всего лишь годом ранее Н. Е. Гайдуков высказал прямо противоположную точку зрения — о наличии в храме «Трёх всадников» *целых двух* мест для совершения проскомидии: «...и пастофория, расположенного в южной конхе (в скале видны пазы для установки столика), и протесиса в виде ниши, вырубленного прямо в алтаре» [8, с.170]. А ещё через год он же опять поменял свою точку зрения и писал уже о наличии «пастофория, расположенного в южной конхе храма... и протесиса, который помещался прямо на поверхности темплона» [9, с. 201]. Уже сама по себе подобная трёхкратная — в течение трёх лет! — перемена точки зрения говорит об отсутствии безусловных, явно видимых признаков протесиса в храме «Трёх всадников».

Между тем, в литературе даётся ясное указание, где должна была совершаться проскомидия: «В первенствующей Церкви *предложение* находилось не внутри алтаря, но вне, в особой хранилище с *левой стороны его* (курсив наш. — Авт.)...» [10, с.68]. Как отмечает Г. Бабиц, в раннехристианских палестинских церквях, в том числе в пещерной церкви лавры св. Саввы Иерусалимского находившееся к северу от храма вспомогательное помещение было необходимым элементом храма [11, с. 72].

Этим указаниям в точности соответствует смежное с храмом «Трёх Всадников» и находящееся, как и положено, с северо-западной стороны, помещение в соседней каменной глыбе (рис. 4) (расстояние между глыбами составляет менее метра, а подрубки в них ясно указывают на соединявший их переход). На разрезах (рис. 5) очень хорошо видно, что и храм, и северное помещение вырубались как единый комплекс [5, с.257]. Об этом же говорят нарочно оставленные при вырубании храма ступеньки, ведущие к северной двери. Следовательно, и сама дверь была задумана изначально. Правда, О. И. Домбровский предполагал, что она предназначалась для выхода проходивших насквозь через храм паломников* [12, с.36]. Но если бы это было так, то прорубать её следовало никак не в соседнюю каменную глыбу, а под углом к ней, в свободное пространство. Тогда паломникам не пришлось бы при этом пробираться наружу через узкую щель.

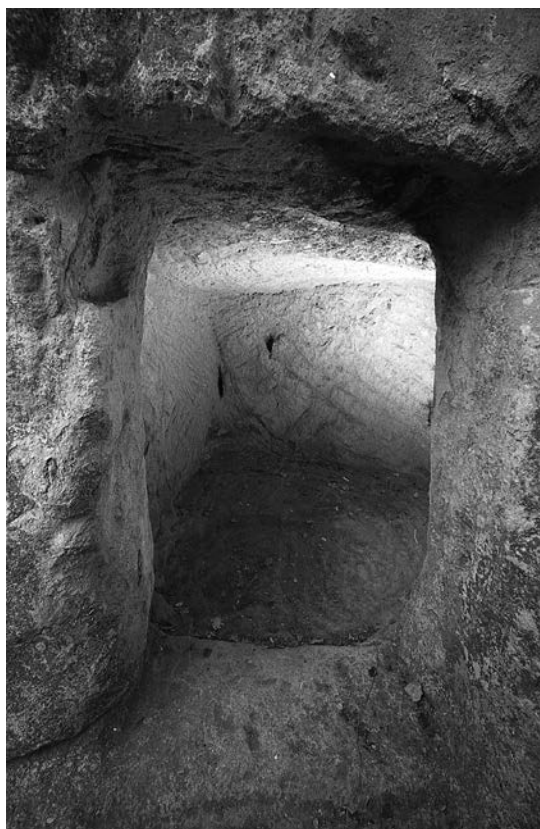

Рис. 4. Пещерное помещение в смежной с храмом «Трёх Всадников» каменной глыбе

* О. И. Домбровский считал, что объектом их поклонения являлись могилы «каких-то местных мучеников» [12, с.36]. А по мнению Н. Е. Гайдукова, «обе двери храма сделаны с таким расчётом, чтобы паломники могли проходить насквозь мимо северного столпа» алтарной преграды, где был замурован ковчег с реликвией [13, с.172].

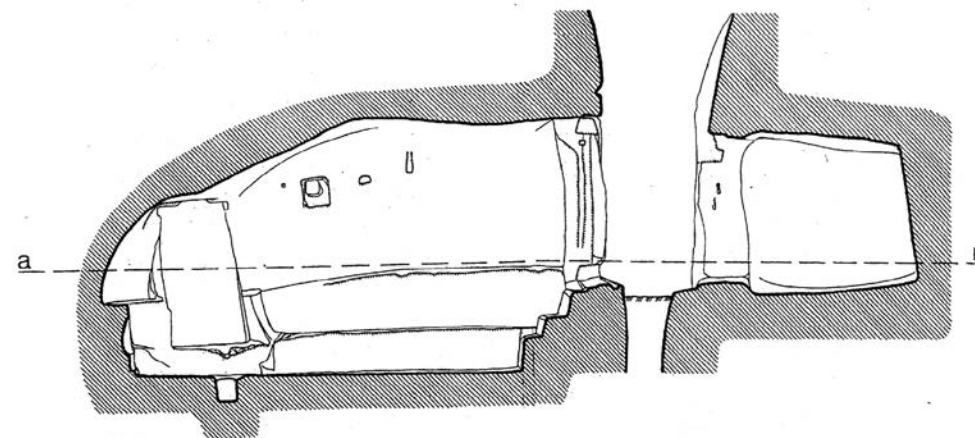

Рис. 5. Разрез храма «Трёх Всадников» по Ю. М. Могаричеву [5, с.257]

Н. И. Репников почему-то считал это помещение усыпальницей [3, с.108; 4, с.130]. С ним соглашается и Ю. М. Могаричев, но добавляет: «однако, по нашему мнению, его можно интерпретировать и как ризницу» [5, с.50]. Допускает оба эти толкования и С. В. Харитонов [6, с.52].

Аргументированно выступить против авторитета Н. И. Репникова решился только Е. В. Веймарн: «Это не усыпальница — не место склада костей. Судя по высоте и ширине входа и следам дверной деревянной коробки это «дьяконник» — место склада необходимого для службы имущества и инвентаря» [14, л. 266]. К сожалению, эта аргументация осталась неопубликованной и потому не была услышана.

В самом деле, мы не наблюдаем здесь никаких признаков усыпальницы — ни высокого порога и следов закладной плиты, ни лежанки-локулы для усопшего, ни ковчега-оссуария. Зато и здесь мы имеем полную параллель в комплексе «Большого пещерного храма», с северной стороны от которого вырублена пещера (рис. 6), соединённая с храмом скальным карнизом. Её размеры почти совпадают с пещерой возле храма «Трёх всадников». Следовательно, мы сталкиваемся с продуманной системой литургической планировки храмового пещерного комплекса, включающего собственно храм, скевофилакий и соединяющий их переход. Особенно наглядно в этом смысле сравнение планов эски-керменских комплексов с приведённым в работе Г. Бабич планом лавры св. Феоктиста (рис. 7) [11, с. 71].

Только искусственное «омоложение» храма предыдущими исследователями, на наш взгляд, вызвало непонимание изначального смысла смежного с храмом помещения. В этой связи мы вынуждены снова обратиться к попыткам исследователей датировать этот храм XIII, а то и XIV столетиями. Эти попытки так или иначе связаны с якобы виденным ещё в 1873 г. В. М. Григоровичем обрывком даты в надписи под фреской. На этом также следует остановиться подробнее.

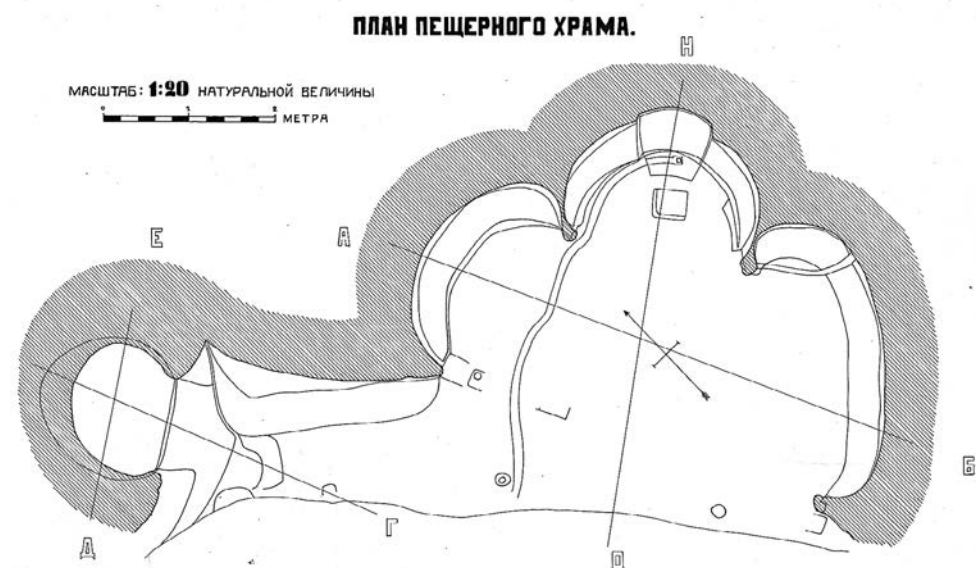

Рис. 6. План «Большого пещерного храма» по материалам Эски-Керменской экспедиции План комплекса «Большого пещерного храма» о материалах Эски-Керменской экспедиции [50, л. 13]

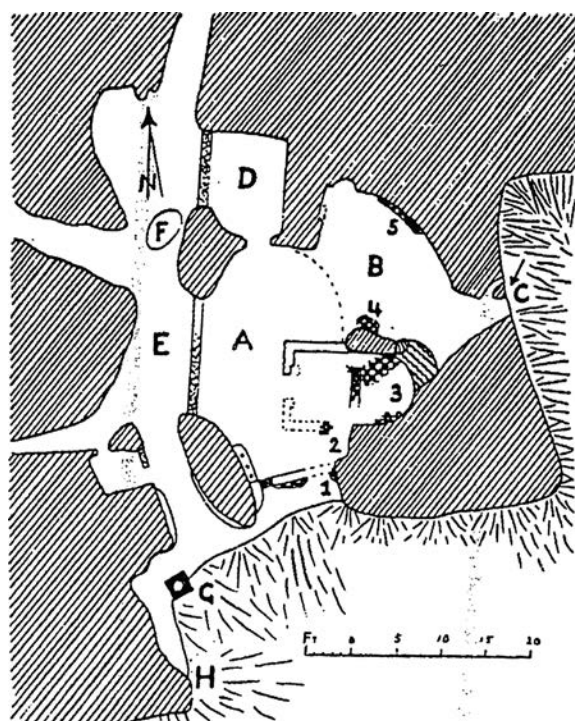

Рис. 7. План лавры св. Феоктиста (рис. 7) [11, с. 71]

2. Надпись

Указания на то, что В. Григорович в 1873 г. видел в конце надписи дату, точнее, первые две её цифры, в литературе встречаются повсеместно. А согласно ряду литературных источников, эта дата якобы сохраняется там и до настоящего времени. Так, если в научной монографии С. В. Харитоновой, ещё сообщается, что «В.И. Григорович видел в конце этой надписи дату: ἔτους ζψ..., что означает «лета 67...»... Т. е., возможно, 12.. г.» [6, с.51], то в его же популярном путеводителе, вышедшем год спустя, указано: «На карнизе под изображением трёх всадников *имеется* (курсив наш. — Н. Д.) древняя надпись на греческом языке, выполненная чёрной краской на сером фоне: „Вырублены и расписаны эти святые Христовы за душевное спасение и отпущение грехов... в 67.. г.“» [15, с.63–66]. Похожее утверждения мы встречаем в других изданиях [16, с. 124], и даже в фундаментальном издании «Археология» читаем: «Под фресками сделана надпись «Иссечены и написаны святые мученики Христовы для спасения души и отпущения грехов 12 г», переведённая В. В. Латышевым» [17, с.79].

Учитывая, что дискуссия о времени возникновения пещерных церквей Крыма длится уже целое столетие, подобное прямое свидетельство должно рассматриваться как факт первостепенной важности. Казалось бы, элементарная научная логика требует в первую очередь привести его в полном объёме и произвести его критический анализ. Однако именно этого почему-то не сделал до нас *ни один* исследователь, а приводимые по этому поводу в литературе сведения остаются чрезвычайно туманными и противоречивыми.

Как известно, В. В. Латышев, составляя свой «Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России», вовсе не упомянул о находке В. И. Григоровича, хотя книга последнего вышла почти за четверть века до этого. Эпиграфист, пользуясь копией Ю. А. Кулаковского [18, табл. II, № 43] (рис. 8,2), разобрал в надписи:

«†Ἐλατομ [ἠθήσαν] κ (αι) ἀνιστορήθ [η] σαν τοῦ Χ[ριστο]ῦ... ὑπ(ἐ)ρ ψυχ[ικῆς] σoterία[ς] κ(αι) ἀφέσε(ω)ς ἀμαρτιῶν)...» — «Иссечены и расписаны... Христовы... за душевное спасение и отпущение грехов...» [18, с.47–48].

Отметим, что сам В. В. Латышев храм «Трёх всадников» не посещал. Поэтому реконструкция имеющихся в надписи сокращений выполнена им из чисто филологических соображений. В частности, связка двух глаголов посредством союза «и» заставила его реконструировать первое слово (окончание которого в оригинале отсутствует) как «иссечены» по аналогии с «расписаны».

Из другой копии — А. Л. Бертье-Делагарда — он привёл лишь небольшую группу символов, хотя А. Л. Бертье-Делагард не считал копию Ю. А. Кулаковского наилучшей. Он послал письмо В. В. Латышеву, в котором, между прочим, указывал: «об этой надписи говорит Григорович в «Записках антиквара», но *ещё меньше меня и Ю. А. Кулаковского* (курсив наш. —

Авт.)» [19, с.152]. Именно здесь мы впервые встречаем упоминание о свидетельстве В. Григоровича, однако без упоминания о виденной им дате.

«Монополия» В. В. Латышева была нарушена лишь в 1929 г. статьёй Н. Л. Эрнста, где о надписи было сказано: «она издавалась Латышевым по записи Кулаковского, но неточно, приводилась и В. И. Григоровичем (Заметки антиквара), но совсем искажённо... Мы читаем её так: ΕΛΑΤΟΜΙ[ΘΗ] ΚΑΙ ΑΝΙΣΤΟΡΗΘΗΣΑΝ Η ΑΓΙΟΙ ΤΟΥ ΧΡΙΣΤΟΥ ΜΑΡΤΥΡΕΣ ΥΠΕΡ ΨΥΧ[ΙΚΗΣ ΣΩΤ]ΗΡΙΑΣ ΚΑΙ ΑΦΕΣΕΟΣ ΑΜΑΡΤ[ΙΩΝ]...», т. е. «Высечено и написаны святые мученики христовы для спасения души и отпущения грехов...» В несохранившемся конце надписи было указано, вероятно, имя донатора и дата» [2, с.32].

Итак, Н. Л. Эрнст подтверждает, что концовка надписи, включая дату, отсутствует; полагает, что В. Григорович совершенно исказил смысл надписи; впервые выделяет в надписи слово «святые», не разобранный В. В. Латышевым; и, наконец, в отличие от В. В. Латышева, учитывает нюансы, связанные с особенностями самого храма. Убедившись, что какие-либо скульптурные изображения в храме отсутствуют, он понял, что речь могла идти только об иссечении *самого комплекса* и заменил проблемное «высечены» на обоснованное «высечено».

Вместе с тем, Н. Л. Эрнст усмотрел в надписи и несуществующее там слово «мученики».

К сожалению, последовавшие репрессии исключили из упоминаний имя Н. Л. Эрнста. Но именно его перевод, с небольшими редактурами в духе перевода В. В. Латышева, был включён Н. И. Репниковым в «Готский сборник». В подстраничной сноске к этому переводу Н. И. Репников пишет: «Ср. у В. В. Латышева, сборник греческих надписей христианских времён, стр.47–48. В. И. Григорович (Записка антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус. Одесса, 1874, с.12) видел в конце этой надписи дату: „έτους ζψ...67...=12.. г.“» [3, с.108, прим.1]*.

Таким образом, именно в статье Н. И. Репникова впервые появляются указания на датировку фрески «Трёх Всадников». А последующие поколения исследователей апеллировали уже именно к авторитету Н. И. Репникова.

В наши дни свою интерпретацию надписи храма «Трёх Всадников», не совпадающую в полной мере ни с прочтением В. Григоровича, ни с прочтением В. В. Латышева, предложил А. Ю. Виноградов:

«+Έλαθομη (θησαν) κ (αι) ανιστορηθ (η) σαν η αγιοι του Χ (ριστο) υ τ (ουτοι) υπερ ψυηκ (ης) σο [τερ] ηας κ (αι) αφεσεος αμαρτ [ιων του δουλου του θ (εο) υ δεινος ..., ετους] ζψ..’»

* Правда, в своей «Археологической карте Крыма» он уже поправляется, что «утраченный конец даты даёт лишь 67., что определяет время написания в отрезке 1192–1291 гг.» [4, с. 132]

«Вырублены и расписаны эти святые Христовы за душевное спасение и отпущение грехов имярека в 67... г.» [6, 125].

Как мы видим, А. Ю. Виноградов, во-первых, вернулся к прочтению «вырублены» (во множественном числе); во-вторых, исключает из прочтения слово «мученики»; и, в-третьих, к основной части надписи из храма «Трёх Всадников» механически присоединяет датировку, якобы принадлежащую В. Григоровичу.

С учётом изложенного мы решили обратиться непосредственно к публикации В. Григоровича. Знакомство с ней вызвало у нас полное недоумение. Дело даже не в том, что учёный, как выяснилось, полностью опубликовал виденную им надпись с обрывком даты. И, тем более, не в том, что Н. И. Репников при публикации в «Готском сборнике» неверно указал страницу из его книги (с.12 вместо с.16). Самое существенное состоит в непосредственном содержании надписи.

Вот что писал В. Григорович: «Мне удалось только в Черкес-кермене в пещерном храме прочесть следующее указание:

«+ Έλατομηθη και ανιστωρηθη ο πανσεπτος οικος ετος, ζψ...» [20, с.15–16].

Нетрудно видеть, что эта надпись принципиально отличается по своему содержанию от содержания надписи храма «Трёх Всадников», опубликованной во всех остальных источниках. Поэтому мы постарались отыскать ранние свидетельства о содержании надписи в храме «Трёх Всадников».

Нам удалось найти копию надписи, выполненную А. Л. Бертье-Делагардом в 1884 г. [25, л. 4] (рис. 8,2), а также рисунок Д. М. Струкова [21, л. 109] (рис. 8,3), хранящийся в архиве ИИМК, до настоящего времени не введённые в научный оборот. Наконец, эта надпись хорошо различима и на копии фрески из альбома А. С. Уварова [22, рис. LIII] (рис.8, 4). Хотя качество передачи надписи в двух последних случаях и оставляет желать лучшего, все три копии достаточно хорошо коррелируют как между собой, так и с копией Ю. А. Кулаковского, но не совпадают с надписью В. Григоровича. Попутно отметим, что А. Ю. Виноградов без какого-либо обоснования заменил в первом слове «τ» на «θ», реконструируя его как «+ Έλαθομη (θησαν)» [23, с.59; 6, с.125], хотя именно первый вариант однозначно просматривается на всех без исключения копиях надписи.

Кроме того, оказалось, что *полный* текст надписи В. Григоровича *короче* текста, приведённого на других копиях *со всеми их лакунами!*

Дальнейшее изучение собранных нами материалов мы проводили совместно с М. М. Чорефом, имеющим большой опыт расшифровки монограмм и сокращений, встречающихся на греческих монетах [24].

Выяснилось, что текст В. Григоровича отнюдь не тривиален. Прежде всего, в нем достаточно много орфографических ошибок. Так, вместо проблемного «έλατομηθη» следовало бы употребить куда более грамотное «έλατομηθη» — «вырублено». Столь же непонятно и слово «ανιστωρηθη». Вместо него должно было быть «ανιστορηθη» — «это было нарисовано». С учё-

том изложенного в итоге получаем: «Иссечен и расписан всечестный храм в лето 67...».

Между тем, для надписи храма «Трёх Всадников» характерна высокая грамотность ее составителя. Что же касается содержания собранных нами её копий, то на всех на них изучаемый текст начинается с «+Ελατομή» (рис. 8). Мы уже писали, что отсутствие в храме следов рельефных изображений не дает нам оснований предполагать, что они могли быть вырублены на его стенах. Поэтому мы считаем нужным вернуться к реконструкции Н. Л. Эрнста, исходя из того, что вполне ожидаемое «Ελατομή (θη)»* имело к самому культовому комплексу или же участку его северной стены, что, собственно, отмечал и сам А. Ю. Виноградов**. Подтверждается и существование выделенного Н. Л. Эрнстом и А. Ю. Виноградовым слова «святые», которое хорошо просматривается на копиях А. Л. Бертье-Делагарда и Д. М. Струкова. Вместе с тем, выделить слово «мученики» нам, как и А. Ю. Виноградову, не удалось. Но самое главное — ни в одной из привлечённых нами копий текста нет указания на дату. С учётом изложенного, мы полагаем, что надпись может быть прочитана следующим образом:

Рис. 8. Копии надписи под фреской храма «Трёх всадников»:

1 — по Ю. А. Кулаковскому [табл. II]; 2 — по А. Л. Бертье-Делагарду [25, л. 4];
3 — по Д. М. Струкову [21, л. 109]; 4 — по А. С. Уварову [22, табл. LIII]

«+Ελατομή(θη) κ(αὶ) ἀνιστορήθ(η)σαν ἢ ἀγίοι τοῦ Χ(ριστοῦ) τ(οῦτοι) ὑπὲρ ψυχῆκ(ῆς) σο[τερ]ήας κ(αὶ) ἀφέσεος ἀμαρτ [ἰῶν τοῦ δούλου τοῦ θε(ο)ῦ δεῖνος...]» — «вырублено и расписаны эти святые Христовы за душевное спасение и отпущение грехов [раба Божия]...».

* Так же его реконструировал и Н. Л. Эрнст (См.: [2, с. 32]).

** Тем удивительнее его возвращение к форме «вырублены».

Таким образом, лишь первые три слова из приведённой в этих копиях надписи можно считать аналогами первых трёх слов текста, приведённого в книге В. Григоровича (да и то лишь после исправления содержащихся в нём ошибок). В остальной же части имеются *принципиальные* различия. А, судя по допущенным ошибкам, надписи были выполнены и разными мастерами. В первой из них идет речь об устройении церкви, а во второй — об изображениях, созданных для отпущения грехов и во имя спасения души неизвестного, причем, учитывая кладбищенский характер храма «Трёх всадников», речь, вернее всего, идет об усопшем.

С точки зрения формальной логики это означает следующее. Пока не доказано обратное, мы *обязаны* считать, что ИЛИ «надпись Григоровича» и «надпись В. В. Латышева» — это две *разные* надписи, схожие только начальными формулами. То есть виденная В. Григоровичем надпись датирует вырубание не храма «Трёх всадников», а какого-то другого пещерного и расписанного фресками храма; ИЛИ В. Григорович, действительно, читал надпись именно в храме «Трёх всадников», но прочитал и опубликовал её, как полагал ещё Н. Л. Эрнст, совершенно *неправильно в её смысловой части*. А ПОСКОЛЬКУ приведённая им датировка является неотъемлемой составляющей этой смысловой части, ПОСТОЛЬКУ из этого вытекает ещё один неопровержимый силлогизм: ЕСЛИ верен второй вариант, ТО не может быть никаких оснований доверять и этой *датировке*. Следовательно, при любом из двух рассмотренных выше вариантов датировать фреску и, тем более, храм «Трёх всадников» на основании сведений В. Григоровича *неправомерно*.

Не забудем также, что ни в одной из дополнительно привлечённых нами копий текста, как и в копии Ю. А. Кулаковского, нет указания на дату. Получается, что она не была различима ни в середине, ни в конце XIX в. Следовательно, и В. И. Григорович также не мог бы ее разобрать.

Следовательно, есть все основания полагать, что А. Ю. Виноградов, действительно, просто присоединил к надписи, изданной В. В. Латышевым, дату из текста, опубликованного В. И. Григоровичем. На основании всего изложенного такое присоединение представляется нам совершенно недопустимым. Ведь ни А. Л. Бертье-Делагард, ни Н. Л. Эрнст, ни Н. И. Репников тоже не объяснили, на основании чего ими был сделан вывод о тождестве двух надписей.

Впрочем, как раз на этот счёт мы можем сделать обоснованные предположения. В черновике письма первого из них содержится важное указание, отсутствующее в публикации В. В. Латышева: «об этой надписи говорит Григорович (Записки антиквара о поездке на Калку и проч.); *не имею под руками этой брошюры, а потому не могу указать страницу* (курсив наш. — Авт.), но ещё меньше меня и Ю. А. Кулаковского» [25, л. 3, оборот]. Похоже, что самой книги В. Григоровича не было под рукой и у двух других авторов этой версии, поскольку Н. Л. Эрнст приводит её название неточ-

но — «Заметки антиквара» вместо «Записка антиквара». Неточно название книги В. Григоровича приведено и у Н. И. Репникова («Кальмиус» вместо «Калмиус»). Неверно указана и страница. Скорее всего, все эти учёные просто сравнивали две надписи по памяти, что и привело к недоразумению, делящемуся до сего дня.

Таким образом, идея локализация текста В. И. Григоровича в храме «Трёх всадников» лишь на основании совпадения стандартной преамбулы представляется нам совершенно необоснованной. А следовательно, необоснованными являются и попытки с её помощью датировать храм XIII столетием — вопреки его литургической планировке.

3. Фреска

Уточнение прочтения надписи под фреской позволило нам также вернуться и собственно к её интерпретации [26, с. С.20; 27, с.10—138]. Ведь до сих пор содержание написанной на северной стене храма фрески также трактовалось исследователями по-разному. Так, «О.И. Домбровский видел здесь изображение вмч. Георгия и двух местных святых воинов, погибших в боях против захватчиков... Н. Л. Эрнст склонялся к тому, что это два Феодора и Георгий... Е. С. Овчинникова..., А. Ю. Виноградов... считают, что на данной фреске трижды помещен вмч. Георгий в разных видах своего подвига» [28, с.294; 29, с.224].

Насколько нам известно, последнее предположение без какого-либо обоснования впервые высказал опять-таки А. Л. Бертъе-Делагард всё в том же своём письме к В. В. Латышеву [19, с. 152]. Однако оно вступает в противоречие с правилом «нумерического тождества» иконописного персонажа, которое устанавливается, «кроме подразумеваемого единства стиля и манеры, тождеством или сходством черт лица, фигуры, некоторых предметов обстановки и т. д.» [30, с. 228—229]. Ведь на фреске «Трёх всадников» буквально каждая деталь нарочито подчёркивает как раз «нумерическое различие» этих персонажей [28, с.294; 12, с.35—36] (рис.9). Поэтому О. И. Домбровский подверг теорию «троичного Георгия» аргументированной критике [12, с. С.38—39].

Однако теория «троичного Георгия» была «реанимирована» Е. С. Овчинниковой. На основе обнаруженной ею иконы с *единственным* изображением св. Георгия, *одновременно* совершающего два различные чуда, она вновь попыталась отождествить три *различных* изображения эски-керменских всадников с тремя изображениями св. Георгия [31, с. 231]. При этом она вначале без всякой аргументации *постулировала* атрибуцию первого и второго всадников; затем *отсутствие атрибутов* у третьего всадника именно и *предложила* в качестве основания для его атрибуции; и, наконец, уже *исходя из этого*, попыталась увязать всех трёх всадников в единое сюжетное целое. Причём в третьем случае *Георгий* становится результатом выбора между *Димитрием* и *Прокопием*.

Попытка Е. С. Овчинниковой связать фреску «Трёх всадников» с достаточно многочисленными иконами, изображающими «двойное» чудо св. Георгия на основе никак не аргументированного утверждения о том, что на фреске эти два чуда якобы просто «ещё не слились воедино», является неубедительной. Иконография «двойного чуда» была известна уже, как минимум, в XII столетии [32, илл. 59] (рис.10). Причём как раз в данном случае за счёт *совмещения в единственном образе разных атрибутов одного и того же агиографического персонажа его «нумерическое» тождество доведено до возможной кульминации*.

Тем не менее, в своих взглядах она не одинока. Так, Н. Е. Гайдуков пишет: «Пожалуй, на сегодняшний день эта версия *выглядит наиболее убедительной*» [13, с. 171] (выделено нами. — Н. Д.). Подобного же подхода придерживается А. Ю. Виноградов: «Три всадника на фреске понимались как трое святых и были *убедительно* (выделено нами. — Н. Д.), на наш взгляд, интерпретированы Е. С. Овчинниковой как три изображения св. Георгия Победоносца: Георгий-защитник, Георгий-драконоборец и Георгий-спаситель [Овчинникова, 1976, с. 230—233]. К этому выводу приводит нас слово Н АГЮИ, «святые»...» [6, с.125]. Даже В. В. Степаненко, продемонстрировавший, что «возможно и иное толкование» образа правого всадника, в итоге возвращается к выводу, что «перед нами *тройное* изображение св. Георгия», полагая, что «упоминание в надписи мучеников во множественном числе не противоречит этому, так как изображён мученик в трёх деяниях и, соответственно, в трёх иконографических типах» [33, с.455].

Трудно придумать более неестественное объяснение. В своё время У. Эко писал о том, что «Аристотель *выстроил свои категории на основе грамматических категорий греческого языка*», поскольку «мысль отождествлялась с её естественным проводником» [34, с.20]. Отметим, что *нам не известна ни одна икона или фреска с последовательными изображениями какого-либо единственного святого и сохранившейся подписью, на которой он был бы упомянут во множественном числе*. Слово «АГЮИ» во всех известных нам примерах применяется только к *групповому* изображению *нескольких* святых.

Поэтому интерпретировать так, как это делают вышеупомянутые исследователи, представляется нам совершенно недопустимым.

Однако теория «троичного Георгия» из Эски-Кермена успела попасть даже в современную «Православную энциклопедию» [35, с.683].

С нашей точки зрения, в данном случае произошло именно то, от чего ещё в 1953 г. предостерегал В. Н. Лазарев: «В иконографическом методе... *весь анализ сводится, строго говоря, к определению номенклатурного иконографического типа, живущего отвлеченной жизнью, никак не связанной с реальной действительностью* (выделено нами. — Н. Д.) ... Такая в корне неверная трактовка содержания средневекового искусства ничем не оправдана, поскольку последнее, как и любое искусство, сложилось на реальной исторической почве, в определенных общественных условиях, а потому и содержание его на раз-

личных этапах развития отражало различные идеологические установки» [36, с.221 – 222].

Именно попытки «определения номенклатурного иконографического типа» породили в исследовании фрески «Трёх всадников» практически тупиковую ситуацию. Поскольку на крупе коня первого всадника изображена маленькая человеческая фигурка, то этот образ интерпретируют как «чудо св. Георгия с отроком».

Но тогда возникает вопрос, кто изображён в центре композиции в типе драконоборца? Ведь св. Феодор Тирон или св. Феодор Стратилат традиционно изображались бородатыми. А. В. Мальгин и М. Р. Мальгина попытались обойти это препятствие, ссылаясь на плохую сохранность ликов, не позволяющую определить наличие бороды у среднего персонажа [37, с.6]. Однако похоже, что этот «манёвр» был предпринят от безысходности.

Итак, дело не в «обоснованности» предположения о «троичном» Георгии, а в *установке* исследователей, привязавших правого всадника к образу «св. Георгия с отроком», на то, что *других объяснений просто не существует*.

Между тем, «церковная власть не только не предлагала каких-либо руководственных правил по иконографии, но и не протестовала против нововведений» [38, с.17], причём «...доля иконографической свободы в византийском искусстве была значительно выше, чем в древнерусском...» [39, с.160].

Поэтому вышеупомянутый апофатический подход к анализу фрески «Трёх Всадников» представляется нам необоснованным.

Расширить сюжетный диапазон, в своё время попытались О. И. Домбровский и Э. М. Корхмазян, однако и эти попытки вряд ли можно считать удачными. Первый полагал, что «Мальчик, сидящий за его спиной и держащийся за луку седла – просто паж... Присутствие такого пажа на иконе означает принадлежность данного святого воина к рыцарскому сословию» [12, с.39]. При этом он ссылается на Н. В. Покровского [12, с.106, прим. 32]. По указанной им ссылке Н. В. Покровский, действительно, упоминает «икону св. Георгия Победоносца на коне с пажом» [40, с.193]. К сожалению, на репродукции этой иконы изображен как раз «Георгий с двойным чудом» – на это ясно указывает сосуд для вина в руке отрока [40, с.193, рис.383] (рис.11). Таким образом, утверждение О. И. Домбровского о том, что «такая деталь почти никогда не имеет отношения к деяниям самого святого» [12, с.39], попросту не выдерживает критики, как и о том, что «фигурка мальчика без нимба на одном коне со святым-воином встречается в иконописи редко» [12, с.39]. Ведь только в упоминавшейся нами монографии Н. В. Регинской приводится 12 таких изображений [32, илл. 16, 54, 57, 59, 62, 80, 87 – 91, 188].

Э. М. Корхмазян предположила, что на фреске изображён Святой Саргис со своим сыном, сидящим позади него на крупе лошади [41, с.44 – 45]. Однако св. Саргис «не был признан православной церковью в качестве святого», а «греки не только не принимают Саргиса за мученика, но „даже причислили его к категории ересиархов и всячески проклинают“» [41, с.44 – 45]. Следовательно,

уже само халкедонитское происхождение фрески автоматически исключает присутствие на ней св. Саргиса.

Два очень важных утверждения высказали А. В. Мальгин и М. Р. Мальгина: 1) что содержание фрески «может быть интерпретировано без обращения к особенно экстравагантным предположениям»; и 2) что прежние «попытки истолкования смысла изображения основывались на одном ошибочном предположении, а именно – в сидящей на крупе коня позади святого фигурке видели мальчика, отрока-оруженосца, что существенно затрудняло поиски агиографического источника изображения. В действительности же перед нами, несомненно, изображение взрослого человека, фигура которого в соответствии с канонами просто меньше фигуры святого по размеру» [37, с.5].

Мы полагаем, что перед нами действительно может быть и изображение взрослого человека, фигура которого, в соответствии с канонами, просто меньше фигуры святого по размеру, но возраст седока важен лишь постольку, поскольку он *разрушает стереотип* «чуда с отроком-виночерпием».

Дело в том, что мы заметили несоответствие между иконографическим типом «чуда Георгия с отроком», прорисью О. И. Домбровского и его же словесным описанием фрески «Трёх всадников». На прориси в руке заднего седока нет сосуда, хотя его корпус повернут, а рука отведена в сторону в точности как на упомянутых иконах «чуда с отроком» (рис. 9). В то же время в описании сказано, что «на крупе лошади первого всадника сидит, держась за седока (выделено нами. – Н. Д.), мальчишеская фигурка» [12, с.34 – 35]. Изучение фотографии в книге О. И. Домбровского [12, с. 37, рис.18] и литографии из альбома графа Уварова [22, табл.ЛIII] (рис. 12) дало нам основание предположить, что правильно именно словесное описание фрески. Поэтому мы выполнили контрольное фотографирование фрески. Анализ фотоснимка (рис. 13) подтвердил наши предположения об отсутствии оснований к отождествлению четвёртого персонажа фрески с отроком-виночерпием. Это заставило нас уделить более пристальное внимание его роли в *общей концепции* фрески.

Рис. 9. Прорись фрески «Трёх всадников» по О. И. Домбровскому [28, с.294; 12, с.35 – 36]

Рис. 10. Иконография «двойного чуда» была известна уже, как минимум, в XII столетии [32, илл. 59]

Рис. 11. «Георгий с двойным чудом» («паж») из книги Н. В. Покровского [40, с.193, рис.383]

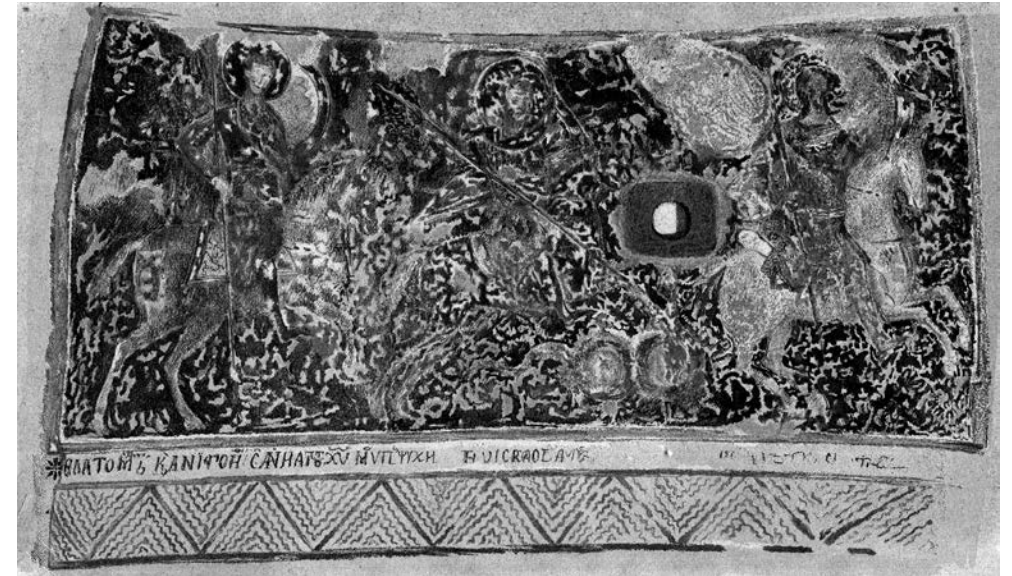

Рис. 12. Фреска «Трёх всадников». Литография из альбома графа Уварова [22, табл.ЛIII]

Рис. 13. Фигурка седока на крупе коня первого всадника. Фото автора

В этой связи уместно *вернуться к подписи* под фреской.

По вопросу о том, ради кого была написана фреска, среди исследователей также нет единства. Но важнее другое. Если изображения святых воинов хотя бы *представляются* светскому исследователю достаточно *наглядны-*

ми для анализа, то часть подписи под фреской, относящаяся к чисто богословским категориям («спасение души» и «отпущение грехов»), не вызывает у него вообще никаких *визуальных* ассоциаций.

А, следовательно, если у средневекового агиографа такие ассоциации были, и он воплотил их в визуальном символическом строе фрески, то сегодняшним неподготовленным зрителем эти образы будут не *расшифрованы*, а *перетолкованы* в рамках его нынешней социокультурной парадигмы.

Поэтому напомним, что для человека средневековья помимо нашей реальности существовала ещё Реальность иной, вечной жизни. А в храме формируется особое пространство, элементы которого в вещественном смысле принадлежат миру физическому, а в символическом смысле пространству «неотмирному». И программа *росписи* является отнюдь не главным способом «маркирования» координат «проекции» Неотмирного в наш мир. В первую очередь оно осуществляется средствами *литургической планировки* храма и символической нагрузкой расположенных в нём *литургических устройств*. Первая фиксируется разбиением храма на определённые *архитектурные объёмы* (нартекс-наос-алтарь). Вторые внешне оформляются в виде «*малых архитектурных форм*». Важно понимать, что оба эти способа (архитектурный и стенописный) «изобразительно» (по выражению св. Симеона Фессалоникийского) репрезентируют *одну и ту же* «неотмирную» Реальность. Это дублирование информации и позволяет нам попытаться восстановить утерянный *богословский* контекст фрески. Это означает, что в данном случае образный строй фрески не может быть понят *вне целостного архитектурно-стенописного анализа храмового пространства*.

Главным *смысловым центром* любого храма является его *престол*.

Следовательно, в храме «Трёх Всадников» мы имеем, по крайней мере, два несомненных *смысловых центра* — *архитектурный (престол)* и *стенописный* (фреску)*. Однако в композиционном центре всей объединённой композиции оказываются *северная арка алтаря* и буквально упирающийся в неё образ *первого всадника с фигуркой седока позади него* (рис. 14, 15)**. При этом фигурка ещё и точно *центрирована по вертикали*, а непосредственно рядом с ней в стене вырублено окошко. Другими словами, четвёртый персонаж фрески, который до сих пор считался не более чем «живым атрибутом» святого Георгия или же (как полагал О. И. Домбровский) *просто «пажом»*, вдруг оказался в *смысловом «центре тяжести»* всего храма.

Трудно представить себе, чтобы это было случайным совпадением. А поскольку «подлинная иконография — это механизм порождения образов» [43, с.109], то необходимо с целью выявления этого механизма рассмотреть *всю* вышеупомянутую композицию. А для того, чтобы наше исследова-

* Мы намеренно не употребляем термин «живописный», поскольку живопись отображает наше пространство иллюзорно.

** Теснота пещерного храма не позволяет отразить это на фотографии, однако это хорошо отражено на гравюре из книги Телфера (рис. 16) [42, с.263].

ние не выглядело «подгонкой под результат», вначале выработать методологию такого исследования.

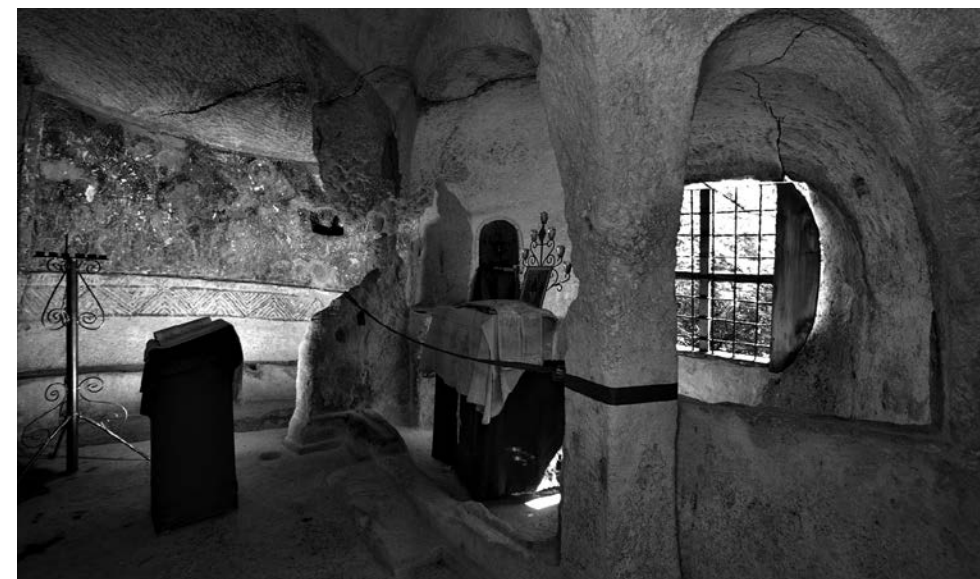

Рис. 14. Пещерная церковь «Трёх всадников». Интерьер. Вид с юга. Фото автора

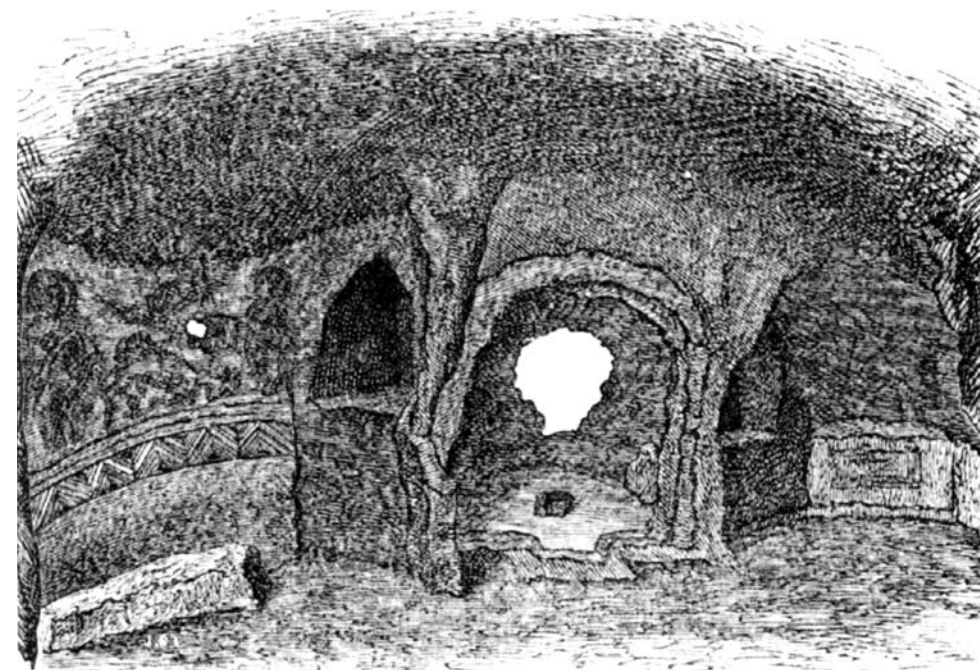

Рис. 15. Пещерная церковь «Трёх всадников». Интерьер. Вид с запада. Гравюра из книги Й. Телфера [42, с.263]

В. Н. Лазарев не случайно пишет, что всегда есть «*возможность протянуть нити от рождения нового иконографического типа к тому реальному иконографическому окружению, в условиях которого этот тип сложился*» [36, с.203]. Это означает, что для адекватности восприятия изображения его символический язык должен быть или взят из жизни, или иметь готовый иконографический прототип.

Но и этого мало. Для того, чтобы образ вызвал активную внутреннюю реакцию, он должен затрагивать что-то в глубинных пластах сознания зрителя.

Поэтому попытаемся *непредвзято описать* интересующую нас архитектурно-стенописную композицию с проверкой на психологическую достоверность для *повседневного* или *архетипического* восприятия. Затем проверим её «бритвой Оккама» на отсутствие «обращения к каким-либо экстравагантным предположениям», т. е. на *каноничность*. И только после этого попытаемся дать ей *богословскую* интерпретацию.

1) На уровне *непосредственно-изобразительном* мы видим образы святых всадников в колонне, как бы въезжающей через северную арку в алтарь, причём их позы ясно указывают, что «въезжают» они в колонне *триумфальной*. Эту триумфальную колонну возглавляет всадник с седоком за спиной — другими словами, седок *со-возглавляет* триумфальное шествие, но не как равноправный победитель, а как человек, которому оказывают *помощь* (или даже как *спасённый*). Триумфальному шествию пытается *помешать* змей, желающий дотянуться до седока на крупе лошади *переднего* всадника. Поэтому *средний* всадник *отгоняет* змея, угрожая копьём. Именно так объясняется *изменение* триумфальной позы второго всадника. Таким образом, на уровне *бытового* сознания образный строй фрески *психологически мотивирован*. Следовательно, в его структуре не было «невидимых» символов.

2) На уровне *иконографическом* изображение первого всадника с седоком на крупе коня имело *прямые иконографические прототипы*, в частности, «чудо с отроком». Поза второго всадника также является абсолютно *канонической*, о чём говорят многочисленные изображения св. Георгия, св. Димитрия и св. Феодоров. То же можно сказать и о позе третьего всадника.

Следовательно, стенопись храма «Трёх всадников» по своей сути ни в одном пункте не противоречит канону, а среди её символов не было «запрещённых».

3) Это даёт нам полное основание полагать, что богословское *содержание* композиции также было *ортодоксально-православным* и не содержало «невидимого» контента. А, следовательно, оно достаточно легко подлечит расшифровке. Насколько нам известно, попыток *богословской* интерпретации *общего* содержания данной архитектурно-стенописной композиции до нас не делал ни один исследователь*.

* Как известно, впервые сделал попытку связать сюжет фрески с особенностями планировки самого храма О. И. Домбровский. Но назвать этот анализ «богословским» нельзя даже с натяжкой.

Для решения этой задачи снова перейдём от анализа *изобразительного* к анализу *символическому*.

«*Пространственное ядро храма намечается оболочками: двор, притвор, самый Храм, алтарь, престол, антиминс, чаша, Святые Тайны, Христос, Отец. Храм... есть лествица Иаковлева, и от видимого она возводит к невидимому, но весь алтарь, как целое, уже есть место невидимого, область, оторванная от мира, пространство не-отмирное. Весь алтарь есть небо... с „пренебесным и мысленным жертвенником“*» [44, с.439], — писал священник Павел Флоренский.

Итак, алтарь есть образ *Царствия небесного*. Что же касается *северной алтарной арки*, а, точнее, формирующего её северного столба алтарной преграды, то Н. Е. Гайдуков в своё время высказал предположение, что в него была замурована некая реликвия [13, с.172], которая делала этот столб «*особым нелитургическим центром*» храма [8, с.170; 45, с.76]. Как видим, это предположение в ходе нашего анализа получило косвенное подтверждение.

Если учесть *триумфальные позы* всадников и то, что *изображение* первого из них буквально упирается в северную *арку* алтарной преграды, которая в этой церкви сильно выступает в наос, то мы можем утверждать, что здесь изображено *триумфальное вступление процессии мучеников* в Царствие Небесное. Они *торжественно возвращают* *Отцу* его *чадо* и в то же время доставляют душу усопшего к *преддверию престола Христова* (изобразительно представленного св. трапезой), на котором пребывает Он Сам, изобразительно представленный Святым Евангелием и Евхаристической Жертвой. Самим фактом того, что они *уже* приняли четвертого товарища в свой сонм, они *представляют* за него. Однако всё это происходит только лишь в *преддверии* небесных врат, символизируемых *аркой алтарной преграды*. Именно поэтому (*а вовсе не из-за «возрастных ограничений»*, как полагал О. И. Домбровский^{*)} на голове четвертого персонажа отсутствует *нимб* — его там попросту *ещё* не может быть. Ибо только от *Христа*, пребывающего на *престоле*, зависит, упокоится ли душа *усопшего* «в селениях славы Его».

Очевидно, *помешать* этому могут лишь *грехи покойного*. И в этой связи возникает вопрос о *персонификации*^{**} этой «помехи». Ведь «*если икона иногда и изображает зло, то лишь явное, олицетворённое. Оно не пронизывает собою вещи подобно тому, как двусмысленность может пронизывать их в жизни и на картине*» [46, с.111].

Как известно, именно *змей* был тем искусителем, благодаря которому произошло грехопадение человека и, как следствие, его *изгнание из Рая*.

* Известны не только святые мученики-отроки, но и святые мученики младенцы.

** Религиоведам (да и психологам) хорошо известно свойство человеческого сознания одушевлять (персонифицировать) явления, свойства и предметы. В частности, ад на иконах часто изображался в виде разинутой пасти. А в контексте интересующего нас вопроса в русском языке есть весьма наглядно иллюстрирующая это положение фраза: «И рад бы в рай, да грехи не пускают». Несомненно, она отражает глубинные архетипические пласты человеческого сознания. Именно «не пускающего в рай» душу усопшего змея мы видим на фреске «Трёх всадников».

Правда, *первородный* грех снимается с человека в таинстве Крещения. И во время богослужения в праздник Крещения Господня поётся стихира, в которой есть такие слова: «Приклонил еси главу Предтечи, сокрушил еси главы змиев (выделено нами. — Н. Д.): пришел еси в струи, просветил еси всяческая, еже славити Тя, Спасе, Просветителя душ наших».

В этой связи уместно вспомнить об апокрифическом предании о так называемом «хирографе Адама». Согласно ему, после изгнания Адама из Рая сатана вынудил его заключить с ним договор о том, что его потомки будут слугами сатаны, «пока не родится нерождённый и не умрёт бессмертный». Подтверждающий этот договор плоский камень с отпечатком Адамовой руки (хирограф) сатана погрузил в Иордан под охрану змеев. В момент своего крещения Иисус, выполнивший Своим Рождеством казавшееся невозможным условие расторжения договора, сокрушил главы змеев и разбил (раздавил) камень с хирографом [47, с.5–9].

Однако, будучи освобождённым от *первородного* греха, человек постоянно рискует вновь попасть во власть Сатаны за счёт грехов *приобретённых*, из-за которых древний «змей» снова и снова предъявляет на него свои права, не пуская его в Рай. Более того. Если (в соответствии с нашей методологией) от чисто христианской символики обратиться к архетипическим формам сознания, то мы вспомним, что именно змея «во многих архаических культурах... считается символом подземного мира и царства мёртвых» [32, с.28], а «в христианской традиции прочно утвердилось отождествление змея со злом, дьяволом, сатаной, принявшим лишь обличье змея» [32, с.30]*. Не случайно в архаических культурах «именно змея служит порогом при переходе из „человеческого мира“ в „нечеловеческий“... „Размыкание“ змея необходимо при ритуале перехода» [32, с.92].

В соответствии с христианскими представлениями, «правильно» преодолеть «порог при переходе из «человеческого мира» в «нечеловеческий» можно только одним способом — при помощи *покаяния и молитвы*.

Напомним, что, согласно житию св. Георгия, *поразив змея* в гортань, он далее связал его *молитвой* так, что тот стал «кроток яко овча». С учётом этого напрашивается вывод, что образ Георгия-змееборца в данном случае, в действительности, есть образ *молитвенника*** , который *молитвенно нейтрализует* преследующие усопшего грехи, *отгоняя их персонифицированное воплощение****.

* «В одной иконе попираемого Георгием змия оседлал маленький чертик — быть может, намек на причастность змия к дьявольской силе, о которой речь идет в житиях святого», — пишет М. В. Алпатов [48, с.304]. И, хотя это указание относится уже к древнерусской иконописи, архетипы народного сознания были, скорее всего, достаточно близкими.

** «Примечательно, что копьё Георгия в прописях средневековой Руси изображается тонкой линией, как бы подчёркивая то, что Георгий побеждает дракона не силой оружия, а силой молитвы, слова божьего. Метафора победы Света (просвещённой христианской мысли) над тьмой (дьявольскими грехами и сомнениями) очевидна» [32, с.74].

*** «Недаром А. Щапов отмечал, что помимо основного значения Георгия, ему присущи были ещё смысловые оттенки, так как в легенды о нем вошли еще пережитки мифологического прошлого. Георгий сблизился и с другими героями средневековой легенды: и с Ми-

Первый же всадник есть всего лишь *иконографический тип спасителя* (с *маленькой* буквы), поскольку в Средние Века идея спасения могла быть выражена лишь весьма ограниченным набором образов: якорь, корабль или всадник-избавитель.

Мы полагаем, что нашли этому предположению прямое подтверждение.

В альбоме Д. М. Струкова, хранящемся в отделе изопродукции РГБ, мы обнаружили весьма тщательно выполненный, хотя и незавершённый карандашный рисунок (рис. 16), изображающий образ святого всадника [49, л. 4]. Подпись над рисунком гласит: «Георгиевский монастырь», подрисуночная подпись: «Изображение на образе». Надпись над изображением и человеческая фигура под ногами коня однозначно указывают, что на рисунке изображён св. Димитрий.

На крупе коня св. Димитрия сидит *маленькая человеческая фигурка* в *монашеской скуфейке* и с *длинной бородой*, буквально вцепившаяся в луку седла святого всадника. Нимб над её головой отсутствует. Несмотря на то, что данный образ, по-видимому, достаточно поздний, его анализ даёт нам возможность сделать следующие выводы:

1. В среде крымских греков бытовал тип святого воина с седоком на крупе коня (назовём его условно «иконографическим типом всадника-спасителя»), который вовсе не был обязательно связан с образом св. Георгия.

2. Резонно предположить, что на крупе коня св. Димитрия из Георгиевского монастыря был изображён один из насельников этой обители, причём изображён явно в преклонном возрасте, несмотря на малый размер его фигуры.

Другими словами, мы имеем почти полную аналогию росписи храма «Трёх Всадников», хотя и в усечённом виде.

В нашем же случае всадник-спаситель скорее всего *тезоименит* изображённому на крупе его коня персонажу, что автоматически также делает его *молитвенником* за него*.

Возможно, понимание этого факта и отказ от шаблонного представления о «троичном» Георгии даст, наконец, исследователям свободу в анализе иконографии первого всадника, и нам, наконец-то, удастся узнать его настоящее имя, а, через это и имя главного героя фрески.

Как видим, *визуально-бытовой* и *символично-иконографический* смысловые ряды фрески «Трёх Всадников» при такой трактовке сходятся без каких-либо натяжек.

хаилом Архангелом на белом коне, и с Никитой, поражающим дьявола (выделено нами. — Н. Д.), и с Ильей-пророком, причастным к молнии» [48, с.283].

* В. П. Степаненко допускает, что тезоименитым усопшему мог являться замыкающий всадник [33, с. 455]. Эта роль, как мы видели, была ему отведена по «остаточному принципу». Но кто, как не святой покровитель усопшего, должен был бы «доставить» его душу к вратам Царствия Небесного?

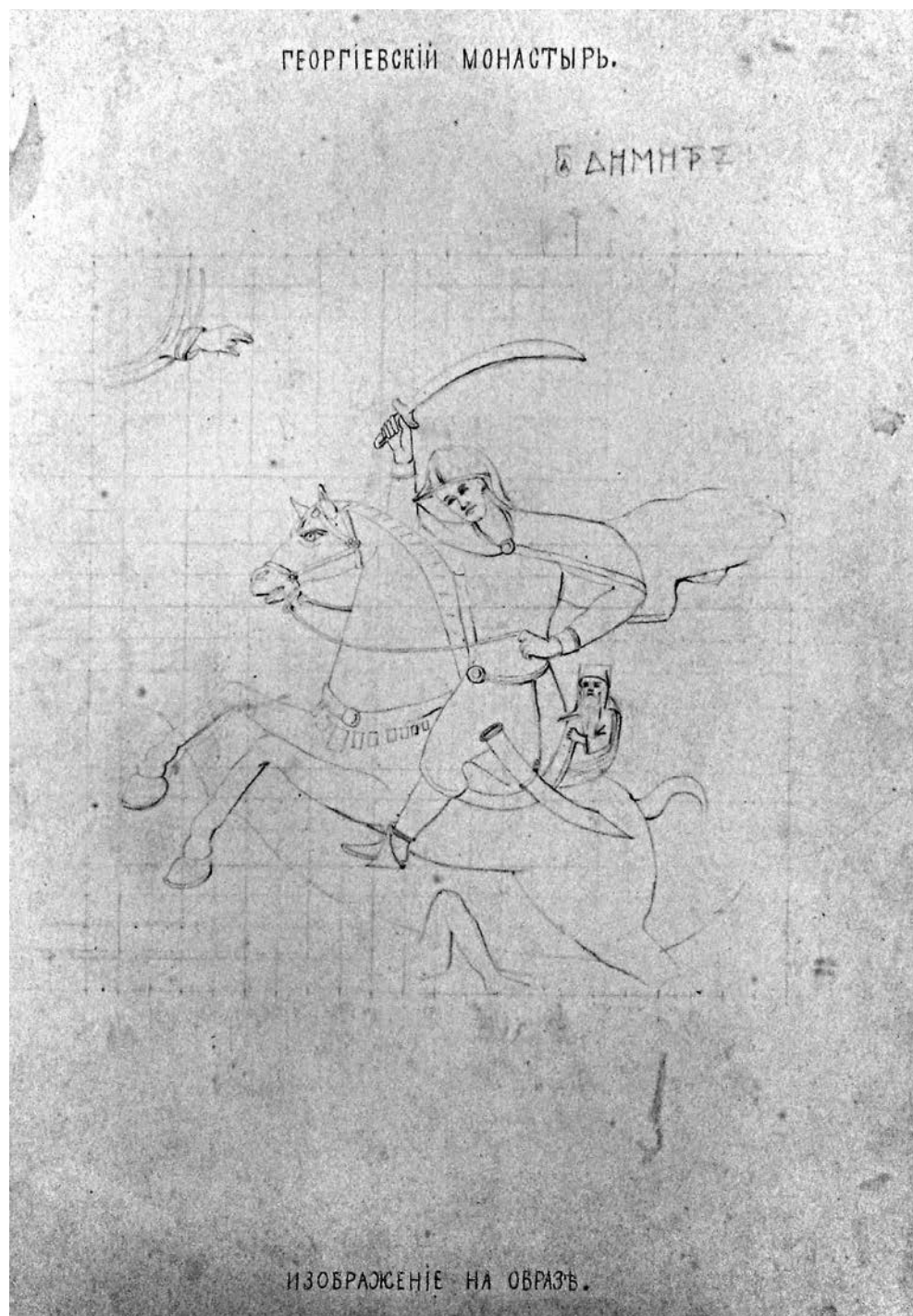

Рис. 16. Образ св. Димитрия из Георгиевского монастыря.
Карандашный рисунок Д. М. Струкова [49, л. 4]

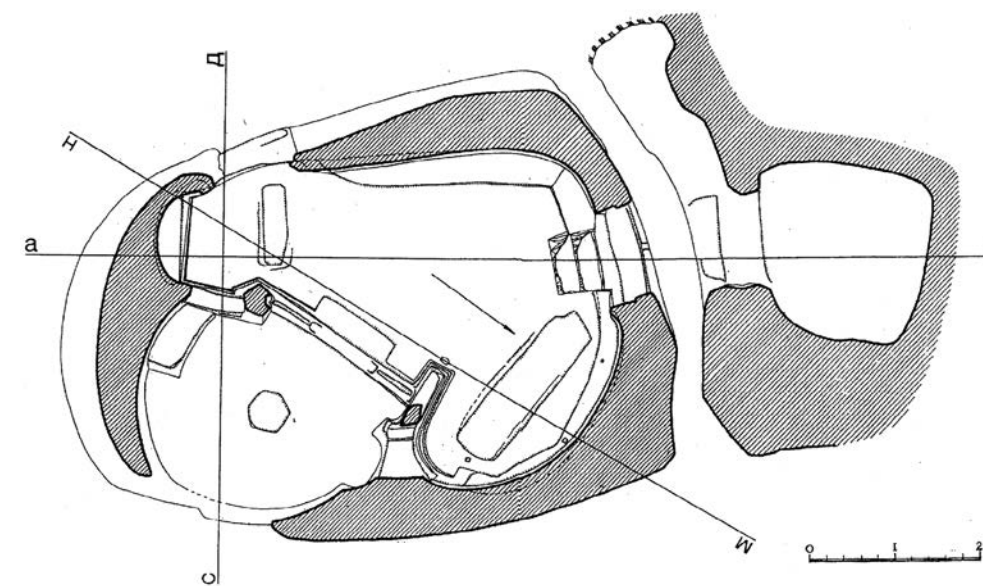

Рис. 17. План храма «Трёх Всадников» по Ю. М. Могаричеву [5, с.257]. Хорошо видно, что могила в полу геометрически вписана в кривую, формируемую стеной с фреской

Но, как мы помним, в нашем распоряжении имеется не только готовая идея в виде образов на фреске, но и поясняющая её греческая надпись. Нам представляется, что предложенная нами интерпретация целостной фресковой композиции полностью соответствует её содержанию.

В самом деле, мы имеем здесь — в вырубленном компартименте — написанных святых мучеников: *первого* — иконографически отображённого в типе спасителя с маленькой буквы и «доставляющего» душу усопшего в преддверие райских врат (т. е., другими словами, способствующего спасению души); и *второго* — «нейтрализующего» персонифицированные в образе змея грехи усопшего, т. е. способствующего отпущению этих грехов.

Связь этих мучеников с храмом, возможно, к тому же вещественно закрепились замурованными в алтарный столп частицами их мощей.

А поскольку данный визуальный ряд до сих пор полностью сходил со смысловым рядом подписи под фреской, то есть все основания отождествлять и последний член первого ряда (седока на крупе лошади первого всадника) с таковым же второго ряда, а именно, с тем человеком, ради спасения которого и была написана фреска. Это подтверждается и его центральным положением в храмовой композиции.

Следовательно, анализ образного строя росписи в символическом контексте литургического пространства храма показывает, что этот образный строй в точности соответствует содержанию подписи под фреской (и, более того, раскрывает смысл той её части, которая в настоящее время утра-

чена). Он безукоризненно выражает идею молитвенного предстательства святых пред Господом за душу усопшего четвёртого персонажа фрески, что эксплицитно выражено и в подписи под фреской. При этом он строжайше соответствует иконографическому канону и в то же время полностью понятен и логически или ассоциативно оправдан на уровне бытовых реалий или ментальных архетипов народного сознания, что делало его совершенно очевидным любому верующему.

Осознание того факта, что иконография не сводится к набору готовых агиографических сюжетов, а является лишь способом выражения заданной богословской идеи каноническими средствами, снимает необходимость искать в сюжетной стороне фрески только известные агиографические эпизоды.

В частности, отпадает необходимость в насковозь искусственном предположении о «троичном Георгии», которое противоречит как иконографии фрески, так и подписи под ней.

По этой же причине отпадает и необходимость в обязательном соответствии иконографии центрального всадника бородатому Феодору Тирону. В то же время, идентификация его как св. Георгия достаточно вероятна.

Что же до первого всадника, то он, скорее всего, был соимёнён усопшему. Непредвзятое изучение иконографии этого святого, возможно, поможет установить истинное имя последнего, а отказ от необходимости видеть в четвёртом персонаже фрески юношу-виночерпия открывает для исследователей перспективы выяснения реальных подробностей о нём как об историческом лице посредством непредвзятого изучения его собственной иконографии.

Теперь мы также можем вернуться и к вопросу о литургической планировке всего храма. Дело в том, что северная стена, на которой изображена фреска и подпись под ней, огибают вырубленную в центре пола северного компартимента гробницу. Логично предположить, что именно в этой гробнице (а отнюдь не в детской могиле у входа в храм, как полагал О. И. Домбровский) и был похоронен «четвёртый персонаж» фрески храма «Трёх Всадников».

Таким образом, в ходе наших исследований нам впервые удалось выполнить комплексную интерпретацию пещерного храма «Трёх Всадников», устранив целый ряд недоумённых вопросов, возникавших перед нашими предшественниками, а именно: прояснить особенности литургической планировки храма; уточнить прочтение надписи под фреской на его северной стене и опровергнуть мнение о возможности использования данной надписи для датировки храма; и, в то же время, показать, что образный строй фрески безукоризненно в богословском отношении иллюстрирует содержание этой надписи и в известной степени позволяет реконструировать утерянную часть её содержания.

Автор считает своим приятным долгом выразить благодарность Э. С. Смирновой и Д. Г. Мироненко — за ценные консультации, а протоиерею Валентину Ромушину и М. Р. Мальгиной — за предоставленные материалы. Особую признательность хочется выразить С. В. Харитонову, взявшему на себя труд скрупулёзного анализа данной статьи и сделавшему целый ряд существенных замечаний и уточнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Днепровский Н. В., Шкурдода В. А. К вопросу о первоначальной литургической планировке триконхиальных пещерных церквей Эски-Кермена // Лаврський альманах. Спецвипуск 9. Дослідження монастирських печерних комплексів. — К., 2010. С.124–143.
2. Эрст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. III (60). Симферополь, 1929. С.15–43.
3. Н. И. Репников. Эски-кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг // ИГАИМК. Л, 1932. Т. 12. Вып. 1–8. С.107–152.
4. Репников Н. И. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма. Архив ИИМК, Ф.1. Д.9, 10.
5. Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997. 384 с.
6. Харитонов С. В. Древний город Эски-Кермен. СПб., 2004. 160 с.
7. Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. Е., Желтов М. С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // Российская археология. 2005. № 1. С.72–80.
8. Гайдуков Н. Е. Литургические датировки некоторых пещерных храмов Таврики // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П. И. Кепшена). К., 2004. С. 167–174.
9. Гайдуков Н. Е. Сакральное пространство и литургические устройства в доиконоборческих пещерных храмах Юго-Западной Таврики // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., «Индрик», 2006. С.186–215.
10. Дмитриевский И. Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной Литургии. М., 2009.
11. Babić G. Les chapelles annexes des églises Byzantines. Paris, 1969. 190 pp.
12. Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. К., 1966. 110 с.
13. Гайдуков Н. Е. Скрытая реликвия: столп-реликварий пещерного храма «Трёх Всадников» близ городища Эски-Кермен // Спелеология и спелестология. Материалы международной научной заочной конференции. Набережные Челны, 2011. С.170–173.
14. Веймарн Е. В. Материалы к монографии «Пещерные города Крыма». Архив КРУ-БИКЗ, фонд 10а, документ 80/4.
15. Харитонов С. В. «Пещерные города» Крыма. СПб – Одесса – Симферополь, 2005. 248с. с илл.
16. Герцен А. Г., Махнева-Чернец О. А. «Пещерные города» Крыма. Симферополь, 2004. 216 с. с илл.
17. Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003.
18. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. 144 с., 11 таблиц.
19. Латышев В. В. Заметки к христианским надписям из Крыма (По сообщениям А. Л. Бертъе-Делагарда) // ЗООИД, т. XX. Одесса, 1897. С.149–162.
20. Григорович В. И. Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра. Одесса. 1874.
21. [Струков Д. М.] Древние христианские памятники Тавриды. 1886. Архив ИИМК. Ф. Р-1. № 339.

22. [Уваров А. С.] Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Чёрного моря графа Алексея Уварова. СПб., 1851.
23. *Виноградов А. Ю.* К вопросу о средневековой эпиграфике Юго-Западного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории Руси-Украины. Материалы научной конференции. — Киев-Судак, 2002.
24. *Днепровский Н. В., Чорейф М. М.* К вопросу о местонахождении надписи, обнаруженной В. И. Григоровичем в округе Черкес-Кермена // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь — Тюмень, 2013. Вып. V. 187—194.
25. *Бертъе-Делагард А. Л.* Заметки к христианским надписям из Крыма (В. В. Латышев). ЦМТ. Архив А. Л. Бертъе-Делагарда. Оп. 5. Д. 11.
26. *Днепровский Н. В.* К вопросу о роли четвёртого персонажа в росписи пещерного храма «Трёх всадников» // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2013. С.20.
27. *Днепровский Н. В.* К вопросу о каноническом смысле росписи пещерного храма «Трёх всадников» // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь — Тюмень, 2013. Вып. V. С. 108—138.
28. *Волконская И. Г.* Фрески пещерных храмов Эски-Кермена и его округи (Юго-Западный Крым) // Русская культура XVI века — эпоха митрополита Макария. Материалы X Российской научной конференции, посвящённой Памяти Святителя Макария. Вып. X. Можайск — Терра, 2003. С.284—311.
29. *Волконская И. Г.* Эски-керменские фрески. Новые исследования // Церковные древности. Сборник материалов III международной конференции «Церковная археология: литургическое устройство храмов и вопросы истории христианского богослужения». Симферополь, 2005. С.217—239.
30. *Священник Павел Флоренский.* Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях // Священник Павел Флоренский. Собрание сочинений. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. С.81—259.
31. *Овчинникова Е. С.* Вновь открытый памятник станковой живописи из собрания Государственного исторического музея // ВВ. 1976. № 37. С.228—234.
32. *Регинская Н. В.* Святой Георгий Победоносец — герой-змееборец. Образ святого Георгия Победоносца в византийско-славянском искусстве. СПб, 2009. 208 с.
33. *Степаненко В. П.* К иконографии фрески храма «Трёх всадников» под Эски-Керменом // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003. С.452—457.
34. *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб, 2009.
35. Православная энциклопедия. Том X. ВТОРОЗАКОННИЕ — ГЕОРГИЙ. М., 2005.
36. *Лазарев В. Н.* Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // ВВ. Т.VI. М., 1953. С.186—222.
37. *Мальгин А. В., Мальгина М. Р.* К вопросу об интерпретации фрески «Храма трёх всадников» в Эски-Кермене (по материалам фонда А. Л. Бертъе-Делагарда архива Крымского республиканского краеведческого музея) // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. № 2, 1993. С.4—7.
38. *Покровский Н. В.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. М., 2001.
39. *Бусева-Давыдова И. Л.* О свободе средневекового искусства: художник и иконографическая традиция // Церковное искусство, его восприятие и преподавание. Материалы Всероссийской конференции с участием зарубежных специалистов. Москва, 11—12 мая 2006 г. Свято-Филаретовский православно-христианский институт. М., 2007. С.152—172.
40. *Покровский Н. В.* Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Пг., 1916. 246 с.
41. *Корхмазан Э. М.* О фреске «Трёх всадников» в Эски-Кермене // Исследования по арменистике в Украине. Вып.1. Симферополь, 2008. С.44—46.
42. *Митрополит Лазарь (Швец), Шорохова Т. С.* Священный образ Тавриды: православные святыни Крыма в изобразительном искусстве. Симферополь, 2012. 588 с.
43. *Ваняев С. С.* Архитектура и иконография. «Тело символа» в зеркале классической методологии. М., 2010. 832 с.
44. *Священник Павел Флоренский.* Иконостас // Священник Павел Флоренский. Собрание сочинений в четырёх томах. Том 2. М., 1995. С.419—526.
45. *Гайдуков Н. Е.* Литургическое устройство пещерных храмов юго-западной Таврики (на примере трех пещерных храмов округа пещерного города Эски-Кермен) // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории Руси-Украины. Материалы научной конференции. — Киев-Судак, 2002. С.71—75.
46. *Мелик-Пашиев А. А.* О духовных основаниях художественного творчества // Церковное искусство, его восприятие и преподавание. Материалы Всероссийской конференции с участием зарубежных специалистов. Москва, 11—12 мая 2006 г. Свято-Филаретовский православно-христианский институт. М., 2007. С.106—123.
47. *Стоун М.* Легенда о хирографе Адама // Исследования по арменистике в Украине. Выпуск 4. Симферополь, 2012. С. 5—9.
48. *Алпатов М. В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // ТОДРЛ. Т.XII. М. — Л., 1956. С.292—310.
49. *Струков Д. М.* «Рисунки древних памятников христианства в Тавриде». Отдел ИЗО РГБ, топографический шифр 105/5378.
50. Архив ИИМК, ф. Р-1, д. 119а.

Ю. А. Долотов

Русское Географическое Общество,
г. Протвино Московской области

О КЛАССИФИКАЦИИ КУЛЬТОВЫХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

Культовые подземные сооружения, если рассматривать их в рамках классификации искусственных подземных сооружений по их назначению, относятся к классу архитектурных сооружений и созданы для исполнения в них обрядов (культовых и погребальных) [25]. Иными словами, задача культовых подземелий (как и вообще культовых сооружений) — представление характерной для данного общества трансценденции в материальном мире.

Согласно ряду современных концепций, религия — в некотором роде побочный продукт эволюции человеческого мышления [42], особенно которого сделали людей чрезвычайно восприимчивыми к религиозным идеям независимо от их рациональности и полезности* [71], а с другой стороны, является полезной адаптацией, развившейся в ходе эволюции (способствуя, например, сплоченности большой группы: сложные обряды и системы ограничений могут играть роль трудно подделываемых сигналов лояльности и готовности к кооперации) [88]. Из этого следует сделать вывод, что религиозность — древнейшее свойство подвида *Homo sapiens sapiens*, развившееся практически одновременно с возникновением современного человека**. Наиболее древним из известных следов проведения ре-

* По мнению П. Буайе, религиозное мышление — это наиболее естественная для человека форма мышления, не требующая от мыслящего индивида специальных усилий. Неверие в потусторонние силы, напротив, требует сознательной и упорной интеллектуальной работы, направленной против естественных психических склонностей.

** Проблема наличия религиозных идей и обрядности у *Homo sapiens neanderthalensis* остается открытым. В отличие от людей современного типа, которые создавали наскальные рисунки, расписывали стены пещер и даже изображали себе подобных, а также оставили множество резных фигурок, нет никаких свидетельств, что неандертальцы делали нечто подобное. Одним из самых противоречивых показателей культурного потенциала неандертальцев можно считать погребения, в том числе костей пещерного медведя, поскольку сложные погребения — убедительное свидетельство проявлений религиозного сознания. Это делает крайне важным вопрос, являются ли найденные в пещерах скелеты неандертальцев, относящиеся к периоду среднего палеолита (40...60 тыс. л. н.), погребениями в подлинном смысле этого слова, что достаточно спорно [93;82;74]. Вероятно, этот обычай неандертальцы могли заимствовать у людей современного типа. Однако известно, что уже около 280 тыс. л. н. люди начали использовать камни для растирания минеральных пигментов. Использование пигментов считается этапной вехой истории, поскольку, наряду с практикой погреб-

лигиозных ритуалов является пещерное святилище Тсодило в Ботсване, где уже 70 тыс. лет назад люди поклонялись питону [94]. Первые настоящие рисунки, которые нам известны, были сделаны *homo sapiens sapiens* в Африке 40 тыс. лет назад, гораздо позже — в Австралии (22 тыс. лет) и в Америке (17 тыс. лет). Однако это были в основном неуклюжие абстрактные орнаменты и стилизованные человечки. Исключением является Европа, где вместе с кроманьонцами 34 тыс. л. н. появилась настоящая живопись, количественное соотношение сюжетов которой и порядок расположения их на стенах пещер подчинены единому канону, единому для всех палеолитических художников Европы [13]. Определенно можно сказать, что в Европе с момента 34 тыс. л. н. существовали достаточно развитые культы, использующие ЕП как святилища, следами чего являются пещерная живопись и скульптуры.*

Погребальные АС предназначены для захоронения умерших людей; помимо практической потребности избавления от трупов, они служат для исполнения погребальных обрядов, тесно связанных с религиозными культами.

Погребальные АС подразделяются на *склепы* — отдельное подземное помещение для погребения; имеет вид камеры, зачастую с недлинным входным коридором, называемым дромосом. От *склепов* (которые являются одиночными сооружениями) следует отличать *катакомбы*, строение которых предусматривает систему подземных помещений или галерей, созданную специально для погребений [59]. Термин *некрополь* следует относить к совокупности отдельных захоронений [32].

Род культовых АС включает в себя следующие виды (Табл. 1).

Жертвенники и святилища — сакральные места, предназначенные для личного общения с высшими силами (что более характерно для шаманистских культов) [44].

Святилища. В пещерах-святилищах религиозные обряды производятся непосредственно верующими. Подобные объекты распространены по всему миру.

Как сказано выше, естественные пещеры (ЕП) использовались для культовых целей уже людьми палеолита, наносившими свои магические ри-

бений, это одно из свидетельств способности к символическому мышлению [85]. В целом гипотеза о наличии у неандертальцев каких-то религиозных представлений и соответствующих обрядов кажется вполне правдоподобной [13].

* Существует даже точка зрения, что основные формы искусства родились из религиозных идей (Э. Дюркгейм). То обстоятельство, что среди древнейших произведений искусства, известных в настоящее время, есть изображения сверхъестественных существ (вырезанная из кости фигура человека-льва из Холенштейн Штадель в Германии, имеющая возраст около 33 тыс. л. н., рисунок бизона-человека из ЕП Шовэ во Франции, датируемый примерно таким же временем), заставляет считаться с этой гипотезой, хотя крайне маловероятно, что происхождение всех тех форм знакового поведения, которые сейчас принято включать в искусство, может быть объяснено одной причиной и сведено к одной функции [13].

сунки в труднодоступных уголках, и устраивавших в пещерах захоронения как соплеменников, так и животных — пещерных медведя, льва и др. [34;9] *. Типичными святилищами являются пещеры (естественные и искусственные) Каменной Могилы (Украина), обладающие уникально долгой историей использования — около 15 тыс. лет [47]. В Крыму многие карстовые пещеры использовались как святилища (пещеры Змеиная, Красная, Ени-Сала-2, ряд пещер на Чатырдаге и др.) [27]. Одна из пещер в Болгарии фракийцами была посвящена нимфам и оборудована для поклонения им [58]. Крупные ЕП с древними святилищами в них исследованы на о. Сокогра (Йемен) [77].

Таблица 1

Виды культовых подземных сооружений

Выполняемые обряды	Принадлежность	
	индивидуальные	коллективные
Шаманистские	• жертвенники и святилища	• жертвенники и святилища • инициализационные
Жреческие		• храмы • крипты • ризницы
Монастырские обеты	• отшельничьи (кельи) • обетовые	• монастыри • обетовые
Погребальные (похороны)	• склепы	• катакомбы

В конце неолита — бронзовом веке широко возводились мегалитические сооружения, в т. ч. дольмены, строения из каменных плит, которые, однако, исходно все были погребены грунтом [39], т. е. являлись спелестологическими объектами. Дольмены были первыми монументальными засыпными подземными постройками и использовались в т. ч. как святилища [68].

В 40 км от Дублина в местности Бру-на-Бойн на р. Бойн (Ирландия), расположены три огромных неолитических (3 тыс. до н. э.) кургана (Нью-Грандж, Наут, Даут) с подземными галереями, связанными с солнечным культом [80].

К святилищам относятся также почитаемые пещеры, преимущественно естественные, которые народная молва связывает с деятельностью святых, религиозными событиями, чудесными свойствами и т. п. Подобные ЕП, почитаемые в рамках народного православия, распространены на северо-западе России [1]. С доисламского и по настоящее время почитается группа

* Интересно, что, по исследованиям С. Уоллера, для создания рисунков первобытные люди использовали исключительно пещеры с сильным и специфически звучащим эхо [95].

ЕП на склонах массива Чиль-Устун в Ошских горах (Киргизия): Чиль-Устун, Сувли-Кумар и Ашхона, связанные с именем святого Курбан-Ата [49]. Также в числе почитаемых мусульманами ЕП Благай (Босния и Герцеговина), Дюрк (Дагестан), Аулие-Тас (Казахстан), Соф-Омар (Эфиопия) [43].

Жертвенники. В жертвенниках осуществляют приношения высшим силам; часто при этом человек не допускается в подземную полость (священные колодцы и т. д.).

Примером жертвенника может служить искусственно высеченный Турецкий Колодец (Украина), глубиной около 8 м [3]. В древности крымская карстовая пещера МАН также служила жертвенником: в ее 30-метровый колодец сбрасывали кости жертвенных животных [27]. Естественные культовые гроты имеются на о. Сахалин в районе пос. Адо-Тымово; грот Пузи-1 (Адо-Тымово-3), по представлениям нивхов, являлся обиталищем «лесных людей», которым приносились жертвы [18]. ЕП Эль-Дуэнде в Дос-Пиласе (Мексика) несколько столетий была местом жертвоприношений, о чем можно судить по керамическим предметам и человеческим костям, плотным слоем устилающим ее пол на довольно протяженном участке [29].

Инициализационные — предназначены для обрядов инициализации, т. е. ритуалов посвящения, создающих условия для перехода из одного социального и/или духовного статуса в другой, в частности включение в некоторый замкнутый круг лиц.

Ряд обрядов и мифов посвящения связан с символикой гротов и пещер, отождествляемых с чревом Матери Земли. Пещеры много значили в доисторических посвящениях [70]. Для этой цели обычно использовались ЕП. Наиболее древние следы обрядов инициаций имеются в палеолитических пещерах Западной Европы [34]. В конце XIX в. Г. Оссовский под большим завалом плит в ЕП Вертеба (Украина) обнаружил около 25 скелетов молодых мужчин; также здесь были найдены предметы культового назначения [89]. Предполагалось, что в энеолите пещера была культовым святилищем, а неожиданный обвал свода произошел во время инициации. У племен североамериканских индейцев каждый клан имел свою пещеру, где обитает дух-посвяtitель, и в этой пещере происходило посвящение [70]. Полуподземный лабиринт Сатунсат в Ошкитке (Мексика), по видимому, использовался для испытания лиц, готовившихся занять важные общественные должности в обществе майя, состоявшее из перехода по темным коридорам [54].

В привходовом зале ЕП Ана-о-Кеке (о. Рапа-Нуи), стены которого были покрыты рельефами, некогда содержали знатных девушек, чтобы они в темноте стали белее — это требовалось для определенных религиозных церемоний [63]. Подобный обычай существовал и на о. Мангарева [62]*.

* Вообще важным этапом обрядов женского посвящения является изоляция; в обрядовой изоляции девушек усилена символика темноты, что объясняется мистической связью между Луной и женщинами [70].

Храмы (в том числе подземные) предназначены для отправления жреческих ритуалов и характерны для политеистических и монотеистических религий [44]. Соответственно храмы отличаются более сложным оформлением и конфигурацией. Иногда помещения подземных храмов сооружались под наземными храмами. Также следует упомянуть храмы-крипты — относительно небольшие по объему подземные храмы, в которых совершались тайные богослужения в основном служителями культов без верующих [58].

Пещерные храмы характерны практически для всех религий.

Пещерные храмы Египта почти все находятся в Верхнем Египте, южнее Асуана. Они достаточно однотипны по устройству — анфилада колонных залов со святилищем в дальней части [64]. Знаменитые древнеегипетские пещерные храмы находятся в Абу-Симбеле и Дейр-эль-Бахри.

Хетты поклонялись в пещерах подземному богу, представлявшемуся им в виде меча, и в жертву ему приносили птиц. Самое значительное хеттское святилище Язылыкая устроено в двух ЕП со священным родником. Пещеры были украшены рельефами и перегорожены стенами, впоследствии к ним был пристроен наземный храмовый комплекс, пещерные же пространства были соединены между собой и использовались в ритуальных целях [41].

В древнем Урарту искусственные подземные сооружения настолько почитались в строительной практике, что урарты имели специального бога подземелий — Аириани. Распространенным типом подземных сооружений в Урарту были скальные храмы значительных по величине объемов (Большая Ванская Пещера, Ичкала, Топрах-Кале, Нафткую и др.). Особенности этих храмов являлись сравнительно небольшой центральный объем, боковые объемы в виде камер, элементы крупной функциональной пластики на хорошо обработанной поверхности стен, плоские потолки, лестничные подходы. Наиболее характерный представитель урартских пещерных храмов — храм Большая Ванская Пещера, состоящий из центрального зала размером 6,5 × 10,5 × 3,5 м, к которому примыкают ритуальные помещения размером примерно 4 × 4 м [14; 58].

Иудейские молельные дома (синагоги) иногда размещаются ниже уровня земли (в углублениях, полупогруженные в землю или в подземных полостях), часто по причине враждебного отношения властей и окружающего населения.

Пещера Илии (Элиши), расположенная в окрестностях г. Хайфы на гр. Кармель (Израиль), является одной из самых священных пещер в Святой Земле, т. к. в ней по преданию в IX в. до н. э. жил пророк Илия. Эта ЕП, представляющая собой искусственно обработанный зал, используется сейчас как синагога и место поклонения верующих [90]. В Иерусалиме вдоль склона Храмовой горы проложен тоннель Западной Стены, в 46 м от входа он вскрывает т. н. «Ворота Уоррена», от которых можно подняться в огром-

ную цистерну. До крестовых походов в этом помещении находилась синагога, называвшаяся Пещера. Ее обустроили приверженцы древней легенды, согласно которой Ковчег Завета не был уничтожен вместе с Храмом, а был спрятан в пещерах под Храмовой горой. Иудеи собирались в Пещере с верой, что присутствуют рядом с местонахождением Ковчега Завета. Ныне здесь вновь действует синагога [96]. Поблизости от катакомб Сан-Себастьяно в Риме (Италия) расположены еврейские катакомбы и подземная синагога.* Первым молельным домом общины крымских караимов** в Гезлёве (ныне Евпатории) (Крым) служила пещерная синагога, где они отправляли богослужения, не имея дозволения производить их при дневном освещении. Эта синагога существовала еще в начале XIX в. [60].

Поклонение божествам подземного мира в древней Греции привело к появлению своеобразных подземных храмов. Вероятно, что в греческом мире существовали определенные традиции, связанные с подземным храмовым строительством. Одна из пещер на афинском акрополе была посвящена богу лесов и рощ Пану. Богу Аполлону посвящались обряды, проводимые в специальном подземном храме Аполлона Гилата близ г. Пафос на Кипре.*** Этот храм имеет вид двух связанных между собой помещений, одно из которых прямоугольное в плане со сводчатым потолком, второе — круглое в плане с купольным потолком [58]. Храм Асклепия в Пергаме сооружен открытым способом в IV в. до н. э. и включает в себя два тоннеля, длиной по 50 м и зал с пятиметровыми опорными колоннами [20: *Подземные сооружения*].

С культом подземных богов у древних римлян было связано поклонение богам Вейовису и Консу. Римляне чтили Луперка, бога стад, храм-пещера которого находилась на Палатинском холме в Риме. Консу был посвящен подземный алтарь, находившийся в Риме посреди Большого цирка. Среди римских богов загробного мира выделялись такая группа божеств, как маны. Им было предназначено жилище на Палатинском холме — особой формы яма, которая закрывалась камнем. Три раза в год яма открывалась, чтобы маны могли вылететь, а затем снова возвратиться в свое постоянное подземное жилище. В первых веках н. э. в Римской империи получил распространение культ Митры, который предусматривал исполнение религиозных обрядов в глубокой тайне, что достигалось их проведением в пещерных или специально устроенных в земле святилищах [58].

* Главные достопримечательности Рима // Travel the World. — 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://traveltheworld.com.ua/glavnye-dostoprimechatelnosti-rima.html>

** По некоторым сообщениям, караимы появились здесь не позже XVII в. [33].

*** Хотя ни Пан, ни Аполлон не были богами подземного мира, но культ их был связан с подземным пространством. Древнегреческий культ Гермеса вначале был типичным культом подземного бога, в пантеоне подземных богов он выполнял вспомогательную роль — сопровождал души умерших в ад [58].

С I-го тыс. до н. э. строились индуистские и буддийские пещерные храмы в Индии. Индийский пещерный храм (чайтья) отличается прямоугольным в плане объемом, разделенным двумя рядами колонн на три нефы. Одним из древних цельновырубленных в базальте храмов (IV – II вв. до н. э.) является скальный храм в штате Бихар. Потолок его имеет сводчатую структуру, а внутреннее пространство украшено скульптурой, настенной живописью. Один из известных своими скульптурами пещерный храм в Эллоре имеет длину 30 м, ширина – 20 м, высота – 5 м. Пещерный скальный храм близ Катары на о. Сальсете обладает сопоставимыми размерами: длину 30 м, ширину – 11 м, высоту – 7,7 м [58]. В штате Джамму и Кашмир (Индия) расположена известная ЕП Амарна, используемая как индуистский храм [78]. В 1891 г. в Храмовой пещере системы связанных известняковых карстовых ЕП Бату в 13 км к северу от Куала-Лумпура (Малайзия) был создан индуистский храм Субраманья [66].

Пещерные храмы создавались в Паганском государстве (Мьянма) [58].

В Китае подземные храмы сооружались уже во II – I-м тыс. до н. э. [58].

Примером насыпного сооружения является храм Соккурам, сооруженный на склоне гр. Тхохамсан (Корея) в VIII в. Храм был построен из гранитных блоков, украшен архитектурно-скульптурными элементами и засыпан грунтом [15].

В Японии есть синтоистские пещерные храмы, созданные как с использованием ЕП, так и горной проходкой, и насыпкой [68]: храм Угафуку, храм богини женской красоты и богатства – Бендзайтэн в Камакура и др.

Цивилизация инков оставила после себя ряд подземных храмов. В Тиуанако (Боливия) под землей найден храм, представляющий собой вытянутый объем, выложенный каменной кладкой. Близ г. Ламбаеке (Перу) известен подземный храм, прямоугольный в плане, с пологими сводами, поддерживающиеся 24 колоннами [58].

В Центральной Америке освоение подземного пространства начали, по-видимому, еще ольмеки, оборудовавшие для культовых целей карстовые пещеры. Они вырезали скульптуры из известковых натечков, выкладывали внутренние стены, высекали лестницы, выемки и рельефы. Такие пещеры исследованы в районе Петен (Гватемала) [19; 57]. Майя продолжили работы в ЕП Юкатана, в т. ч. и в пещерах Петена [76].

Последние исследования Дж. Брэди показали, что подземные сооружения и пещеры являлись центром верований и культов древних майя. В центре каждого, даже мелкого, поселения находилась культовая пещера, высеченная или выкопанная в грунте: помимо святилищ в ЕП, майя вырубали в святых местах множество культовых пещер [72; 73].

Североамериканские индейцы создавали подземные и полуподземные храмы *кива*. Обычно это круглые или прямоугольные ямы глубиной до 3 м и диаметром 4...25 м, перекрытые сверху. Помещение кива предназначалось для проведения тайных ритуальных собраний [58]. Большая Кива

в Чако Каньоне имеет круглую форму и диаметр 19,2 м. Внутреннее помещение окружено внешним кольцом из расположенных по кругу 14 подземных помещений, одно из которых является входом в киву [36].

В Азии чрезвычайно распространены буддийские пещерные храмы. Например, в монастыре Лори (Мустанг) храм устроен в большой ЕП, стены которой оштукатурены и разрисованы, а посредине пещеры построен чортен (ритуальное сооружение), занимавший почти весь свободный объем полости [51]. Лунмэнь (Лонгмен) – один из крупнейших в Китае комплексов буддийских пещерных храмов в пров. Хэнань, в 12 км к югу от Лояна. По официальным оценкам, здесь имеется 2345 гротов и углублений с 43 храмами, созданных в V – IX вв. [87]. В Ханьчжоу (пров. Чжэцзян) находится буддийский храм Лининь. Здесь в скальных стенах грота Циньлиндун в X в. вырезаны скульптурные композиции, в основном посвященные будде Амидисту [30]. Пещерный храм в гр. Тяньлуншань близ Тайюаня устроен в VI в. [8: *Китай*].

Многочисленны примеры христианских подземных храмов, особо характерных для православия. В Египте есть храмы-крипты, связанные с христианскими коптскими церквями первых вв. н. э. В местечке Тель аль-Бандриа в развалинах коптского храма найдены подземные часовни, украшенные христианской символикой. В Каире под коптской церковью Аль-Муаллака, построенной в IV – V вв. н. э. на месте древнеримских укреплений, обнаружено тайное помещение, в котором проходили богослужения [58]. В Вене при прокладке метрополитена под площадью Стефанплац была обнаружена крипта древней часовни св. Виргилии (XIII в.): сводчатое помещение высотой 13,3 м и площадью 140 м.кв., своды которого сложены из известняковых блоков [35].

В Эфиопии в Лалибеле в XII – XIII вв. возводится комплекс из 11 вырезанных из туфового грунта скальных храмов Лалибелы (с соединяющими их подземными ходами, тайниками и убежищами) [38]. Лалибела практически не имеет аналогов, схожие по принципу сооружения *храмы* есть только в Индии [12].

Многие тысячи пещерных храмов вырыты в туфовых отложениях Каппадокии; наиболее известны скальные церкви в дол. Ихлара (Эгриташ, Коккар, Пюренли Сэки, Каранлык, Агачалты, Сюзбюлю, Йыланлы, Кирм Далти или Св. Георгия, Бахаттин Самакыгы и т. д.), округи Гереме (Св. Василия, Св. Варвары, Алмалы, Йиланлы, Каранлык, Токалы, Св. Иоанна, Эль-Назар и т. д.), Чавушина (Никифора Фоки, Иоанна Крестителя).

В России наиболее богата пещерными храмами Воронежская обл., в частности здесь можно посетить пещеру-храм у с. Селявное (длиной 202 м) [23], пещерные храмы Костомаровского скита у с. Костомарово – Костомаровская-3 (Собор Спаса Христова с храмами Спаса Нерукотворного и Веры, Надежды, Любви, протяженностью 278 м без учета небольшого отгороженного участка длиной около 20 м) и Костомаровская-7 (Храм Серафима Саровского, длиной 85 м) [22] и др.

Как пример исламской культовой архитектуры можно привести Устюрт (Казахстан), где существуют десятки искусственных культовых пещер-мечетей, часто разработанных на месте карстовых ЕП: Суруле, Султанана, Унгаза, Капам, Шапаната и др. [53].

Церемониальные подземелья имели масоны. Непременной деталью масонского парка была ротонда, из которой шел подземный ход в грот. Во дворце в парке Бажантарния (позднее Наталин) (Варшава, Польша) был сооружен овальный подземный зал для «дионисиевских мистерий» [56]. Вообще масонские святилища обычно имели ротондообразный облик, характеризуясь круглым или овальным планом. В 1913 г. в районе Малой Кисловки (Москва) произошло обрушение только что построенного 7-этажного дома. Расследованием было установлено, что под фундаментом на глубине около 2 м находилось подземное помещение в виде обложенной камнем сводчатой ротонды. Вблизи этого участка в XVIII в. находилось здание масонских лож, которое, по-видимому, было связано с ротондой подземным ходом [58].

Ходы-крипты. Подземные ходы, в т. ч. с камерами, во-первых, под-храмовые, которые сооружались под зданиями наземных храмов и иногда имели опосредованное культовое значение, часто неся дополнительные хозяйственные, оборонительные и иные функции; во-вторых, не связанные с наземными объектами, но несущие культовую функцию.

Подземные лабиринты неясного назначения известны уже в древнейших храмах.

Под древним храмом в дер. Тель-Брак (Сирия), датируемым 2-м тыс. до н. э., располагалась система ходов, коридоров и небольших помещений [10]. В Чавин-де-Уантар, культовом центре цивилизации чавин (XII—I вв. до н. э.), лежащем в долине р. Мосна в Андах на высоте 3170 м (регион Анкаш, Перу), известен лабиринт галерей двух типов — *офендес*, конструктивных полостей в виде коридоров с боковыми комнатами, заложенных в массиве кладки храмов, и *рокас*, узких кривых подземных ходов, укрепленных камнем и уходящих далеко за пределы храма; второй тип галерей, по-видимому, древнее самого храмового комплекса [5]. Подземные лабиринты Саксауамана (своеобразного храма-крепости инков) были настолько сложны и запутаны, что воины-инки, чтобы не заблудиться в них, использовали разноцветные нити [31]. Целая сеть подземных галерей была обнаружена в Саксауамане при археологических раскопках в 1986 г. [58].

При синагогах устраивались подземные бани для ритуальных омовений (миквы), известные, например, в Иерусалиме, Вормсе, Мангупе [16].

Крипты характерны и для христианских храмов. Возможно, что это традиция повторения устройства храма Благовещения в Назарете (Палестина), где существует подземный ход к пещере, в которой Мария скрывалась с новорожденным Иисусом. В Каире под коптской церковью Аль-Муаллака, построенной в IV—V вв. н. э., обнаружено тайное помещение

с подземным коридором, в котором проходили богослужения. Успенский Собор в Киево-Печерской Лавре (Киев) имел 11 разновозрастных подземных ходов [58]. В г. Сорочинске (Оренбургская обл.) при строительстве храма Михаила Архангела в конце XIX — начале XX вв. в храмовом сооружении устраиваются не только два мощных подземных зала, но и тайные подземные ходы [69].

Сакральные хранилища (ризницы) — помещения для хранения предметов культа и культовых ценностей, во-первых, практические (для используемых в религиозных ритуалах одежды, инвентаря и т. д.), и, во-вторых, сакральные (для предметов культа).

Подземные сооружения Древнего Египта предназначались в т. ч. для хранения мумий священных животных: быков, кошек, крокодилов, ибисов. В Гермополисе сохранился гигантский подземный лабиринт 2-го тыс. до н. э., состоящий из тоннелей, коридоров и камер, который занимает площадь в несколько десятков гектаров. В стенах всех подземных помещений были выбиты глубокие ниши-камеры, в которых помещались мумии священных ибисов. Сложный многокамерный и многотоннельный лабиринт представлял и погребальный комплекс священных быков Серапиум в Саккара. В подземных сооружениях Саксауамана (Перу) находились тайные камеры, где хранились сокровища, военное снаряжение, предметы культа [58]. В середине IX в. в Тибете имели место гонения на буддизм, поэтому многие священные буддийские тексты были спрятаны в пещерах и обнаружены вновь через несколько столетий [6]. Рядом с пещерным храмом Трех Всадников в Эски-Кермене (Крым) высечена небольшая пещера, которую можно интерпретировать как ризницу [48].

Интересное сооружение построено мормонами (Церковью Иисуса Христа Святых последних дней) в 1958—1965 гг. в 50 км к югу от Солт-Лейк Сити в районе Литл Коттонвуд Каньон для хранения архивной информации о всех когда-либо живших людях (необходимость сбора которой связана с храмовыми обрядами мормонов и их учением о спасении). Это так называемое Хранилище Гранитной Горы, тоннели которого заложены (вопреки названию) в монцитовой скале на глубине более 200 м, что позволяет ему выдержать прямое попадание атомной бомбы [84]. На начало 2006 г. здесь хранилось 2,4 млн рулонов микрофильмов копий документов [81]. Сильно защищенными подземными бункерами с 1980-х гг. обладает также Церковь Сайентологии: т. н. База Трементина находится возле г. Трементина (Нью-Мексико), еще два бункера расположены в Калифорнии, возле гг. Петролина и Крестон. В тоннелях этих бункеров хранятся священные тексты и реликвии сайентологии [91].

Монастыри. Ю. Шевченко [67] на материале христианских памятников выделяет три разновидности монастырских подземных сооружений. Во-первых, это полисная святыня, возникшая в лабиринтах и подземельях гробниц фараонов и заупокойных храмов Египта, использовавшихся осно-

вателями христианского монашества и представляющих собой лабиринт сооружений различного назначения: здесь жили (в кельях), молились (в церквях) и обретали последнее пристанище (в локулах). Во-вторых, катакомбная святыня, функционально соответствующая комплексам катакомб Рима, где располагались раннехристианские храмы и кладбища, но неизвестны келии — комплекс включает в себя храм и некрополь, но не используется для жилья. Нам представляется, что обе эти разновидности можно объединить в вид *подземных монастырей*.*

Подземные монастыри от прочих культовых пещер отличаются полифункциональностью назначения, связанной с большей сложностью организации монастырской жизни в сравнении с процессом храмового богослужения, т. е. наличием в их комплексе помещений различного назначения: храмов, некрополей, жилых (в т. ч. хозяйственных), структурно разделенных. Следует также отличать пещерные монастыри, состоящие из отдельных подземных полостей различного назначения.

Первыми, в IV—III вв. до н. э., свои подземные монастыри (*вихары*) начали создавать буддисты и индуисты в Индии [12]; на рубеже тысячелетий создание подземных буддийских монастырей распространилось на территории Китая и Средней Азии — Дуньхуан (Могао), Бамиан, Кара-Тепе и др. [26].

Характерным примером является буддийский пещерный монастырь кушанского времени (I—II вв.) в Кара-Тепе в Термезе (Узбекистан), включающий более десятка помещений наземных, пещерных и подземных [58].

В Центральной Азии в раннем средневековье помимо буддийских пещерных монастырей существовали и христианские (несторианские), и манихейские пещерные обители [17].

Христианские пещерные монастыри возникли уже в III—IV вв., когда, возможно под влиянием сурового климата Египетской, Синайской, Иудейской пустынь, началось спонтанное заселение пещер анахоретами-первомонахами, а к V—VI вв. в ряде регионов уже существуют разнообразные монастырские комплексы, монахи которых сознательно выбирают для себя пещеры естественные и искусственные в качестве места жительства, уединения и т. п. До VII в. наиважнейшим центром христианской монастырской жизни были монастыри Египта и Палестины. В пустыне, прилегающей к Мертвому морю, особо прославленными были обители, основанные св. Саввой Освященным и его учениками. Все эти монастыри имели в своем составе равно наземные и пещерные келии и, по-видимому, именно отсюда традиции пещерничества были распространены и в другие регионы, ставшие впоследствии не менее значимыми, — в Каппадокию, Закавказье, на Балканы [7].

* Третью разновидность монастырских пещер, выделенный Ю. Шевченко — жилые пещеры анахоретов — следует отнести к пещерам отшельников.

Ко временам иконоборчества относится основание подземных монастырей на окраинах Византийской Империи. Этим периодом могут, по некоторым предположениям, датироваться наиболее ранние подземные культовые памятники в Крыму. К наиболее раннему этапу постиконоборческого времени относятся Варяжские пещеры, соединяющиеся с Дальними пещерами Киево-Печерского монастыря и Болдиногорские пещеры в Чернигове. Продолжается строительство подземных монастырей и в XI—XII вв. в Киеве, Чернигове, а в более позднее время — Святогорский монастырь на Северском Донце, Дивногорский на Дону, Вознесенско-Печерский на Волге, Псково-Печерский и др. К поздним этапам постиконоборческого периода относится новая волна строительства на Балканах. В эпоху перехода к высокому средневековью создаются подземные монастыри на Кавказе (Вардзия, Давид-Гареджи и др. в Грузии; Гехард в Армении) [67].

Много пещерных монастырей есть в разных районах Эфиопии: Дэбрэ-Дамо на плато Тигре, основанный в середине I-го тыс., с подземными галереями и сакральными пещерами [24]; Мэдханэ-Алем, конца X или начала XI в. [4], монастырские пещеры в дол. Тэкезе близ от Лалибелы [38], и другие.

Крупнейшие пещерные монастыри России расположены в Воронежской области.

Большую известность имеют крупные пещеры Дивногорья — Большие Дивы, или Сицилийской иконы Божией Матери (300 м длиной) и Малые Дивы, или Рождества Иоанна Предтечи (351 м длиной) [22], представляющие собой крупные монастырские комплексы в окрестностях Успенского Дивногорского монастыря. Время их создания неясно.

Белогорская пещера, расположенная около с. Белогорье, копалась с конца XVIII в. и послужила основой Воскресенско-Белогорского монастыря. Сейчас ее длина 985 м. В г. Калач в большом меловом останце заложена крупная Калачеевская пещера, сложная система ходов которой ныне достигает 892 м в длину. В пещере имеются уникальные граффити и помещения, не имеющие прямых аналогий с другими подземными памятниками Дона [61; 23].

Разновидность катакомбных святынь (по Ю. Шевченко) в России представлена пещерным Псково-Печерским монастырем (включающем подземные храм и кладбище) [1].

Пещеры отшельников. Жилища анахоретов, уединенные, обычно отдельные полости, часто предшествующие основанию монастыря. Иногда отшельничьи кельи могли быть включены в комплекс подземного монастыря (пещеры Киево-Печерской Лавры), но обособлены от монастырской кинонии (общежития).

В ряде течений тибетского буддизма (бон, практика дзогчен школы ньяингма и др.) используется темный ретрит, т. е. духовные практики, осу-

ществляемые в темноте и одиночестве, обычно в пещерах. Подобные практики характерны для большинства религий [75], в т. ч. и христианской.

Опыт отшельничества в ЕП Хира близ Мекки имел и основатель ислама пророк Мухаммед [43]. В самаркандском ансамбле Шахи-Зинда (Узбекистан) среди мавзолеев и мечетей располагались *чилляханы*: полуподземные и подземные камеры, в которых праведники проводили сорокадневный пост [58].

На Святом острове Валаама расположены пещеры Святого Александра Свирского [67; 11] и Сергия и Германа [28] имеющие в основе своей ЕП.

Ископаны были пещеры Антония Печерского в Любече, пещера Федора и Иоанна на Аскольдовой Могиле в Киеве [67] и др.

В Тверской обл. Савватий Савватьевский (Тверской) в начале XV в. соорудил себе пещеру на месте современного с. Савватеево, которая представляла собой нечто вроде землянки в насыпном кургане [52].

Обетовые. Копались по религиозному обету ради самого процесса копания.

К таким пещерам относятся частично Белогорская пещера в Воронежской обл. [61], а также Антониевы пещеры в с. Талицы Московской обл. [37].

Склепы. По своему устройству склепы делятся на устроенные в ЕП, ямные, грунтовые и курганные. Грунтовые склепы изначально сооружались под землей (экскавационные АС), в то время как курганные представляют собой гробницу с впоследствии насыпанным покрывающим курганом (засыпные АС).

Древнейшей формой использования подземных полостей для погребения было захоронение тел в ЕП. Палеолитические погребения в ЕП находят по всему миру. Тела погребались как в естественных углублениях, так и в вырытых могилах. Позднее для этого стали использовать специальные помещения и ниши [68]. Так, в пещере Нах Тунич (Гватемала) обнаружены ниши прямоугольного сечения, которые служили гробницами [50].

Погребения XVIII—XIV вв. до н. э. на хеттском кладбище в Богазкёе (Турция) помещались в естественных расщелинах и гротах [41].

Массовые пещерные погребения I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. известны в Крыму (Туак, Бинбаш-Коба, Сюдюрлю-Коба, Кизил-Коба и др.). В ЕП Каймос погребено более 130 человек [55]. Обычай захоронения в пещерах, естественных и искусственных, был весьма распространен на Северном Кавказе, где сохранилось множество пещерных некрополей [45; 46]. В северной части Гренландии находится ЕП, где в XIII в. существовал целый погребальный комплекс [58].

Ямные захоронения обычно не оставляют после себя полости. Однако иногда ямная могила организовывалась таким образом, что формировалась полость, сохранявшаяся в течение разных периодов времени, которую мы называем ямным склепом. Например, это достигалось перекрытием могилы плитой или настилом. На Ближнем Востоке известны ямные погребения,

в которых для погребения тел использовались большие кувшины типа пифосов, которые устанавливались в яму и зарывались [58].

Первоначально *грунтовый склеп* — «дом мертвых» — планировался и строился аналогично «дому живых». Так устроены и этрусские подземные погребальные сооружения, и пещеры-гробницы в Палестине, и древнегреческие склепы, и погребальные пещеры-склепы Крыма и Кавказа [67]. Иногда ряд подземных камерных захоронений соединен грабительскими лазами, и образует целую систему (например, в Керчи) [59]. В Средиземноморье пещерные склепы широко использовались на протяжении большей части истории, по крайней мере с IV-го тыс. до н. э. (гхассульская культура) по н. э. включительно [2].

Единственное известное хеттское захоронение, которое можно предположительно отнести к царским, находится в Гявуркале, около д. Дерекёй в 60 км к юго-западу от Анкары. Оно представляет собой давно ограбленное погребальное помещение площадью 4 × 3 м [41].

Особым видом склепов являются бутылевидные полости некрополей на полуострове Паракас (Перу). Входная яма глубиной около 1 м, облицованная камнем, ниже переходит в узкий вертикальный лаз наподобие колодца, который на глубине примерно 6 м расширяется в камеру. В этой камере рядами укладывались мумии. Входная яма закрывалась сверху плитой, и насыпался небольшой холмик [58].

Этрусские некрополи в основном состоят из склепов с дромосами, обычно их площадь до 10 м.кв., а длина дромосов — 5—6 м. Наиболее крупные погребальные камеры достигают размера 8,7 × 3,3 м, а длина дромосов — 15 м [58]. Этрусские склепы отличались богатым и тщательным архитектурным оформлением, что говорит о большом внимании к посмертному существованию [40].

Дольмены, засыпанные грунтом, часто служили семейными усыпальницами (склепами) [68]. Также для захоронений использовались курганы, достигавшие грандиозных размеров, например, в Малой Азии.

Цари Фригии сооружали большие погребальные курганы, т. н. тумулосы, насыпая их над погребальными камерами. Возле фригийской столицы Гордиона (Турция) известно около ста таких погребений с богатым инвентарем, датируемым преимущественно VIII—VI вв. до н. э. Погребальные камеры тумулосов были выстроены из дерева и изобиловали фрагментами деревянной мебели [83; 97]. Т. н. Курган Мидаса, или Большой Тумулос, является наибольшим погребальным холмом в Гордионе, имеющим ныне высоту 53 м и диаметр около 300 м [92; 86].*

* Погребение сейчас датируется 2-й пол. VIII в. до н. э., и, хотя не исключено, что это действительно могила царя Мидаса, но чаще считают, что в Большом Тумулосе похоронен его отец Гордий.

Примером курганных склепов в Крыму могут служить известные керченские курганы Царский и Мелек-Чесменский, а также склеп Деметры, заложенный в насыпном грунте.

Катакомбы. Катакомбы могут достигать огромных размеров.

Древние египтяне крайне серьезно относились к своему существованию после смерти. У них имелись технические приемы (бальзамирование, «Книга Мертвых» — инструкция по перемещению в загробном мире, гробницы-«дома мертвых») для организации своего существования после смерти. Прослеживаются следующие основные периоды строительства подземных гробниц фараонов: первоначально, во времена Древнего Царства, захоронения производились в шахтах с погребальной камерой, над которой возводился заупокойный храм или платформа-мастаба; позднее (во времена Древнего и Среднего Царств), как развитие этого метода, стали возводиться пирамиды с подземными галереями, лабиринтами и камерами в толще каменной кладки, под пирамидой и вокруг нее. В эпоху Нового Царства строились полностью подземные гробницы больших размеров и сложности, хотя такой способ захоронения был распространен среди остальных слоев египетского населения и раньше [64]. Большинство *пещерных гробниц* построено по единой схеме: в погребальную камеру ведут три последовательных коридора, к которым примыкали небольшие камеры [65]. Крупнейшие из них состоят из десятков залов. Рядом с гробницами фараонов, либо в своих владениях сооружала собственные подземные *склепы* знать. Они меньше царских гробниц по размерам, но практически не уступают им по исполнению и убранству; известны сотни таких сооружений во всех районах Египта [64]. Строительство катакомб продолжилось в Египте и в греко-римскую эпоху, когда был построен погребальный комплекс Ком-эль-Шугаф в Александрии, представлявший собой сложный многоярусный лабиринт [58].

В районе Сард (Турция) лежит курганное кладбище Бинтепе, насчитывающее около 90 курганов, усыпальница лидийских царей. Карниязик или Гробница Гига — один из трех крупнейших курганов, считается местом погребения лидийского царя Гига (Гигеса). Внутри кургана диаметром 230 м скрыт сложный комплекс ходов и помещений, сложенных из двухметровых известняковых блоков. Уже в наше время холм Гига, который по объему больше пирамиды Хеопса, разбурили скважинами, но усыпальница Гига и его сокровища так и остались найденными [79].

Знаменитая гробница Цинь Шихуанди в Китае построена методом засыпки. Её комплекс занимает площадь 56 км. кв., а в строительстве принимало участие до 700 тыс. человек. С 1974 г., когда гробницу случайно обнаружили, здесь открыто более 400 подземных галерей, заставленных терракотовыми скульптурами воинов, чиновников, крестьян и т. д.; известны 61 ложная гробница, но само погребение Цинь Шихуанди пока не найдено [21].

Гробницы в Китае имели по несколько камер, иногда более десяти, но камеры представляли собой большие зальные помещения,* имитировавшие наземные дворцовые помещения. Подземные погребальные комплексы близ Ванду (пров. Хэбэй) и так называемые Дворцы Долголетия в пригороде Пекина (Шисаньлин), построенные в начале IV в., представляют собой анфиладу сооруженных по одной оси залов с боковыми симметричными ответвлениями. Принцип крупных объемов и симметричной планировки отличает погребальные сооружения Китая и прослеживается на протяжении многих веков. Документы свидетельствуют, что погребальные комплексы в Китае выполнялись по чертежам, возможно, стандартизированным [58]. Катакомбы в виде объемных тоннелей известны в центральной Японии, где в V—VI вв. в них погребали вождей кланов [58].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганов И. А. Использование природных пещер в культовых целях на территории северо-запада России // Спелеология и спелестология: развитие и взаимодействие наук. Сборник материалов международной научно-практической конференции. — Набережные Челны: НГПИ, 2010. — С. 334—339.
2. Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. — М.: Наука, 1990.
3. Артюх В. Археологические памятники в гротах и пещерах долины Днестра // Свет. 1998. — № 1. — С. 33—36.
4. Бакстон Д. Абиссинцы. Потомки царя Соломона. — М., 2002.
5. Березкин Ю. Е. Древнейшая цивилизация Южной Америки // Природа. 1977. — № 9. — С. 96—107.
6. Берзин А. Тибетский буддизм: История и перспективы развития. Ч.3. — М.: Традиционная медицина, 1992.
7. Бобровский Т. А. Пещерные монастыри на территории Украины // Спелеология и спелестология: развитие и взаимодействие наук. Сборник материалов международной научно-практической конференции. — Набережные Челны: НГПИ, 2010. — С. 261—272.
8. Большая Советская Энциклопедия. Т. 12. — М.: Советская Энциклопедия, 1973.
9. Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. — М.: Наука, 1979.
10. Брентъес Б. От Шанидара до Аккада. — М.: Наука, 1976.
11. Брянчанинов И. Аскетические опыты. Т. 1. — М.: Правило веры, 1993.
12. Бэйем А. Чудо, которым была Индия. — М.: Наука, 1977.
13. Вишняцкий Л. Б. Введение в преисторию. — Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005.
14. Всемирная история архитектуры. — М.: Стройиздат, 1970. Т. 1.
15. Всемирная история архитектуры. Т. 9. — Л. — М.: Стройиздат, 1971.
16. Герцен А. Г. Мангупская миква // Сакральное пространство пещеры. Тезисы докладов и сообщений VII Международной научной конференции по Церковной археологии. (Севастополь, 8—14 сентября 2013 г.). — Севастополь, 2013. — С. 15—16.
17. Глаудинова М. Б. Пещерные монастыри Центральной Азии // Христианские пещерные комплексы Восточной Европы: тезисы международной научно-практической конфе-

* Так, в пров. Сычуань сохранились пещерные некрополи, в которых камеры достигали в длину 30 м при высоте около 2 м [14].

- ренции (24–27 апреля 2014, Дивногорье, Воронежская обл., Россия). — Воронеж: Истоки, 2014. — С. 23.
18. Горбунов С. В. Археологические памятники Тымовского района // Вестник Сахалинского музея. Вып.7. — Южно-Сахалинск: СОКМ, 2000: 264–285.
19. Горбунова К. А., Максимович Е. Г. Пещеры Гватемалы // Пещеры. Вып. 12–13. — Пермь: ПГУ, 1972: 100–105.
20. Горная Энциклопедия. Т. 4. — М.: Советская Энциклопедия, 1989.
21. Грудинкин А. Другая античность Китая // Знание — сила. 2002. № 10. — С. 91–96.
22. Гунько А. А. Результаты морфометрических исследований некоторых пещер Среднего Дона // Пещерные церкви и монастыри Византии и Руси. Материалы международной научно-практической конференции, прошедшей в г. Саранске 28–30 сентября 2011 года. — Саранск, 2011. — С. 44–46.
23. Гунько А. А., Степкин В. В., Кондратьева С. К., Леонтьев М. В. Новые данные о культовых пещерах Дона по материалам исследований 2012–2013 гг // Христианские пещерные комплексы Восточной Европы: тезисы международной научно-практической конференции (24–27 апреля 2014, Дивногорье, Воронежская обл., Россия). — Воронеж: Истоки, 2014. — С. 10–11.
24. Долганов Е. Е. Очерки быта, культуры, религии и общественной жизни Эфиопского (Абиссинского) народа. — Сергиев Посад, 1897.
25. Долотов Ю. А. Типология спелеологических объектов // Спелеология и спелеология: развитие и взаимодействие наук. Сборник материалов международной научно-практической конференции. — Набережные Челны: НГПИ, 2010. — С. 236–250.
26. Дублянский В. Н. Занимательная спелеология. — Пермь: Урал ЛТД, 2000.
27. Дублянский В. Н., Ломаев А. А. Карстовые пещеры Украины. — Киев: Наукова думка, 1980.
28. Епатко А. Туда, где Валаама берет // Путешествие Вокруг Света. 2000. № 3: 48–56.
29. Затерянный мир майя. — М.: ТЕРРА, 1997
30. Зола А. Китай. — М.: Астрель; АСТ, 2003.
31. Инка де ла Вега Г. История государства инков. — Л.: Наука, 1974.
32. Ирмишер Й., Йоне Р. Словарь античности. — М.: Прогресс, 1989.
33. Караи (крымские караимы): История, культура, святыни. — Симферополь, 2000.
34. Кастере Н. Моя жизнь под землей. — М.: Мысль, 1974.
35. Келемен Я., Вайда Э. Город под землей. — М.: Стройиздат, 1985.
36. Керам К. В. Первый американец: Загадка индейцев доколумбовой эпохи. — М.: Прогресс, 1979.
37. Корнилова М. Свято-Троицкий Стефано-Махрицкий ставропигиальный женский монастырь. — М.: Свято-Троицкий Стефано-Махрицкий ставропигиальный женский монастырь, 2006.
38. Кулик С. Ф. Черный Феникс: Африканские сафари. — М.: Мысль, 1988.
39. Кэлс Л. Мегалитические памятники Европы // История человечества. Т. 1. Доисторические времена и начала цивилизации. — М.: МАГИСТР-ПРЕСС, 2003. — С. 630–649.
40. Мавлеев Е. В. Гибель этрусков // Природа. 1988. № 8. — С. 60–71.
41. Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. — М.: Наука, 1983.
42. Марков А. Эволюция человека. Кн. 2: Обезьяны, нейроны и душа. — М.: Астрель — CORPUS, 2011.
43. Мартышкин А. В. Пещеры в исламе // Сакральное пространство пещеры. Тезисы докладов и сообщений VII Международной научной конференции по Церковной археологии. (Севастополь, 8–14 сентября 2013 г.). — Севастополь, 2013. — С. 26–28.
44. Матюшин Г. Н. Тайны цивилизаций. — М.: АСТ Пресс, 2002.
45. Минаева Т. М. Новый вид погребальных сооружений в бассейне Верхней Кубани // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. — Баку, 1965. — С. 136–137.

46. Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1971.
47. Михайлов Б. Кам'яна Могила як архівне джерело до першої історії України // Скелі й печери в історії та культурі стародавнього населення України. (Львів, 2–3 лютого 1995 р.). — Львов, 1995. — С. 56–59.
48. Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. — Симферополь: Таврия, 1997.
49. Огудин В. Л. Культ пещер в народном исламе // Этнографическое обозрение. 2003. № 1. — С. 69–86.
50. Откладывать нельзя... // Знание — сила. 1988. № 3. — С. 90.
51. Пессель М. Путешествие в Мустанг и Бутан. — М.: Мысль, 1978.
52. Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. — Тверь, 1903.
53. Потанова Г. М. Пещеры Южного Мангышлака и юго-западного Устюрта // Пещеры. Вып.14–15. — Пермь, 1974. — С. 76–88.
54. Ривера Дорадо М. Общество и идеология: комментарии из Опкинтока // Вестник древней истории. 1991. № 2. — С. 130–144.
55. Савеля О. Некрополь в пещере Каймос (Кайма) в юго-западном Крыму // Сакральное пространство пещеры. Тезисы докладов и сообщений VII Международной научной конференции по Церковной археологии. (Севастополь, 8–14 сентября 2013 г.). — Севастополь, 2013. — С. 35–36.
56. Свирида И. И. Сады века философов в Польше. — М.: Наука, 1994.
57. Сифр М. Золото бездн // Знание — сила. 1985. № 1, 2.
58. Слукин В. М. Архитектурно-исторические подземные сооружения (типология, функция, генезис). — Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991.
59. Сохин М. Ю. Изучение «Новой системы» подземного некрополя Пантикапея // Древности Боспора. Т. 5. — М.: Институт Археологии РАН, 2002. — С. 241–259.
60. Спаский Г. И. Евпатория. (Из «Путевых записок о Крыме») // Отечественные записки. 1850. Т. 73. № 11. Отд. VIII. — С. 9–24.
61. Степкин В. В. Пещерные памятники Среднедонского региона // Культурные пещеры Среднего Дона. Серия «Спелеологические исследования». Вып.4. — М.: РОСИ, 2004. — С. 41–137.
62. Стингл М. Последний рай. — М.: Наука, 1975.
63. Хейердал Т. Аку-Аку. — М.: Армада-пресс, 2001.
64. Целлар К. Архитектура страны фараонов: жилище живых, усопших и богов. — М.: Стройиздат, 1990.
65. Церен Э. Библийские холмы. — М.: Наука, 1966.
66. Шанин В. А., Дублянская Т. А. и др. Юго-Восточная Азия. — М.: Вокруг Света, 2006.
67. Шевченко Ю. Ю. Дифференциация этнических палеокультур в пространстве // 285 лет Петербургской Кунсткамере. Сборник МАЭ. Т. XLVIII. — СПб.: Наука, 2000. — С. 302–316.
68. Шилин А. А. Освоение подземного пространства (зарождение и развитие). — М.: МГУ, 2005.
69. Шумеев В. Под землей // Оренбуржье. 2005. — 28 апр.
70. Элиаде М. Тайные общества. Обряды, инициации и посвящения. — М.: Университетская книга, 1999.
71. Boyer P. Religion: Bound to believe? // Nature. 2008. V.455. — P. 1038–1039.
72. Brady J. E., Ashmore W. Mountains, Caves, Water: Ideational Landscapes of the Ancient Maya // Archaeologies of Landscapes: Contemporary Perspectives. — Oxford: Blackwell Publishers, 1999. — P. 124–145.
73. Brady J. E., Prufer K. M. (ed.) In the Maw of the Earth Monster. Studies of Mesoamerican Ritual Cave Use. — Austin: University of Texas Press, 2005.
74. Chase P. G. The cult of the cave bear. Prehistoric rite or scientific myth? // Expedition. 1987. Vol.29. № 2. — P. 4–9.

75. Chia M. Darkness technology. Darkness techniques for enlightenment. — Chiang Mai: Universal Tao Publications, 2002.
76. Chládek S. Exploring Maya Ritual Caves: Dark Secrets from the Maya Underworld. — Lanham: AltaMira Press, 2011.
77. Dridi H., Goréa M. Au IIIe siècle ap. J. — C., le voyage d'Agbar à Suqutra // Archéologia. 2003. № 396. — Jan.. — P. 48–57.
78. Gebauer H. D. Resources on the speleology of Jammu & Kashmir State, India / Серия: Berliner Höhlenkundliche Berichte. Band 18 / — Berlin, 2005.
79. Hanfmann G. M. A., Mierse W. E., Foss C., Spier J., Ramage A., Goldstein S. M., Russin R. V., Robert L., Yegül F. K., Crawford J. S., Seager A. R., Kraabel A. T., Buchwald H. Sardis from Prehistoric to Roman Times. Results of the Archaeological Exploration of Sardis 1958–1975. — Cambridge, 1983.
80. Harbison P. Guide to the National Monuments of Ireland. — Dublin: Gill & Macmillan, 1970.
81. Hart J. L. Digitizing hastens at microfilm vault // Church News. 2006. — 11 Mar.
82. Klein R. G. The human career: human biological and cultural origins. — Chicago: University of Chicago Press, 1989.
83. Körte G., Körte A. Gordion: Ergebnisse der Ausgrabung im Jahre 1900 // Jahrbuch des kaiserlich deutschen archäologischen Instituts. V. — Berlin, 1904.
84. Lund W. R. (ed.) Engineering Geology of the Salt Lake City Metropolitan Area, Utah. — Salt Lake City: Utah Geological Survey, 1990.
85. McBrearty S., Brooks A. S. The revolution that wasn't: a new interpretation of the origin of modern human behavior // Journal of Human Evolution. 2000. № 39. — P. 453–563.
86. McGovern P., Glusker D., Moreau R., Nuñez A., Beck C., Simpson E., Butrym E., Exner L., Stout E. A Funerary Feast Fit for King Midas // Nature. 1999. V.402. — P. 863–864.
87. McNair A. Donors of Longmen: Faith, Politics, and Patronage in Medieval Chinese Buddhist Sculpture. — Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007.
88. Norenzayan A., Shariff A. F. The Origin and Evolution of Religious Prosociality // Science. 2008. V.322. — P. 58–62.
89. Ossowski G. Sprawozdanie trzecie z wycieczki paleoetnologicznej po Galicyi (w roku 1891). — Krakow, 1892.
90. Ovadia A., Pierrri R. Elijah's cave on Mount Carmel and its inscriptions // Christ is here!: studies in biblical and Christian archaeology in memory of Michele Piccirillo, ofm. — Milano: Edizioni terra santa, impr., 2012. — P. 29–76.
91. Sharpe T. Mountain of Mystery // Albuquerque Journal. 1994. — 23 Jan.
92. Simpson E. Midas' Bed and a Royal Phrygian Funeral // Journal of Field Archaeology. 1990. № 17. — P. 69–87.
93. Solecki R. S. Shanidar: The humanity of Neanderthal man. — London: Allen Lane, 1972.
94. Vogt Y. World's oldest ritual discovered. Worshipped the python 70,000 years ago // Apollon. 2006. № 4.
95. Waller S. J. Sound and rock art // Nature. 1993. Vol.363, № 6429. — P. 501.
96. Wiemers G. Jerusalem: History, Archaeology and Apologetic Proof of Scripture. — Wauke: Last Hope Books and Publications, 2010.
97. Young R. S. Three Great Early Tumuli. The Gordion Excavations Final Reports. Vol.1 (University Museum Monograph 43). — Pennsylvania: Pennsylvania University Press, 1981.

А. А. Гунько

Русское Географическое общество, Набережные Челны

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ СКАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА В МЕЛОВОМ ОСТАНЦЕ МАЛЫХ ДИВ

В 180 м к юго-востоку от Дивногорского монастыря на правом склоне балки расположен останец-«дива», являющийся одной из наиболее известных достопримечательностей Малых Див. Он несет на себе фрагменты целого ряда помещений, вырубленных, по всей видимости, в хозяйственно-бытовых целях. Их датировка не представляется возможной, однако по результатам исследований 2014 г. нами сделан вывод, что находившиеся здесь пещеры могли являться древнейшими в Дивногорье или, по крайней мере, быть старше основного памятника Малых Див — пещерного комплекса с церковью [2]. Если принять эту точку зрения, то первым упоминанием этого останца можно считать строки из записок генерала Гордона. В 1696 г. он осмотрел пещерную церковь и высказал предположения о глубокой древности руин, назвав их «видневшимися выше развалинами очень древнего монастыря» [1, с. 214]. Таким образом, уже к концу XVII в. скальный комплекс был частично разрушен. В дальнейшем ни в одном из известных литературных и архивных источников он не предстает целостным [3]. Со второй половины XX в. останец почти повсеместно необоснованно именуется «колокольней».

К сожалению, как в прошлом, так и в настоящее время этот скальный комплекс играет лишь второстепенную роль, находясь «в тени» пещерной церкви и являясь своеобразным «аттракционом» для экскурсантов. Если в период деятельности монастыря памятник не испытывал серьезной антропогенной нагрузки, то в советское время она возросла в десятки раз. После организации в 1924 г. на базе закрытого Дивногорского монастыря дома отдыха, сюда потянулся поток посетителей, нередко «диких». Яркой иллюстрацией использования останца в качестве фотодекорации являются массовые снимки, датируемые 1930–50 гг., на которых десятки отдыхающих буквально покрывали все скальные выступы и даже забирались на его вершину (рис. 1). В XXI в. памятник продолжает нести функцию универсальной площадки для фотографирования и полигона для демонстрации навыков скалолазания. Автору приходилось не раз наблюдать, как посетители забирались не только на сохранившиеся площадки останца, но и на

фрагмент с дверным проемом. Часто в увлекательный процесс вовлечены дети и подростки, воспринимающие памятник как объект для игр.

Рис. 1. Экскурсанты на фоне останца (1950 г.)

С возрастанием популярности Дивногорья, растет и антропогенная нагрузка на его центральные архитектурные объекты. Нагрузка на оборудованные пещерные комплексы в Больших и Малых Дивах регулируется эксплуатирующими организациями, в данном случае МЗ «Дивногорье» и братией монастыря. Остальная же территория открыта для свободного посещения в течение всего года. И в этой связи скальный комплекс, неизменно вызывающий интерес, становится наиболее уязвимым объектом.

Говоря о необходимости охраны памятника, следует выделить и рассмотреть основные проблемы, требующие, на наш взгляд, более пристального внимания.

Физическое разрушение памятника

Зачастую основным аргументом при обсуждении сохранности скального комплекса является то, что он уже более 300 лет находится в полуразрушенном состоянии и якобы способен и далее пребывать в нем, не претерпевая изменений. Поспешим развеять это заблуждение — при отсутствии изображений, по которым можно судить о сохранности объекта в тот или иной период, нельзя проследить динамику его разрушений в прошлом.

Первые изображения памятника с близкого расстояния появляются только в п. п. XX в. с появлением доступной фотографии. Сравнительный анализ элементов на снимках позволяет увидеть, что памятник медленно, но неуклонно разрушается. Так, например, при сравнении снимков хорошо заметна утеря в период 1950–70-х гг. части стены верхнего помещения с фрагментом кровли нижнего (рис. 2А), а в последние годы был полностью утрачен скальный выступ с частью свода верхнего помещения и фрагментом его дверного косяка (рис. 2Б) и т. д.

При осмотре останца можно заметить, что он разбит сетью горизонтальных (напластования) и вертикальных (отпора и субпараллельных балке) трещин. Именно наличие этих трещин обусловило частичное обрушение останца после создания в нем помещений [2]. Они же могут явиться причиной его дальнейшего разрушения.

Можно выделить два уязвимых участка. Первый — сохранившийся целик, выполняющий функцию опоры для вершины останца. Он принимает на себя существенную часть нагрузки, при этом сам разбит трещинами. Основание его частично утрачено, как упоминалось выше. Вершина останца, покоясь на широком основании в северной и на этой небольшой опоре в южной части, ослаблена вертикальной трещиной (рис. 3Б). В южной части вершина сильно выветрелая и уже начала разрушаться (рис. 3А). Дальнейший процесс будет связан с отслаиванием породы по мелким частично раскрытым трещинам, что приведет к полному разрушению всей южной части вершины. Затем, потеряв опору, оторвавшись по трещине Б, обрушится сама вершина. При падении будет неминуемо расколота остаток опорного целика и разбиты тонкие западные стенки верхнего и нижнего помещений.

Второй участок — аркообразный фрагмент останца с дверным проемом. Его восточная опора в верхней части подрублена с двух сторон, т. е. вершина фрагмента удерживается на целике толщиной всего около 20 см. Значительную часть нагрузки принимает более массивная западная опора, однако в случае разрушения перемычки произойдет и падение вершины.

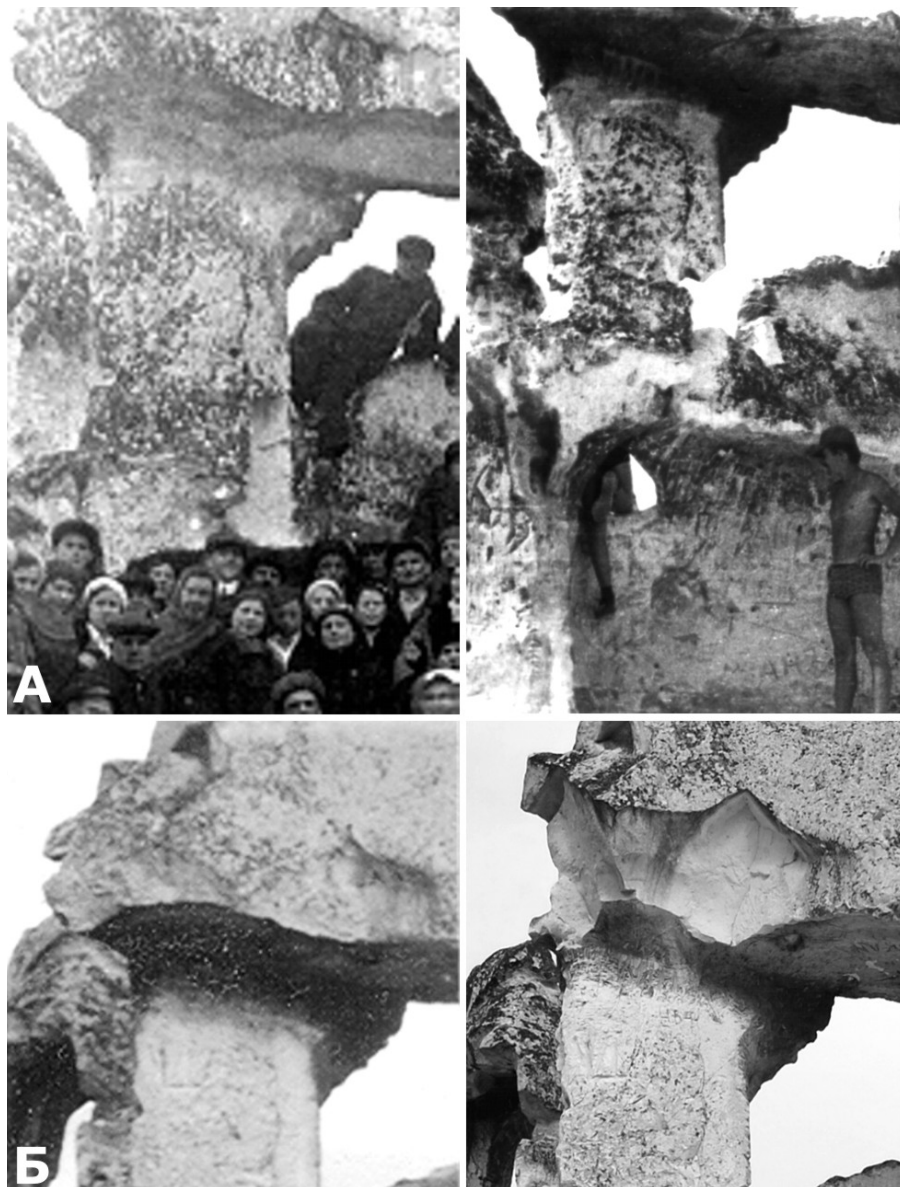

Рис. 2. Некоторые участки подвергшиеся обрушению:

А — основание южного опорного целика (слево фото 1934 г.; справа фото из архива ВСС — 1970-е гг.);
Б — выступ в южной части вершины останца над целиком (фото автора — слева 1996 г., справа 2014 г.)

Разрушение скальной поверхности и окружающих склонов

Поверхность останца и помещений комплекса на протяжении многих лет подвергалась механическому воздействию. Практически вся легкодоступная площадь покрыта десятками граффити, основные датировки которых приходится на 1950–70-е гг. Надписи 2000-х гг. хотя и единичны, но отмечаются. Выявлен ряд дореволюционных граффити. Основным способ их нанесения — процарапывание мела острыми предметами на глубину до 2 см.

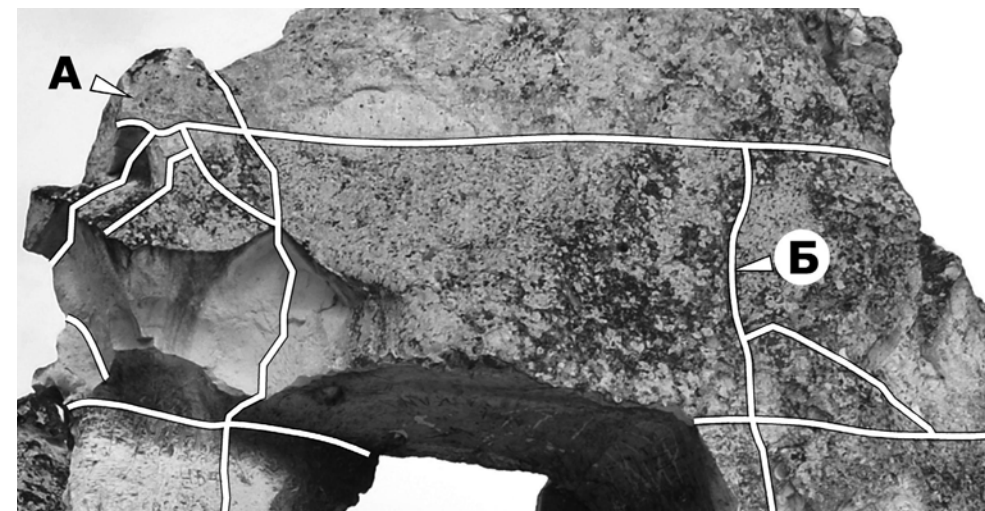

Рис. 3. Естественные трещины в верхней части останца

Кроме того, меловая поверхность покрывается царапинами и разрушается обувью посетителей. Этот процесс может быть не замечен сразу, но неизбежно проявляется в долгосрочной перспективе. Страдает и поверхность вокруг памятника — и без того бедная растительность меловых склонов вытоптана. Как следствие, активизируется плоскостной смыв, обнажаются и эродируют коренные породы.

Мероприятия по сохранению памятника

В целях сохранения скального комплекса, на наш взгляд, требуется проведение ряда мероприятий, способствующих снижению антропогенной нагрузки и укреплению памятника.

— Категорический запрет подъема на останец, с оповещением об этом в виде аншлагов, информированием экскурсоводов, указанием в путеводителях.

— Установка невысокого ограждения по периметру останца (кроме нижней части и площадки для фотографирования), которое обозначит закрытую для прохода зону.

— Укрепление вершины останца. Мы полагаем, что его обрушение неотвратимо и может произойти уже в ближайшие десятилетия даже без участия человека. При укрепительных работах действовать необходимо максимально деликатно, чтобы не спровоцировать его и не изуродовать сложившийся облик памятника. На наш взгляд, целесообразна установка каменной (железобетонной) опоры-контрфорса, которая будет способствовать перераспределению нагрузки с южного целика и стабилизирует вершину даже в случае его ослабления. Для установки опоры потребуются инженерный расчет ее фундамента, который частично придется на сохранившиеся фрагменты пола нижнего помещения.

— Укрепление восточной опоры аркообразного фрагмента возможно путем «наращивания» утраченных участков.

Очень важно и изменение отношения к памятнику. Учитывая его уникальность, он должен занимать одно из ключевых мест в экскурсионных программах, играя роль отдельного полноценного туристического объекта. Восприятие его как важной части историко-культурного наследия, а также укрепление и усиление мер охраны — единственный путь успешного сохранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амеликин А. О. Архитектурная история пещерных памятников Дивногорья // Археологические исследования высшей педагогической школы. Сборник научных трудов. — Воронеж: ВГПУ, 1996. — С. 208—217.
2. Гунько А. А., Кондратьева С. К. Внутрискальные помещения в меловых останцах Малых Див: попытка идентификации // Спелеология и спелестология. Сборник материалов V Международной научной заочной конференции. — Наб. Челны: НИСПТР, 2014.
3. Захарова Е. Ю., Кондратьева С. К. Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения) // Труды музея-заповедника «Дивногорье». — Вып. 2. — Воронеж: Кварта, 2011. — 216 с.

А. М. Бойко, Е. С. Свиридова

г. Калач Воронежской области

КАЛАЧЕЕВСКАЯ МЕЛОВАЯ ПЕЩЕРА ПО ВОСПОМИНАНИЯМ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Меловая пещера — так местные жители называют подземный монастырь, построенный в толще мелового останца, горы Пеньковой, в черте г. Калач Воронежской области (рис. 1). В толще мела строителями прошлого проделана титаническая работа по созданию целого пещерного комплекса.

Рис. 1. Вид на г. Калач от пещеры. Фото А. М. Бойко

На территории Среднего Дона больших и малых меловых рукотворных сооружений насчитывается около шестидесяти, по исследованиям павловского историка В. В. Степкина [4]. Что касается Калачеевской пещеры, то, это один из крупнейших пещерных комплексов в Восточной Европе. Суммарная длина его сохранившихся ходов составляет 892 м [2]. В техническом заключении ЗАО «ИГИТ» по теме «Инженерно-геологическое обследо-

ние состояния Калачеевской пещеры» говорится: «Историко-архитектурный памятник – Калачеевская пещера – расположен на восточном склоне холма, находящегося на правом берегу р. Толучеевки. Абсолютная отметка вершины холма – 162,4 м, основания его восточного склона – 90 м. Вход в пещеру расположен на отметке 119 м» [1, с.5].

В Калачеевском подземном монастыре сооружен двойной православный храм (кафоликон* и трапезная – по мнению церковного археолога Н. Е. Гайдукова) (рис. 2, 3), существуют исихастерии (рис. 4), есть изображения раннехристианских символов (рис. 5) и множество других, чрезвычайно интересных для науки деталей.

Рис. 2. Православный храм – кафоликон. Фото А. М. Бойко

Вместе с тем, об истории пещеры сохранилось ничтожное количество письменной информации. Этот факт делает актуальной проблему поиска устных повествований о последнем периоде существования памятника.

Идею записать рассказы местных жителей о пещере подсказал А. О. Амелкин (1961 – 2007), преподаватель Воронежского педагогического университета, интересовавшийся подземными рукотворными лабиринтами Подонья. В результате проделанной работы удалось опросить более двух десятков человек. А. А. Каннуникова, учитель СОШ № 6 также предоставила записанные ею воспоминания о пещере.

* Кафоликон – главный (соборный) храм монастыря или монастырского комплекса.

Рис. 3. Православный храм трапезная. Фото А. М. Бойко

Рис. 4. Исихастерий. Фото А. М. Бойко

Рис. 5. Граффити Калачеевской пещеры. Фото А. М. Бойко

Повествования местных жителей охватывают период бытования Калачеевской меловой пещеры с 1935 по 2010 гг. Многие из них заслуживают доверия, описывая реальное устройство подземных лабиринтов. Есть воспоминания, которые носят фольклорный характер. Нельзя обойти стороной тот факт, что разговор о меловой пещере стал возможен благодаря М. Потапенко, который лет с 12-ти лет организовывал друзей на расчистку входа в пещеру от наплывавшего каждую весну грунта.

О сложном устройстве пещерного монастыря рассказали И. М. Азарова, В. В. Ларичев, С. В. Шестакова, Л. М. Безкоровайная и др. Причем Ирина Михайловна Азарова лично стала свидетелем того, как на втором этаже пещеры рухнувшая с потолка глина закрыла доступ в едва открывшийся взгляду коридор: «Прямо над нами в своде подземного коридора было пробито отверстие, в котором виднелся слой темной глины. На фоне гладко отшлифованного потолка это отверстие очень впечатляло: его края были грубо и наспех рублены топором или киркой.

Устав от работы, мы отошли к перекрестку, чтобы отдохнуть и продолжить раскопки нового для нас коридора. В это время за нашей спиной раздался короткий шорох. Оглянувшись, мы с изумлением увидели, что освобожденная нами часть коридора снова заполнена вязкой массой, будто мы и не копали вовсе. Без всякого сомнения, глина, пропитанная грунтовыми водами, рухнула именно из того отверстия в потолке, под которым мы только что стояли.

Все наши дальнейшие попытки убрать эту влажную глину были безуспешными. Нам с братом стало очевидно, что люди, связанные с меловой пещерой, стремились скрыть от постороннего глаза какие-то ценности, материальные или духовные, в одном из коридоров второго этажа и для этого прорубили отверстие в потолке к глиноносному слою. Они создали, возможно, второпях, естественное заграждение, препятствие к тому, чем очень дорожили».

По воспоминаниям А. И. Панченко, З. В. Бугаевой и др., ходы пронизывали гору Пеньковую с запада на восток, и был еще один выход — на Рыбасивке.

М. Потапенко и С. Шестакова обратили внимание на пилястры в одном из коридоров пещеры: на них вырезаны раннехристианские символы — лепестковые розетки и пальмовые ветви (рис. 6).

В ходе бесед с местными жителями мы пытались найти тех, кто мог бы продемонстрировать нам тот или иной предмет, найденный когда-либо в пещере. К сожалению, этого сделать нам не удалось, хотя жители ул. Ильича утверждают, что лет 50 назад видели разбитые деревянные иконы, обломки которых были разбросаны по коридорам пещеры. И еще о находках в пещере рассказал М. М. Коновалов: «Однажды мы стучали по стенам палкой и слышали пустоту, начали долбить мел, выпала крышка величиной с ладонь и открылось маленькое углубление. Там лежали церковные свечи, завернутые в полустлевшую бумагу. В пещере мы часто находили свечи».

Рис. 6. Граффити Калачеевской пещеры — пальмовые ветви и лепестковые розетки. Фото А. М. Бойко

Не вызывает сомнения то, что в конце XIX — начале XX вв. данный пещерный монастырь активно функционировал (рис. 7). Об этом больше других рассказали Митрофан Михайлович Коновалов и Михаил Степанович Коновалов. Митрофан Коновалов рассказал: «В пещере был подземный храм. Службы в нем велись регулярно по воскресеньям и праздникам. Все жители Пеньков ходили на эти службы, мои родители тоже. Колоколов не было».

Рис. 7. Вход в Калачеевскую меловую пещеру. 1916 г.

На площадке перед входом в монастырь стоял домик — благотворительная трапезная, где готовили пищу для тех, кто сильно нуждался. Монахи заботились о пещере и подземном храме, рыли наверху обводные каналы, чтобы дождевая и талая вода не затапливала вход.

Кроме монахов, здесь в разное время жили и другие люди. Митрофан Михайлович пересказал нам воспоминания своей матери о том, что «недалеко от входа жил в меловой землянке «летописец», как его называли люди, — старик с длинной белой бородой. Он писал молитвы и еще что-то, был тихий, кормился подаяниями, иногда ходил на рынок. Написанные им молитвы старик отдавал монахам в пещеру».

Михаил Степанович Коновалов вспомнил о другом человеке: «В 50-х годах, примерно до 1958 года, на входе в пещеру жил мужик, который все время ходил в сапогах и шинели. Он жил в комнате слева от входа. Меловая комната была чистой, там был стол из мела, лежанка из мела. На столе всегда лежал хлеб, стояли церковные тонкие свечки. Эта келья была покрашена в красный цвет. Мужик жил там лет пять, куда потом девался, не знаю. Мы к нему иногда приходили, хоть и побаивались. Он разрешал брать свечки» (рис. 8).

Рис. 8. «Красная» комната. Фото А. М. Бойко

Православные верующие и монахи пещерного монастыря находились в постоянном общении. Родители часто посылали к ним своих детей. Те давали детям большие фартуки, и дети помогали им выносить из пещеры наколотый мел. За это монахи давали детям картинки с ангелочками. Помогали монахам и взрослые. Так, Михаил Коновалов вспомнил рассказ своей бабушки, Веры Захаровны Дорожкиной, о том, «что пещера существует очень давно, что она знает о ней от своих родителей и дедов, а те – от своих и так далее. Она говорила, что даже из Украины приходили люди и помогали рыть пещеру, женщины выносили мел в «пеленах».

В народе существует поверье, что участие в строительстве пещер является богоугодным делом, поэтому люди шли работать в пещеру не только с желанием снять с себя грехи, они испытывали в этом духовную потребность [4].

Из воспоминаний местных жителей мы узнаем, что к 1918 г. в пещере оставались только двое монахов и те исчезли с приходом «красных». По рассказу Митрофана Коновалова, «красные» затащили пулемет на площадку перед входом в пещеру и оттуда стреляли по белоказакам, занимавшим улицу Пеньки. «С того дня их никто не видел. Говорят, они ушли по подземным ходам в направлениях, только им известным».

Судьба монахов оказалась известной М. П. Лебедевой: «Два монаха, что жили в меловой пещере, никуда не ушли... Их расстреляли красные, моя мать показывала мне их могилу, она за моим домом. Здесь начинается кладбище».

В ходе исследования мы выяснили, что появление монашествующих в Калачеевской пещере, их службы, быт и даже сам уход овены тайной и рождают рассказы в стиле устного народного творчества. Так, зав. отделом культуры при администрации Калачеевского района В. Ф. Ивонин записал со слов местной жительницы Дарьи Ивановны (фамилия не указана) несколько легенд. Суть первой заключается в том, что в незапамятные времена в Калач пришел монах из Киево-Печерской лавры, прибил к стенам сторожевой башни, которая тогда стояла на горе Пеньковой, потом нашел на склоне меловой горы грот и молился там. Затем он углубил грот. Со временем в строительстве подземных ходов приняли участие другие странствующие богомольцы и местные жители.

В. Ф. Ивонину стала известна от той же Дарьи Ивановны еще одна легенда, по которой все храмы Калача связаны между собой подземными ходами. Дарья Ивановна случайно услышала разговор мальчишек, обсуждавших очередную новость, их взволновавшую, о том, что там, где «казачок» (место купания на реке), образовалась яма цилиндрической формы с гладкими закругленными стенами. Этого провала раньше не было, а теперь появился поперек русла реки. «Если выйти за школьную ограду, стать лицом к кладбищенской церкви, а за спиной оставить недоразрушенную церковь, где находится школьная столовая, то место провала в реке Толучеевке получается в аккурат на прямой линии между церквями. Выходит, действительно, все церкви соединены между собой подземными переходами», — записал В. Ф. Ивонин.

Третья легенда повествует о кладе, якобы спрятанном монахами. Дарья Ивановна рассказала: «В народе поговаривали, что уходящие (в 1917 г. — Авт.) монахи надеялись возвратиться сюда и в сговоре с местными священниками запрятали клад из нескольких возов. В нем были персидские ковры, большая библиотека и небольшие тяжелые ящики, возможно, с золотыми слитками и серебряной церковной утварью. Монахи груз из возов заносили поэтапно: каждый — до определенного места. После доставки груза монах тут же благословлялся на дальнейшее странствие и покидал обитель. Таким образом, место, где спрятали клад, знало небольшое количество людей. Один из последних монахов, который ликвидировал кое-какие предметы обнаружения захороненного клада, заболел и попросился жить в одном доме. В нем он и умер, оставив хозяевам небольшую, но очень ценную библиотеку».

Что касается легенды о киевском монахе, то нам видится неправдоподобной мысль о том, что начало устройства Калачеевской пещеры связано во времени с уже существующей слободой Калач. Скорее всего, пещерный монастырь возник значительно раньше поселения. Отсутствие каких-либо сведений о нем в письменных источниках указывает на то, что монастырь был заброшен задолго до возникновения слободы Калач в 1716 г.

Мы допускаем вероятность того, что в XVIII—XIX вв. в Калачеевскую пещеру приходили монахи из Украины. Более того, в Киеве могли знать

о существовании пещерных монастырей на берегах Дона. Митрофан Коновалов, передавая рассказы своих родителей, говорил, что первый пришлый монах копал сначала в одном месте под горой, потом передвинулся на несколько метров и откопал вход в пещеру. В связи с этим можно предположить, что этот человек знал некоторые приметы, по которым, в конце концов, и отыскал вход в монастырь.

Вторая и третья легенды содержат, по меньшей мере, значительные преувеличения, как и положено устному народному творчеству. Версию о связи всех храмов Калача подземными ходами мы даже не рассматриваем, а размеры клада, спрятанного монахами, и вовсе фантастические, хотя рассказы о некоей библиотеке упорно ходят среди местных жителей.

Фантастические явления неожиданно оказались и в рассказе Митрофана Коновалова о кринице, существовавшей раньше недалеко от входа в пещеру: «Ходили слухи, что рядом с криницей в полночь появляются ведьмы. Однажды молодые парни, братья Иван и Василий, и наш отец (Михаил Евдокимович Коновалов) пошли ночью к кринице, взяли косу – «убивать ведьму». В полночь они и вправду увидели возле криницы двух существ в белом. У парней волосы встали дыбом. Они бросили косу и убежали без оглядки».

На наш взгляд, фольклорные элементы в рассказах местных жителей о Калачеевской пещере служат доказательством того, что мы имеем дело с таинственным объектом, притягивающим к себе внимание людей своей грандиозностью, загадками и необъяснимостью в самой своей сути: кто строил? зачем? когда? «Вот уже более ста лет историки и археологи пытаются разрешить вопрос о первоначальном этапе пещеростроительства в Донском регионе», – пишет В. В. Степкин [4].

Не меньшей тайной, чем пещера, окутан Воскресенский храм, находящийся рядом со школой № 6. До разрушения в нем было Калачеевское благочиние (рис. 9). По сведениям Димитрия Самбикина: «Церковь в слоб. Калаче Богучар.езда каменная сь приделами Покров. Божией Матери (на правой) и св. муч. Параскевы (на левой стороне), построена в 1818 г. Эта церковь была построена на место прежде бывшей (камен.), построенной в 1775 г.» [3].

В 1938 г. с храма сбросили купол и разрушили колокольню. Оставшуюся часть церковного здания школа приспособила под свои нужды. Вначале там располагались учебные классы, в главном алтаре была сцена. В настоящее время здесь находятся спортзал и столовая.

Михаил Коновалов рассказал, что «прямо под сценой был люк, вниз шли ступени. Под церковью находилась большая и чистая меловая келья. Из нее тоже шли ступени вниз – в подземный коридор».

В. К. Щербакова (Гончарова), вспоминала, что «ученикам, приезжающим из хуторов, школа № 6 представляла общежитие по улице 1 Мая (чуть ниже самой школы). Раньше здесь была начальная школа № 7, а еще раньше – по рассказам воспитательницы Марьи Ивановны – эта постройка принадлежала Воскресенской церкви, и в ней жили монахи».

Рис. 9. Воскресенская церковь. 1916 г.

По воспоминаниям М. П. Лебедевой и других местных жителей, нынешнюю улицу Крупской (улица расположена за Воскресенским храмом) населяли, в основном, монахи. С приходом Советской власти их куда-то выселили. Остался один, по-видимому, знахарь. Марфа Петровна помнит его говор на «о-о», его руки, белую бороду и доброту. Есть предположение, что они прибыли из Польши в годы Первой мировой войны, когда началось гонение на православных, т. к. Т. В. Санжарова (Серебрянская) рассказала следующее: «Наша церковь была самая богатая. Когда в войну 1914 года из Варшавы эвакуировали церковь, то было предписано, чтобы все отдали в ближайшую к вокзалу церковь. Привезли большое церковное имущество: ризы, паникадила со свечами, чаши и другое».

Мы можем предположить, что сюда прибыли и сами священнослужители, подвергшиеся гонениям. По всей видимости, это были монашествующие. Видимо, о высоких церковных чинах шла речь в воспоминаниях Д. Г. Высоцкого: «Там (в меловой комнате под Воскресенским храмом. – Авт.) стояли лампадки, были иконы... Там жили какие-то святые. Монахи работали, а они – нет. О них никто толком ничего не знал».

По нашей версии, бежавшие из Польши монахи жили рядом с Воскресенской церковью до 1917 г. Когда их принудили выселиться, остались немногие: один монах, лечивший людей, продолжал жить на улице, именуемой ныне Крупской, а двое других (может быть, их было больше) перебрались на гору Пеньковую, где оставался единственный доступный вход в монастырь, а главное – в подземный православный храм. Причем в самой

пещере они не проживали. Местные старожилы в один голос говорят о том, что у монахов наверху были сад и огород. Кстати, этот фруктовый сад есть и сейчас, только сильно зарос и одичал.

Вера Щербакова и ее одноклассники исследовали ходы, находящиеся, по ее словам, под церковью и выяснили, что они расходятся в нескольких направлениях, в том числе в сторону пещеры, на гору Пеньковую. И если по другим подземным коридорам можно было ходить довольно далеко и даже слышать над собой шум проезжающего транспорта, то ход к пещере был разрушен.

Воспоминания М. Лебедевой о том, что монахи жили в церковном доме ниже по улице и ходили по подземному ходу в церковь, полностью совпадает с повествованием В. К. Щербаковой. Совпадает и указанное ею направление еще одного коридора — к дому священника на нынешней улице Герцена: *«Мой отец говорил, что батюшка часто ходил по нему и выходил прямо в алтаре. Это видел отцов друг, который прислуживал в церкви. Люк находился за престолом».*

О том же люке рассказывали многие выпускники 1940-х гг. школы № 6. Когда в главном алтаре был учебный класс, мальчики шалили, открывая люк и бросая в него зажженные спички. Им интересно было посмотреть на меловые ступени, ведущие вниз.

О множестве подземных ходов под Воскресенским храмом рассказали М. Лебедева, В. Ларичев, Г. Пятницкий, С. Шестакова, Л. Безкоровайная, И. Хвостиков и многие другие. Эти рассказы подтверждает записанный В. Ф. Ивониным случай: *«В 1968 году во дворе Калачеевской средней школы № 6 провалился работающий трактор. Он оказался в небольшой, до 10 м, яме, она была явно не естественного происхождения, а рукотворная. В одной ее стороне был вырублен приступок высотой сантиметров в 60 и шириной до 80 см. В южной и восточной стороне сооружения был ход, который метра через два был завален глыбами меловой породы».*

В. В. Ларичев указал точные координаты хода со стороны Воскресенской церкви: *«...в том месте, где из фундамента торчит железная балка, на которой выбиты цифры: «1832 г.» Через два метра от этой балки в сторону последней пристройки был под землей меловой ход. Знала о нем и моя мать, Анастасия Поликарповна Ларичева, она работала в школе техничкой».* М. П. Лебедева свидетельствовала: *«Когда строили последнюю пристройку к школе, я там тоже работала. Копали и все время натывались на могилы (могилы священников. — Авт.). Был и меловой ход, его разрушили. Но он должен был остаться целым дальше, он уходил в сторону дороги и горы Пеньковой».*

Утверждение о том, что до 1960-х гг. существовал подземный коридор, связывавший Воскресенскую церковь и пещерный монастырь, является самым распространенным в рассказах местных жителей. Из воспоминаний Д. Г. Высоцкого следует: *«Когда идешь от пещеры к церкви, то впереди маячит свет, выходишь в большое помещение. В нем окошки с решетками светят».*

И. В. Хвостиков подтвердил, что под церковью была большая меловая комната, которую освещали цокольные окна. В 1937 г. он и его друзья, заблудившись в пещере, вышли, в конце концов, в меловой комнате под Воскресенским храмом, открыв, таким образом, путь для всех любознательных школьников, которые тотчас начали им пользоваться.

Михаил Коновалов запомнил: *«Подземный коридор под церковью доходил до лабиринтов со стороны улицы Ильича. Ход был очень ровно обтесанный, нигде даже следа от кирки нельзя было увидеть... От входа в пещеру с улицы Ильича до школы и обратно мы ходили по подземному ходу свободно, в полный рост».*

О якобы имевших место путешествиях под землей говорят практически все выпускники школы № 6 1940-х, 1950-х, 1960-х гг. По словам жителей, директор школы Г. П. Сорокин распорядился (в 1965 г.) забить вход в подzemелье со стороны церкви, служившей учебным корпусом. Более того, директор организовал засыпку храма, после чего цокольные окна скрылись под насыпным грунтом.

Большой участок подземного коридора, соединявшего церковь и пещеру, разрушился, по версии многих, из-за взрывов в меловом карьере. Вход в этот коридор со стороны пещеры также почему-то стал труднодоступным. В. В. Ларичев утверждает, что ему приходилось метра три или больше пробираться ползком, но даже ползти было тесно, не каждый решался. Однако он в этот коридор попадал, там можно было уже встать в полный рост. Виктор доходил до завала и слышал, как наверху ездят машины.

Практически о том же рассказала Л. М. Безкоровайная. В детстве ей также приходилось преодолевать узкий лаз, чтобы оказаться в коридоре, над которым слышен был шум работавших в карьере машин: *«Всякий раз мы проходили по длинному ходу очень далеко, до самого мелового карьера, который в 1960-х годах находился напротив школы № 6».*

Именно в направлении горы Пеньковой, а точнее, пещеры, по воспоминаниям местных жителей, наблюдались провалы на дороге. Машины вдруг проваливались колесом в ямы рукотворного происхождения. Сами калачеевцы пытались дать этому факту правдоподобное объяснение. Так, Л. М. Безкоровайная сделала вывод: *«Ход из пещеры до школы обвалился, потому что меловую гору в районе дороги постоянно стесывали — уж очень крутым был подъем. Меловой слой становился все тоньше, и были случаи, когда техника или транспорт проваливались в образовавшиеся на дороге ямы с ровно отшлифованными стенками».*

Противником версии о том, что меловая пещера была связана подземным ходом с Воскресенским храмом, является Митрофан Михайлович Коновалов: он такового не видел. Тем не менее, в его воспоминаниях есть фраза, содержащая косвенные доказательства того, что ход все-таки существовал: *«В послевоенные годы на дороге, что шла на гору Пеньковую, провалился один из первых автобусов. Колесо оказалось в меловой яме, стены которой были гладко обтесаны».*

Предположения о том, был ли ход, связывавший церковь и пещеру, или же его не было, создают определенную проблему: безусловной является необходимость геофизического исследования территории в указываемом очевидцами направлении предполагаемого подземного коридора.

Следует отметить: авторы данной статьи, основываясь на воспоминаниях о пещере местных жителей, склоняются к мысли о том, что Калачеевский подземный монастырь и Воскресенский храм являются единым православным комплексом вне зависимости от того, существовал ли связывавший их подземный коридор, или нет. Весьма убедительным аргументом в пользу этого вывода является принцип устройства пещерных монастырей, когда, помимо нижнего, непременно существует и наземный храм. Здесь интересно вспомнить замечание В. Ларичева о том, что его мать помнит существовавшую на горе Пеньковой до 1950-х гг., а потом сгоревшую деревянную церковь XVIII в.

Следует констатировать, что в настоящее время остаются неподтвержденными большинство историй о Калачеевской пещере, рассказанных местными жителями. Тем не менее, эти рассказы, имеют важное значение в исследовании фольклора, дают ориентиры для дальнейших изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пашкин Е. М. Инженерно-геологическое обследование состояния Калачеевской пещеры: Техническое заключение. — М., 1998. Рукопись.
2. Гунько А. А., Степкин В. В., Кондратьева С. К., Леонтьев М. В. Новые данные о культовых пещерах Дона по материалам исследований 2012—2013 гг. // Христианские пещерные комплексы Восточной Европы: тезисы международной научно-практической конференции (24—27 апреля 2014, Дивногорье, Воронежская обл., Россия). — Воронеж: издательство «Истоки», 2014. — С. 10.
3. Самбикин Д. И. Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. Воронеж, 1884. — Вып. I. — С. 47.
4. Степкин В. В. Калачеевская пещера (к истории изучения) // Верхнедонской археологический сборник. — Липецк, 2001.

А. А. Гунько*, С. К. Кондратьева**, Е. А. Андрусенко***

*Русское Географическое общество, Набережные Челны

**Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье», Воронеж

***Старооскольский краеведческий музей, Старый Оскол

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ И ОХРАНЕ ШМАРНЕНСКОГО ПЕЩЕРНОГО КОМПЛЕКСА

Шмарненская пещера — один из известных памятников подземной культовой архитектуры, расположенный на территории Старооскольского городского округа Белгородской области, в 2,1 км к западу от с. Шмарное, в 1,4 км к востоку от с. Новая Деревня. Единственный сохранившийся вход в пещерный комплекс заложен в небольшой воронке в средней части левого склона крупной балки, выходящей устьевой частью к р. Оскол. Комплекс вырублен в пределах меловой толщи и ранее, по всей видимости, имел три входа.

Каких-либо достоверных архивных данных о времени появления пещерного комплекса и его принадлежности до настоящего времени не выявлено. Первые упоминания о нем содержатся в анкетах о памятниках древнего искусства Курского губернского статистического комитета за 1886 г.: «Во вторых, в Старооскольском уезде в 4 стане, при с. Шмарном, в 2 верстах от него в меловой горе, обросшей деревьями, имеется пещера, в которую ведет небольшой спуск, пещера состоит из коридоров, один коридор приводит в церковь, при входе в которую представляются врата, поддерживающиеся колоннами, из которых уцелела только одна. В стенах ее выдолблены углубления, а также высечены кресты» [10].

Большой интерес представляет рапорт № 2419, составленный 25 января 1887 г. неизвестным (подпись неразборчива) приставом 4 стана в адрес уездного исправника. Рапорт является своего рода первым исследовательским заключением, где не только кратко указываются размеры, описывается морфология, но и сделана запись о происхождении комплекса: «...во исполнение личного приказа Вашего Высокоблагородия, имею честь донести, что в двух верстах от села Шмарного, Казачанской волости находятся пещеры, высеченные из мела, которые расположены внутри горы, обсаженной деревьями. Вход в эти пещеры находится от подошвы на высоте 33 сажень, на Западе находится отверстие овальной формы в ширину 1½ аршина и высоту 1¼ аршина, от

которого идет небольшой спуск в сами пещеры, при входе в которую идет коридор с глухими стенами на расстоянии 3 сажени, высотой в 2 аршина, шириною $1\frac{1}{4}$ аршина от коридора идут в разные стороны с арками проходы, разделенные колоннами. Один из проходов приводит в церковь, при входе в которую представляются царские и боковые врата, поддерживающаяся в настоящее время только одною правою колонною, которая вверху и внизу представляет из себя правильные четырехугольники, а середина (суженная) круглая; пьедестал левой колонны уцелел, верхняя часть от арки разрушена, потолок представляет куполообразный вид. Между проходами усматриваются в стенах выдолбленные небольшие углубления разной формы и вида, в которых свободно может поместиться человек. В некоторых стенах высечены кресты, а на стенах усматриваются разные изречения из св. писания углем славянскою вязью. Вообще архитектура и зодчество этих пещер крайне груба. Вся площадь пещер простирается до 20 квадратных сажени. Что касается исторического происхождения этих пещер, то народное предание гласит, что их копал лет 40 тому назад или более крестьянин села Долгой Поляны Владимир Костылев и сама церковь, в которой отправлялись службы, была культом религиозного поклонения окрестных крестьян. В настоящее время пещеры представляют полуразрушенный вид» [9].

По-видимому, сведения именно из этого рапорта легли в основу заметки «Пещеры Курской губернии», опубликованной в Памятной книжке Курской губернии на 1888 г., хотя и претерпели ряд дополнений и изменений в цифрах: «...вход крайне не удобен, в виде отверстия, вышиною до $1\frac{1}{2}$ аршин и шириною до $2\frac{1}{2}$ аршин. От этого входа идет спуск, по окончании которого представляется коридор, вышиною до 3 аршин, шириною $1\frac{1}{4}$ аршин и длиной в 3 сажени <...> Длина проходов до 15 сажени» [4]*. Сообщения о пещерах имеются и в циркулярах МВД Курской губернии, осуществлявшего программу сбора сведений о памятниках старины. Например, в Представлении от 3 июня 1901 г. указывается, что «близ села Шмарного, в казенном лесу, имеется пещера, выделанная в середине наподобие церкви времен монгольского ига» [13], а также: «В двух верстах от села Шмарного, Долгополянкой волости, в казенном лесу, в меловой горе, находится старинная обвалившаяся пещера с коридорами, боковыми углублениями и помещением в виде церкви. О происхождении этой пещеры достоверных сведений нет» [14].

Судя по этим сообщениям, пещера, несмотря на запустение, была доступна. В конце XIX в. она обследуется археологом-любителем Д. М. Струковым, а в 1923 г. членами краеведческого кружка при местном пролетклубе.

В 1939 г. пещеры посетил писатель-краевед Н. Н. Белых. В 1953 г. в качестве приложения к литературно-краеведческому журналу № 4 Старооскольской средней школы рабочей молодежи выходит его сборник (самиздат) очерков «Частичка Родины. Из истории Старого Оскола и края»,

* В Календаре и Памятной книжке на 1891 г. эти данные вновь дублируются с небольшими опечатками.

где среди прочего несколько раз заходит речь о Шмарненской пещере. Рассказ о пещерах сопровождался фотографиями экскурсии юных краеведов Косторовской и Шмарненской семилетних школ (1951 г.), на которых изображен вход, вероятно, впервые в печати (рис. 1А). Белых в своем очерке связал историю пещеры с татаро-монгольским периодом: «По народным преданиям, на горе был древний монастырь, основанный еще до татарского нашествия и до сей поры сохраняющийся в памяти народа в форме названия местного урочища «Старый монастырь». В подземельях этого монастыря, под мощными меловыми слоями толщиной более десяти метров, скрывались русские люди при появлении здесь татар хана Батыея» [1]. По утверждению Белых, в Шмарненской пещере в 1937 г. якобы была найдена скляница со свитком — письмом князя Мещерского к иноку Ипатию с просьбой: «траву-отвар прислать для одоления неможности, огнем грудь палящей и тьмой в очах ставшей. На траву-отвар упование мое велие есть. Вонми молюе моей и гнева и опалы не положи на упование такое, грешен в немощи своей, но и не забьсть глагола княжицы» [1].

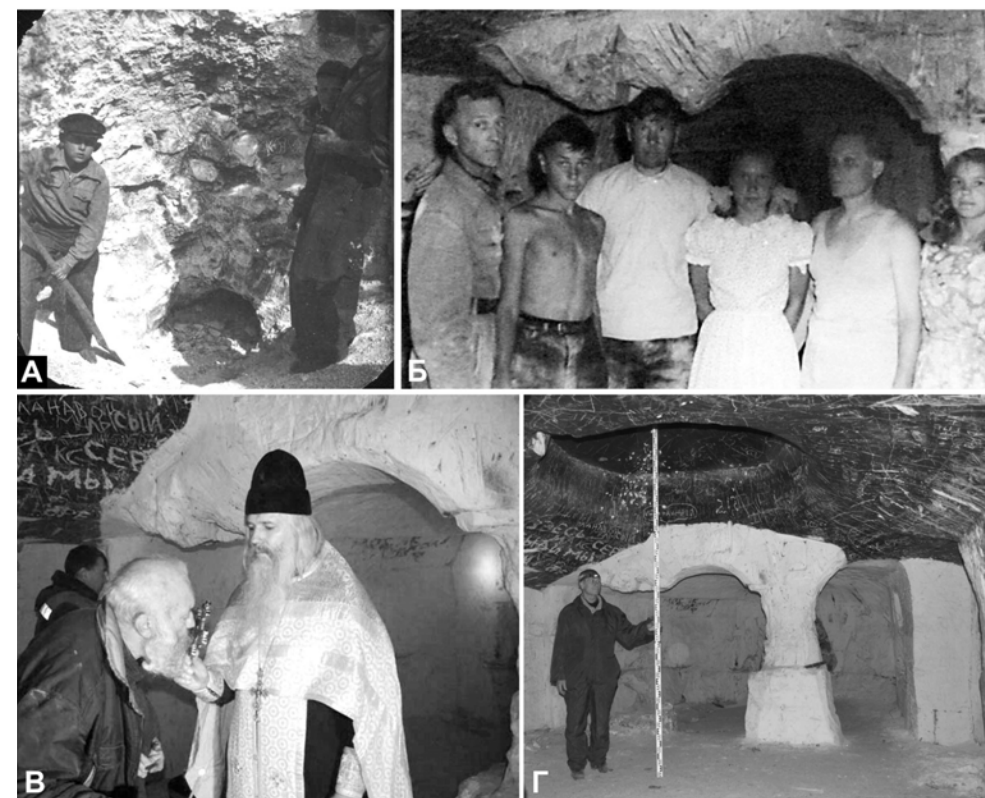

Рис. 1. А — Вскрытие пещеры юными краеведами в 1951 г. [1]; Б — Краеведы в пещере 1960-е гг. (stal-nevsky.ru); В — Молебен в пещерном храме в 2014 г. (stalnevsky.ru); Г — Современные исследования комплекса (фото Гунько А. А.)

В декабре 1956 г. пещеру посетил известный зоолог П. П. Стрелков, собиравший материал по зимовкам рукокрылых. Он дал ее краткое описание, оценив протяженность в 60–70 м, провел температурные измерения (во всех частях фиксировалось 8,5 °С). В процессе работ в пещере обнаружено 14 летучих мышей (водяные ночницы и ушаны) [12].

Первый известный план Шмарненской пещеры был составлен в ходе этнографической экспедиции, организованной Старооскольским краеведческим музеем. В работе экспедиции, состоявшейся 16 июля 1960 г., приняли участие директор музея А. И. Ефанов, а также члены музейного совета Д. М. Рождественский и И. Н. Гладков. Они произвели фотосъемку и оценили общее состояние, констатируя, что «меловые стены пещеры повреждены, потемнели, но внутренних осей нет» [7]. На основе произведенных обмеров был составлен не только план (схема) комплекса, но и поперечный профиль пещерного храма (рис. 2). Несмотря на существенные неточности, содержащиеся на плане, эта работа стала важной вехой в изучении пещеры, поскольку позволила наглядно представить планиграфические особенности памятника.

Многие годы пещерный комплекс служил традиционным местом для любителей краеведения и обычных туристов (рис. 1Б). Научный интерес к пещерам возобновился с конца 1990-х гг. Историк А. П. Никулов в своей книге об истории Оскольского края предположил, что Шмарненский комплекс мог относиться к Товолжанной пустыни (XVIII в.), находившейся у с. Коростово [5]. В июне 1997 г. пещера обследована одесскими спелеологами Е. С. Кучмой, Е. А. Романенко, А. В. Чувакиной. Материалы их исследований были частично представлены в статье белгородского историка-краеведа К. Е. Битюгина [2]. Одесситы составили план и разрезы пещеры, подписав ее — *Ивановка*, по названию расположенного к юго-востоку села. Кроме того, был сделан отчет, содержащий некоторые морфометрические характеристики и замеры температуры в храме и северо-западной части комплекса (по неясной причине зафиксированы низкие показатели от 0 до 4 °С) [6]. Одесский план стал первым опубликованным планом Шмарненской пещеры. По материалам съемки ее протяженность составила 94 м [2].

С 2004 г. постановлением губернатора Белгородской области пещерный комплекс был признан объектом культурного наследия местного значения как памятник первой четверти XVII в. [8].

В 2007 г. пещеру обследует воронежский историк В. В. Степкин. В своей статье, опираясь на план пещеры, сделанный одесситами, он впервые дает подробное описание Шмарненского комплекса, обращая внимание не только на общую структуру, но и мелкие морфологические элементы. На их основе он делает предположение о назначении отдельных помещений, производит подсчет трудозатрат, необходимых для создания пещеры. Опираясь на историю религиозной жизни в крае, а также литургическое устройство храма, Степкин предположил, что комплекс мог относиться к периоду XVII–XVIII вв. [11].

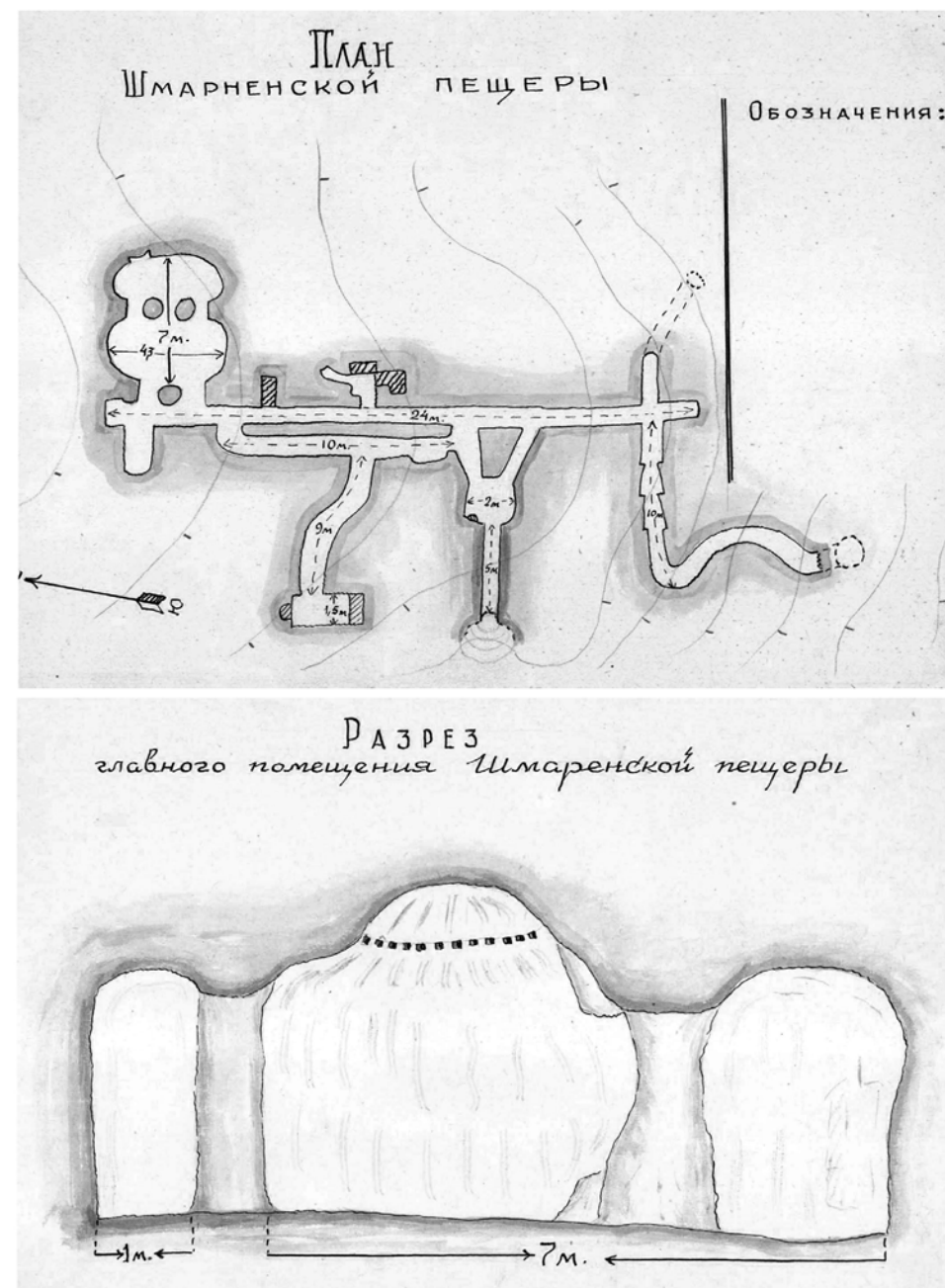

Рис. 2. План пещеры 1960 г. [7]

В последнее десятилетие стал проявляться интерес к памятнику как объекту православной культуры. Силами энтузиастов в храме была очищена от копоти алтарная часть и одна из стен. Местные священники регуляр-

но посещают комплекс вместе со своими прихожанами (рис. 1В), где молятся и выносят мусор [3]. Поляна у входа частично благоустроена.

В 2014 г. пещерный комплекс обследован экспедицией МЗ «Дивногорье» и Русского географического общества в составе А. А. Гунько, С. К. Кондратьевой, А. П. Гунько. Была произведена полуинструментальная съемка с графической и фотофиксацией основных элементов, составлен подробный план пещеры (рис. 3). Согласно материалам работ, получены следующие показатели: общая протяженность комплекса — 98 м, амплитуда — 4,6 м, площадь — 104 м², объем — 185 м³. Максимальная высота свода наблюдается в храме — 3,06 м (рис. 1Г), площадь храма (с северной границей по линии колонны) — 33 м², объем — 76 м³.

Съемка: Гунько А.А., Кондратьева С.К., Гунько А.П., 2014 г.

Рис. 3. Сводный план по итогам работ 2014 г. Съемка магнитная, общее отклонение, связанное с влиянием КМА не учтено

На октябрь 2014 г. состояние комплекса как горной выработки в целом удовлетворительное. Нарушения морфологии в северо-западной части обратимы, т. к. связаны с проникновением и распространением поверхностных наносов, основные источники которых — современный вход, а также два непроходимых. В привходовой части наблюдаются процессы физического разрушения участков стен и сводов, вызванные особенностями микроклимата, — в зимнее время по наклонной галерее опускается и застаивается холодный воздух.

Состояние комплекса как памятника истории также нельзя назвать удручающим. Граффити хотя и многочисленны, но не несут вреда морфологии памятника. Мелкие элементы, такие как выступы, ниши и ступени, в большинстве хорошо сохранились.

В качестве первичных мер реабилитации памятника следует выделить необходимость в расчистке от наносов всей северо-западной части, а также нейтрализацию их источников. В этой связи требуется оборудование основного входа в пещеру и установка двери. Можно обратить внимание на два других, недоступных сейчас, входа, которые потенциально могут нести функцию основного (в особенности северо-западный). При расчистке юго-западного могут быть вскрыты ранее неизвестные участки пещеры.

Работы по очистке стен должны производиться под контролем специалистов, т. к. применение грубого инструмента ведет к уничтожению первичной морфологии, разрушает исторический облик комплекса. Учитывая уникальность объекта, в действительности имеющего региональное значение, требуется повышение его охранного статуса и введение моратория на любые несогласованные «восстановительные» работы, кроме расчистки наносов и выноса мусора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белых Н. Н. Частичка Родины (Из истории Старого Оскола и края). Старый Оскол, 1960.
2. Битюгин К. Е. О подземных сооружениях в Белгородской области // Спелестологический ежегодник РОСИ за 1999 г. — М., 1999. — С. 72–81.
3. Воронцова С. Паломничество в подземную обитель, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.beleparh.ru/index.php/novosti/57-drugie-novosti/5018-palomничество-v-podzemnuyu-obitel>
4. Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1888 год Курск. Типография Курского Губернского Правления 1887. С. 242.
5. Никулов А. П. Старый Оскол (историческое исследование Оскольского края). Курск: ГУИПП «Курск», 1997.
6. Отчет Одесской экспедиции на Оскол, 1997 (рукопись).
7. Отчет о проведении экспедиции. 16 июля 1960 г. Архив СОКМ, М. 14.
8. Постановление губернатора Белгородской обл. от 08.09.2004 N 178 «Об утверждении дополнительного списка объектов культурного наследия Белгородской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon-region.ru/belgorodskaya-oblast/16731>
9. Рапорт № 2419 пристава 4 стана Уездному Исправнику от 25 января 1887 года Ф. 4. Оп. 1. Д. 101. Л. 68, 68 об., 69.

10. Сведения в вопросах и ответах о памятниках древнего искусства в Курской губернии. Курский Губернский Статистический Комитет. 1886 г. ГАКО. Фонд 4. Оп. 1. Д. 101. Л. 5, 5 об.

11. *Степкин В. В.* Пещерный монастырь у села Шмарное Белгородской области // Могилянские чтения. Сборник научных трудов. Киев, 2013. С. 217–220.

12. *Стрелков П. П.* Материалы по зимовкам летучих мышей в европейской части СССР // Труды зоологического института АН СССР. М. – Л.: АН СССР, 1958. Т. XXV. С. 255–303.

13. Циркуляры МВД Курской Губернии, программа сбора сведений о памятниках старины. 1901 г. Его сиятельству Господину Курскому Губернатору Земского Начальника 3-го участка Старооскольского уезда Курской Губернии 3 июня 1901 г. № 843. Представление. Ф. 4. Оп. 1. Д. 123. Л. 139 об. (А).

14. Циркуляры МВД Курской Губернии, программа сбора сведений о памятниках старины. 1901 г. Ф. 4. Оп. 1. Д. 123. Л. 257 (Б).

С. К. Кондратьева

*Природный, архитектурно-археологический
музей-заповедник «Дивногорье», Воронеж*

ГРАФФИТИ ПЕЩЕР ДИВНОГОРЬЯ

На территории Природно-культурного комплекса «Дивногорье» на участке протяженностью около 8,5 км известно шесть культовых пещер и пещерных комплексов [3]. При их описании исследователи не раз обращали внимание на многочисленность граффити, искажающих первоначальный облик пещер: «Как и большинство подобных подземных сооружений, сильно замусорена, закопчена и «украшена» многочисленными надписями» (о пещерном комплексе в Больших Дивах. — С. К.) [2]. Однако более пристального внимания пещерным граффити Дивногорья в литературе практически не уделялось. Исключением можно считать анализ некоторых граффити в Селявнинском пещерном комплексе (Дивногорская-3), произведенный В. В. Степкиным [8].

Надписи в культовых пещерах Дивногорья неразрывно связаны со всеми периодами их существования. Известно, что уже в конце XVII в. в пещерном храме Малых Див над горным местом на полуовальной каменной (меловой) доске в честь освящения церкви была вырублена надпись: «Освятися жертвенник Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа во храме Рождества Св. Иоанна Предтечи, при державе великих государей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея России, по благословению Великого Господина преосвященного Авраамия митрополита Белгородского и Обоянского лета 7202 г., а от Рождества Христова 1693-го индикта 1-го месяца Ноября 7 дня, на память тридесять мученик. М. Л. Р. Б» [4]. Эта надпись читалась вплоть до начала XX в.

В XIX в. храмы в Больших, Малых Дивах и Шатрище были расписаны фресками. Например, в пещерном комплексе в Больших Дивах они покрывали столбы и стены: «Храм вырублен в скале довольно высокими сводами на массивных столбах из того же известняка, расписанных со всех четырёх сторон так же, как и стены, полинявшими иконами, прямо по сырцу скалы. Убогое убранство храма ржавеет и тлеет неудержимо в этой вечно сырой атмосфере, насыщенной испарениями извести. Живопись съедается и тускнеет ещё быстрее» [6, с. 28–31]. В пещерном храме Рождества Иоанна Предтечи в Малых Дивах над иконостасом была написана Тайная Вечеря [5, с. 153–154]. Следы этого изображения читались реставраторами в конце XX в.

Не сохранившаяся до наших дней церковь в Шатрищегорском пещерном комплексе также была «*расписана и по стенам, и по столбам очень порядочно и довольно хорошо сохранившейся живописью. Под иконами много разных поучительных надписей, и из них можно заключить, что церковь эта, освящённая во имя св. Иоанна Богослова, разукрашена теперешнею живописью всего несколько десятков лет тому назад*» [4].

В то же время с начала существования культовых пещер на их стенах стали появляться автографы посетителей. По свидетельству путешественника-натуралиста С. Г. Гмелина, осмотревшего пещеры в 1769 г., в одной из келий Малых Див на стене были перечислены имена тех людей, которые, по его мнению, в разные годы посещали это место [1, с. 148].

Граффити XVIII–XIX вв. были немногочисленны, поскольку число образованных посетителей, способных их оставить было невелико. Они представляли собой своеобразные памятные знаки — имена, фамилии и даты посещения, реже — краткие изречения на религиозные мотивы. Основной массив надписей и рисунков, дошедших до нас, появился в XX в. Это связано в первую очередь с тем, что к началу XX в. уровень грамотности среди населения стал возрастать. В первые годы Советской власти на территории упраздненного Дивногорского монастыря появляется санаторий для трудящихся, что спровоцировало небывалый наплыв стихийных посетителей внутрь пещерных комплексов, к тому времени разграбленных. За несколько десятилетий стены пещер оказались покрыты тысячами надписей и рисунков. Места для них становилось все меньше, и каждое последующее граффити налагалось на предыдущее. Под многими слоями в наиболее доступных комплексах Больших и Малых Див были почти полностью утеряны или стали нечитаемы карандашные надписи конца XIX — начала XX в.

В начале 1990-х гг. пещерный комплекс в Больших Дивах был полностью отреставрирован. К сожалению, до его реставрации, не была проведена фиксация рисунков и надписей. Сейчас они покрыты слоем меловой штукатурки и более недоступны для изучения.

В пещерном комплексе в Малых Дивах был отреставрирован только пещерный храм. До проведения работ здесь также не фиксировались старые граффити. Были уничтожены и упоминавшиеся выше фрагменты «Тайной Вечери». Стены коридоров и келий не подвергшихся реставрации сильно закопчены, что является признаком использования факелов. Копоть и слои современных надписей, пока не позволили нам выявить граффити, нанесенные ранее 1930–40 гг.

Современными автографами покрыты стены и четырех других неотреставрированных и доступных для свободного посещения пещерных комплексов. Но в этом ряду особое место занимает Селявнинский пещерный комплекс, созданный в середине XIX в. Современный вход в пещеру расположен на отвесном скальном обнажении, что в значительной степени затрудняет ее посещение. Это обусловило хорошую сохранность многочис-

ленным граффити, датируемым концом XIX — серединой XX вв. По своему, нередко глубокому, содержанию они выделяются среди граффити прочих меловых пещер не только Дивногорья, но и Среднего Дона в целом.

Пещерные граффити Дивногорья можно условно разделить на три категории: автографы, рисунки и содержательные фразы.

К автографам следует отнести все надписи, которые содержат информацию об их авторе. Это могут быть имена, инициалы, фамилии; даты посещения пещеры или даты рождения и смерти; населенные пункты и даже род занятий. Примером тому могут служить надписи: «*Прохорь*»; «*Приймаковъ*»; монограммы «*ПМ*» и «*ЕБ*», объединенные датой 28 августа 1908 г.; «*К.Н. Потаповъ 1914*»; «*Петръ Подвязкинъ*», «*18 (затерто. — С. К.) год — Быль в сихъ пещерахъ Константинъ Андреевъ Подчаровъ*». Современных имен гораздо больше, они как правило глубоко и грубо процарапаны и лишь изредка написаны карандашом: «*12 июня вместе с Николаем Троценковым был и осматривал*»; «*Здесь был Титарев П. М. 25 II в 1948 г.*»; «*Е. Саша Л. Валера 10 III 1961*»; «*Петя и Надя 27 VII 35 г.*»; «*Селиванов Иван Ф. — 8 XII 1940*».

Самой ранней из граффити-дат, зафиксированных в Дивногорских пещерах, является 1863 г. В Селявнинском пещерном комплексе самая ранняя дата — 1898 г. (Степкин). А вот самая поздняя оставлена путешественниками — «*Селявное 2029 г.*», что еще раз подтверждает необходимость критического анализа их истинных датировок.

Нередко в надписях наблюдаются прямые и косвенные указания рода занятий автора: «*Здесь отдыхали с 20 по 30 октября 1955 уч-ся ВКТ Квасов Ивановъ*»; «*Поворов И.М. 22 VIII 1950 ВСХИ Плотникова Л. В. 22 VIII 1950 Завод № 64*»; «*Липецк 1939 год Металлургич...*».

Еще одним способом самоидентификации человека является фиксация населенного пункта, откуда он приехал. На стенах пещер написаны как окрестные села, так и более отдаленные города, например Нижнекамск, Тула, Москва, Ростов и мн.др.

Иногда в надписях выражаются отношения между людьми — любовь или ненависть, к примеру: «*Варя — моя 1-я любовь*».

К другой категории граффити относятся разнообразные рисунки, которые можно разделить на знаки и художественные зарисовки. В пещерах Дивногорья встречаются пятиконечные звезды, свастика, сердца. Но самыми распространенными знаками являются кресты. Часть из них небрежно процарапана, другая — аккуратно вырезана. Есть также накопченные кресты, о которых писали путешественники в XIX в. «*и только кое-где по сводам по русскому обычаю нанесены кресты, накопченные свечою усердного богомольца*» [4]. Кресты встречаются во всех пещерных комплексах — четырехконечные, шестиконечные и восьмиконечные. На многих из них нижние переключины изображены не верно. Нижняя переключина наклонена в противоположную сторону. Она восходит кверху не справа налево, как принято в православной традиции, а наоборот слева направо.

В пещерных комплексах Дивногорья выявлено несколько художественных зарисовок. Самыми яркими из них являются изображения двух колоколен в Селявинском пещерном комплексе [8]. Рядом с современной надписью «Попы бессмертны» нарисован четырехконечный крест и горящая свеча. К рисункам светской тематики, фиксирующим важные события в истории страны, относится изображение ракеты с надписью СССР в пещерном комплексе в Малых Дивах. Там же мы видим зарисовку совершенно иного плана — ножки в чулках, под которыми неразборчивая надпись на иностранном языке, оставленная, по всей видимости, оккупантами в период ВОВ. Встречаются рисунки эротического содержания — обнимающиеся люди, обнаженные женские фигуры.

Одной из самых информативных категорий граффити являются содержательные надписи. Они представляют наибольший интерес, поскольку отражают настроения и чаяния посетителей пещеры. Их авторы неизвестны — это могли быть как жители окрестных сел, так и путешественники. Как уже отмечалось, по количеству и смысловой нагрузке надписей на фоне других выделяется Селявинский пещерный комплекс.

По форме изложения граффити комплекса делятся на прозаические и стихотворные. Сравнение почерков показывает, что как минимум три человека выражали себя и общественные реалии через поэзию.

В христианских пещерных комплексах естественно появление надписей религиозного характера. Здесь мы видим монограмму ИС — Иисус. Есть также отрывки, увы, нечитаемых молитв и цитат, например вычерченная углем надпись, заканчивающаяся словами «дому твоему»*. Один из наших современников также оставил напутствие: «Не забывают, что мы все ходим под Богом».

Важное историческое значение имеют надписи, отражающие ключевые события в стране и в мире. Здесь есть упоминание о последствиях для крестьян отмены крепостного права 1861 г. и недовольство царской династией [8]. Другая фраза рассказывает о периоде Гражданской войны: «1917 г. В Петрограде революция. Нас осаждают казаки атамана Краснова. Мы не можем выбраться. Да здравствует». По нашему мнению, эта надпись, может не соответствовать указанной в ней дате и, вероятно, была сделана позднее. Тем не менее, ее содержание отражает происходившие в этот период события. Войска атамана П. Н. Краснова действительно оккупировали данную территорию в 1918 г.

Несколько надписей относятся к событиям Второй мировой войны. Самая первая 1940 г.: «Потоки человеческой крови заливают мир, охваченный войной. Воюют: Германия, Англия, Франция, Италия, Япония, Китай. Мы стоим на пороге великого исторического события передела мира».

* Фраза прочитана Н. Е. Гайдуковым.

В Селявинском пещерном комплексе и пещерном комплексе в Малых Дивах фигурирует фамилия Котов. В списке участников Великой Отечественной войны Селявинского сельского поселения значится три человека с фамилией Котов. Среди них и Николай Федорович Котов 1921 г. р. [7]. О его судьбе мы узнаем из надписи «Котов Н.Ф. 28.8.36 — /ниже приписка/ — Погиб героически в 1941 году». Интересна также другая фраза «Мы в пламене родились и возрастали в пороховом дыму», которая могла относиться к военному времени.

Таким образом, в стихах и прозе отражены многие важнейшие вехи в истории страны, начиная с середины XIX в.

Особая пещерная атмосфера, уединенность и тишина — способствовали свободному выражению мыслей посетителя. Часть надписей отражает политическую обстановку в стране: то, о чем не принято было говорить открыто.

К нейтральным фразам мы относим прочие высказывания на различные темы. Это, безусловно, любовная тема. Здесь мы имеем ввиду не многочисленные однотипные признания в любви, а например, строки из стихотворения А. К. Толстого [8].

Вероятно в конце XIX — начале XX в. было начерчено первое четверостишие из стихотворения Г. Р. Державина «На тленность». Оно написано 6 июля 1816 г. за три дня до кончины поэта. Это восьмистишие представляет собой акrostих, где по первым буквам строк читается: РУИНА ЧТИ. Четверостишие приведено практически без искажений за исключением последнего слова, где слово «царей» заменено на «людей»:

Река времен в свое стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропости забвенья
Народы царство и людей

Возможно, во время какого-либо личного или православного праздника была оставлена на стенах запись: «Душа наполнена торжеством покорн(?) сердца...».

В надписях последней четверти XX в. человек перестает себя ассоциировать с социальными изменениями в мире и государстве — он акцентирует внимание только на себе: «1985 год — Саша Комаров лучший любовник планеты»; «Мне 22 — Паши В. 12.07.2003», или пускается в «околофилософские» и бытовые рассуждения: «Как жаль что те»; «Сало — это жизнь» и т. д.

Современные надписи носят характер вандализма, так как искажают первоначальный вид памятников истории и культуры. К сожалению, даже приходя в отреставрированный пещерный храм, некоторые пытаются вновь что-нибудь начертить на его стенах, а иные возмущаются почему, то, что он написал в 1980 г., замазали.

Изучение пещерных и скальных граффити Дивногорья находится лишь в начале своего пути. Предстоит большая работа по выявлению и де-

шифровке надписей не только в самих комплексах, но и на внешних стенах. Проведенные прежде изыскания, указывают на перспективы обнаружения уникальных граффити, имеющих историческую ценность. В этой связи, следует более внимательно подходить к любым реставрационным работам в пещерах. Их обязательно должно предварять тщательное изучение стен. При будущей музеефикации комплексов, в частности Селявинского, должны быть приняты меры по сохранению всех граффити представляющих интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гмелин С. Путешествие по России для исследования трех царств естества. — СПб., 1771. — Ч. 1. — 274 с.
2. Гольянов Э. В. Донские пещеры // Заповедные уголки Воронежской области. Воронеж, 1983.
3. Гунько А. А., Кондратьева С. К., Степкин В. В. Пещерные памятники Дивногорья. Атлас-путеводитель. — Воронеж: Научная книга. — 44 с.
4. Марков Е. Л. Поездка в Дивногорье // Русский вестник. — 1891. — Т. 214, № 5 (май). — С. 128—147; № 6 (июнь). — С. 157—182. Переиздано: Бережной А. В. Марков Евгений Львович и его краеведческие очерки о Воронежском крае. — Воронеж: Научная книга, 2007. — С. 160—207.
5. Никольский П. В. Монашество на Дону: Пещерокопательство в XIX в. // Воронежская старина. — Воронеж, 1910, Вып. 9.
6. Самбикин Д. И. Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. — Вып. 4. — Воронеж, 1886б. — 412 с.
7. Село Селявное-1 во время Великой Отечественной войны // [Электронный ресурс]. URL: <http://selyavinskoe.ru/information/istoriya.html> (дата обращения 12.12.2014).
8. Степкин В. В. Пещерный храм у села Селявное // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». — Вып. 3. — Воронеж: Научная книга, 2012. — С. 305—315.

Е. А. Воронцова

Национальный Киево-Печерский
историко-культурный заповедник, Киев, Украина

ВОЗРОЖДЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЕЩЕРНЫХ ПАМЯТНИКОВ В КИЕВЕ

Пещерные монастыри Киева — комплексы подземных сооружений культового, жилого, хозяйственного назначения. Они являются памятниками археологии, подземной архитектуры, церковной истории и культуры наших народов.

До начала 90-х гг. XX в. в Киеве функционировали лишь два подземных комплекса на территории Киево-Печерской лавры. Остальные киевские пещеры были частично или полностью обрушены, а входы в них засыпаны, и на протяжении столетий не использовались. О них знал лишь узкий круг специалистов. С начала 90-х гг. XX в. начинаются разведки, археологические раскопки, а затем и ремонтно-реставрационные работы в крупнейших киевских комплексах на Зверинце (Зверинецкие пещеры), в Китаево (Китаевские пещеры) и пещерах Гнилецкого монастыря.

Традиция пещерного монашества проникает на территорию Древней Руси в XI в., благодаря афонским миссионерам. Впервые монашество зарождается в Киеве в монастыре, получившем название Печерский, поскольку основан был в пещерах. В дальнейшем многие пещерные монастыри основывались выходцами из Киево-Печерской обители и становились её своеобразными филиалами не только в окрестностях столицы, но и далеко за её пределами.

Все киевские пещеры выкопаны в толще мощного каолинистого песчаника, который, в отличие от твёрдых скальных пород, позволяет создавать сложную лабиринтовую систему с архитектурными постройками особого стиля.

Основание Киево-Печерского монастыря датируется первой половиной — серединой XI в. [14, с. 223—224; 10, с. 13—14], когда прп. Антоний поселился в пещере. Вскоре здесь образовалось анахоретское поселение, состоявшее из нескольких отшельнических жилых пещер, выкопанных вокруг келии прп. Антония [5, с. 21—22], который стал родоначальником пещерножительского и монашеского на Руси. Со временем вокруг прп. Антония собралось 12 человек братии. Они объединили свои отдельные пещерки в одну, значительно увеличили её, выкопали в ней первую подземную церковь [1, с. 18] и стали проводить совместные богослужения. Таким образом, возникает лавра, а к концу XI в. лавра превращается в общежительный (ки-

новиальный) монастырь. Прп. Антоний, привыкший к уединённому образу жизни, переселился в пещеру, выкопанную им в соседнем холме, где он и жил в одиночестве до самой кончины [1, с. 18].

Пещерный ансамбль Киево-Печерской лавры ныне состоит из двух самостоятельных комплексов — Ближних (Антониевых) и Дальних (Феодосиевых) пещер (рис. 1, рис. 2). Дальние пещеры стали местом основания монастыря, летописным «ветхим монастырём». Названия «Ближние» и «Дальние» пещеры получили в зависимости от степени их удаления от главного храма монастыря — Успения Богородицы.

В 60-х гг. XI в. стараниями нового игумена прп. Феодосия тут образовалась киновиальная организация, окончательно утверждённая принятым общежительным уставом. С переходом братии в наземные сооружения, пещеры стали использовать как монастырское кладбище, которое функционировало вплоть до XVII в., а также место затворничества отдельных монахов. Часть пещерных коридоров была перепланирована, расширена и укреплена кирпичной кладкой. Вдоль пещерных галерей сделаны ниши-аркасолии, где выставлены для поклонения гробницы с останками древних погребений — святых мощей. Стены ниш украсили живописью. Увеличили и украсили иконостасами пещерные церкви. После таких преобразований пещеры утратили свой первоначальный вид, за исключением некоторых неисследованных участков.

С конца XV — начала XVI вв. вплоть до сегодняшних дней лаврские пещеры используются как места паломничества. Протяженность Дальнепещерного комплекса вместе с входящей в него древнейшей Варяжской пещерой составляет около 500 м. Ближние пещеры — 350-и метровый лабиринт. В каждом комплексе по три подземных церкви. В обоих комплексах имеются камеры келейного типа с лежанками, выкопанными в материке, и многочисленные погребальные ниши — локулы. Археологические исследования Ближних пещер 1978—1979 гг. показали, что погребальные ниши использовались под захоронения неоднократно. Погребальный характер камерных сооружений Ближних пещер определяется не только их архитектурными особенностями (спаренными лежанками с подголовниками), но и многочисленными костными останками в них, а также надписями-граффити, древнейшие из которых относятся к XII—XV вв.: «ВЪ ЛЕТО 6658 (1151) ИСКОПАХОМ МЕСТО СЕ НА ПОЛОЖЕНИЕ Т(ЕЛА) ...» [8, с. 62—69].

В отличие от других пещерных памятников Киева, лаврские пещеры никогда не были забыты, заброшены или засыпаны, они функционировали на протяжении всего своего существования.

Итак, пещеры Печерской лавры стали местом основания первого пещерного монастыря, местом жительства и затворничества монахов, и, наконец, местом их погребения. Они положили начало одному из крупнейших монастырей Руси — Киево-Печерской лавре, и стали эталоном для многих пещерножителей.

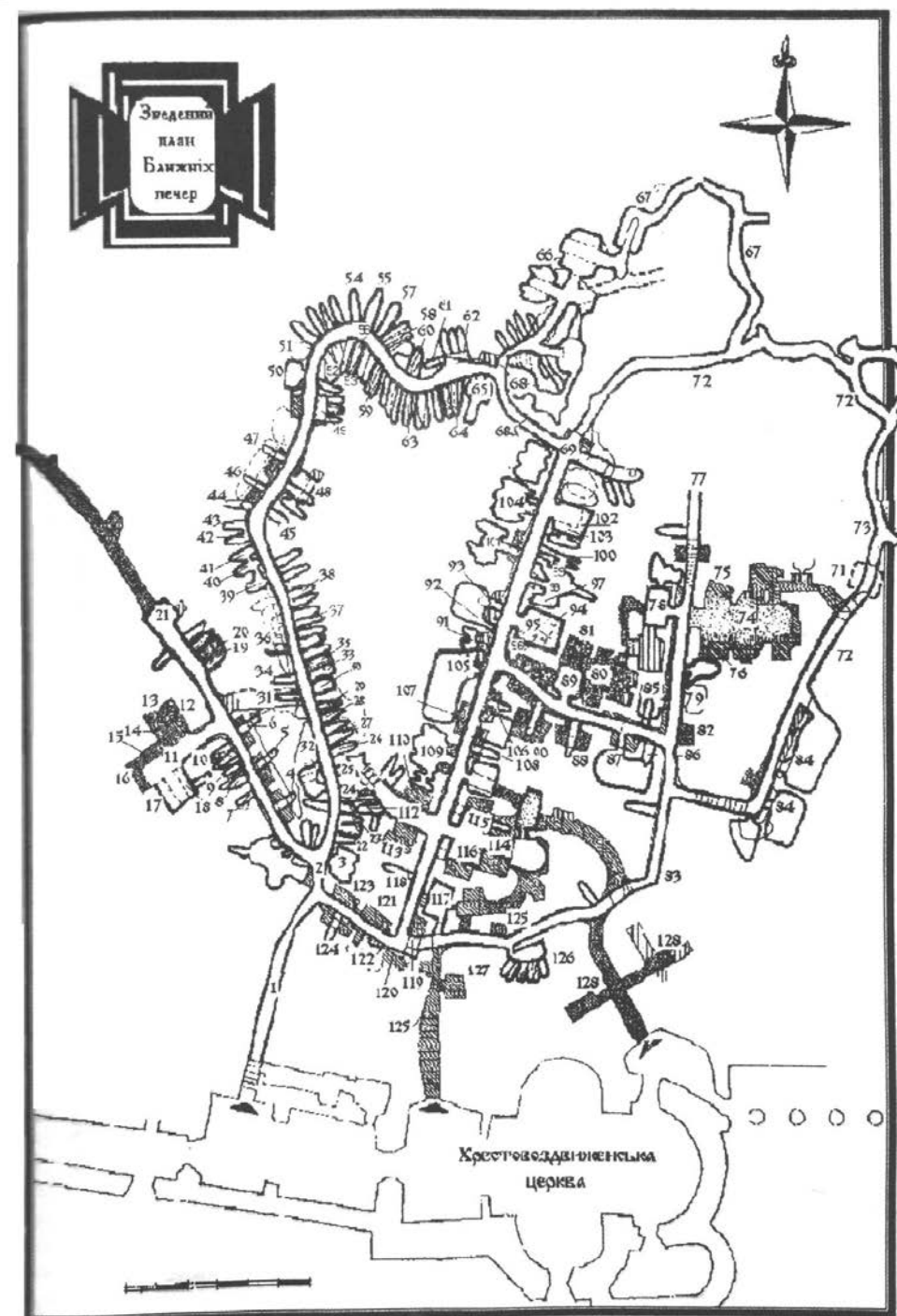

Рис. 1

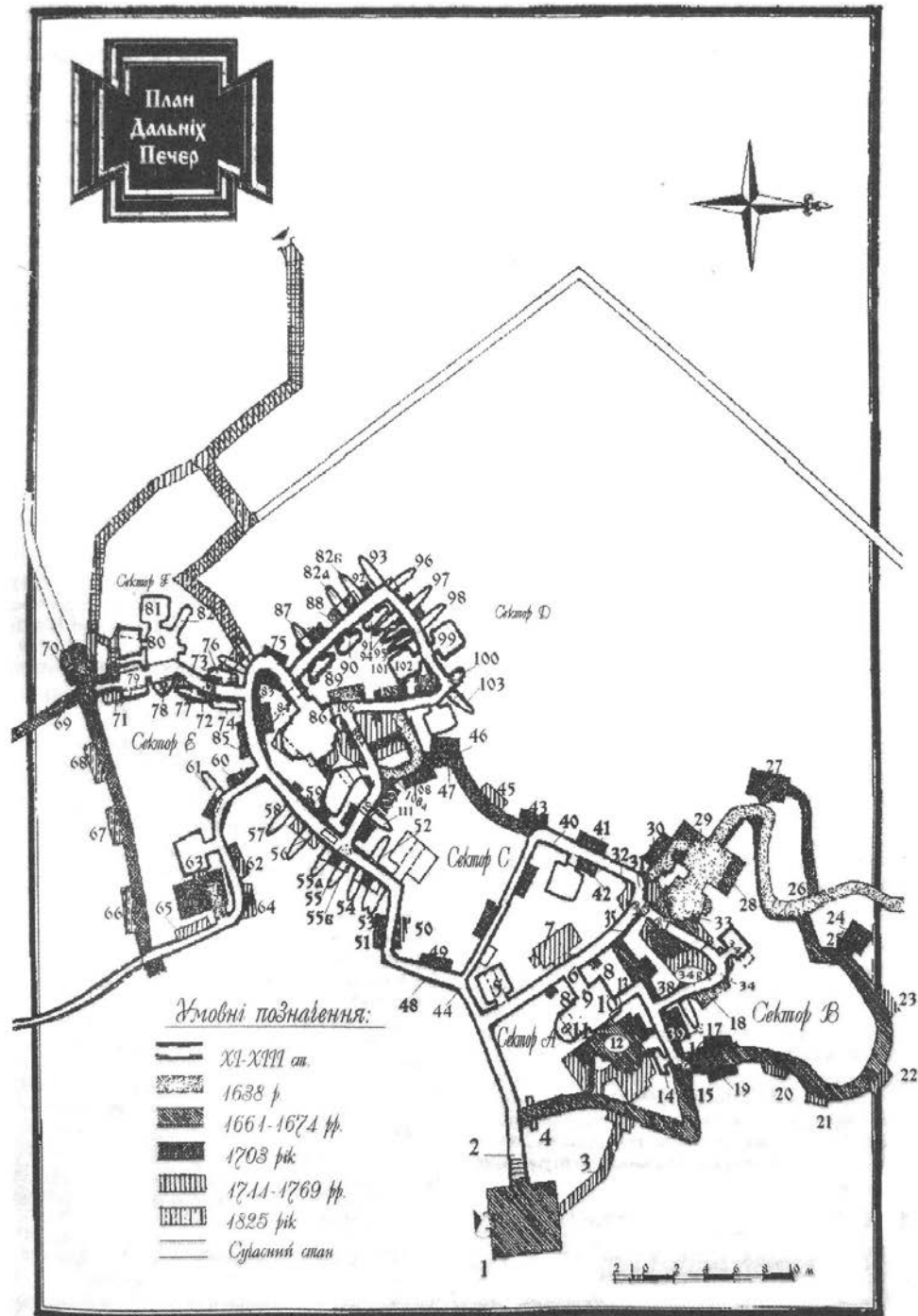

Рис. 2

Один из интереснейших средневековых пещерных монастырских комплексов был обнаружен случайно в конце XIX в. на территории исторической местности Зверинец (рис. 3). Об этих пещерах нет никаких сведений в летописях. Расположены они на южной окраине древнего Киева, на крутом правом берегу Днепра, между загородной резиденцией князя Всеволода и Выдубицким монастырем.

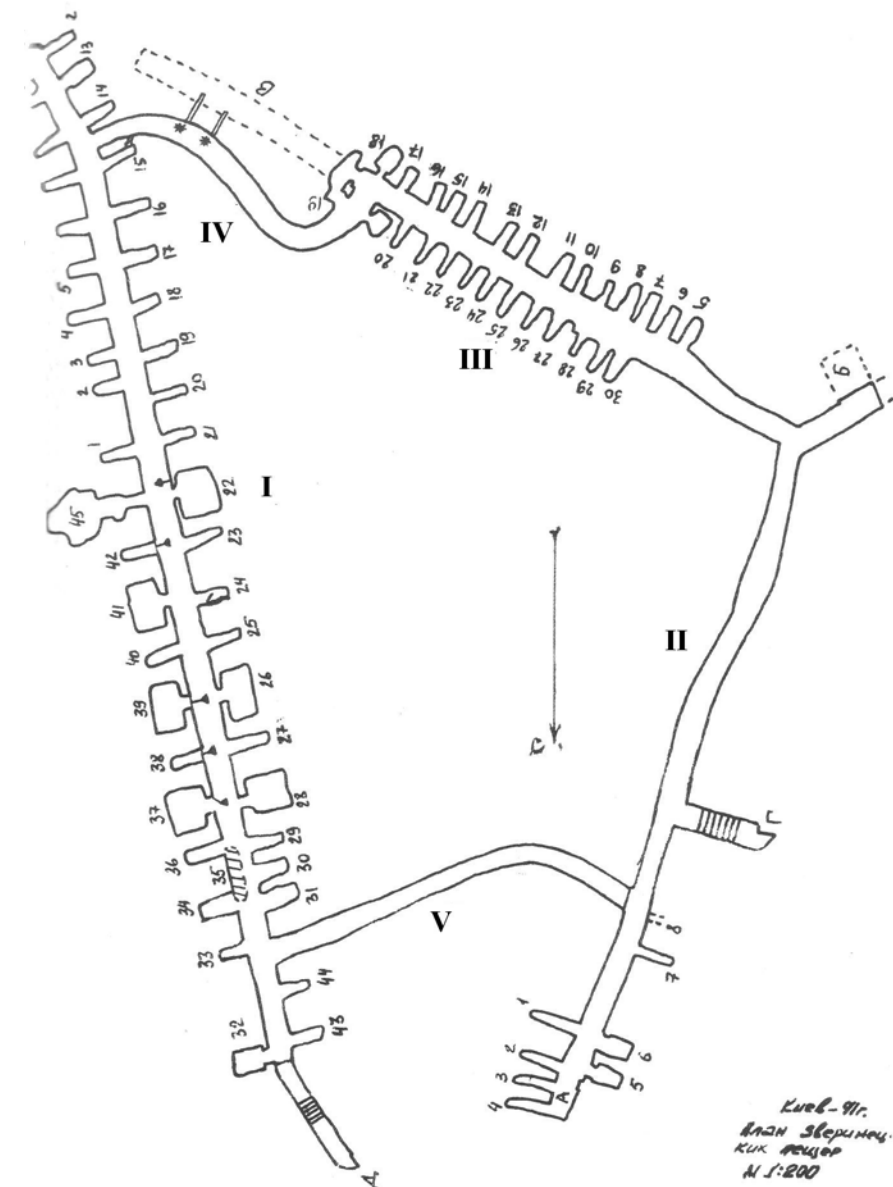

Рис. 3

В 1888 г. в результате оползня здесь открылся вход в пещеру. Первые посетители увидели участок пещеры с помещениями. Обследование проводил известный киевский археолог В. Б. Антонович, который интерпретировал пещеру как древнее монастырское кладбище [11, с. 23–25]. Пещерная улица имела длину около 65 м, в ней насчитывалось 48 помещений. С обеих сторон галерея имела обрушения, её раскопки не осуществлялись, вход в галерею был засыпан.

В 1911 г. произошло открытие еще одного участка этого комплекса. Он состоял из четырёх пещерных галерей. Пятую галерею выкопали позже, чтобы замкнуть в кольцо этот участок. Галереи имеют ширину от 1 до 1,5 м и высоту до 2 м, проложены на глубине 7–10 м от современной поверхности, их протяженность более 150 м [7, с. 40–41].

Археологические раскопки Зверинецкого пещерного комплекса проводились в 1912–1914 гг. и в 1990–1993 гг. В ходе исследований открыто 74 погребальные ниши-локулы с материковыми лежанками, 4 камеры с массовыми погребениями и пещерная церковь с престольной и жертвенными нишами в восточной стене. Помещение церкви имеет размеры 3 × 2 × 1,8 м и ориентировано по сторонам света [15]. На стенах церкви и пещерных галерей зафиксировано несколько граффити, датируемых концом XII–XV вв.: «...ИГУМЕНИЗВЕРИНЬНСЬЦИ ЛЕВОНЬТЯ МАРЬКЪЯНАМИХАИЛAIОНЫ МИНЫ КЛИМЕНЬТЯМАНУИЛА»; «ПОМЯНИ ГИ ДШЮ РАБА СВОЕГО КЛИМЕНЬТЯИГУМЕНА»; «КЛИМЯНЬНЬТИИГУМЕН ЗВЕРИНЬСКИИ»; «АНДЪДРОНИКЪ ПЕЧЕРНИК»; «ФЕДОР КАЛЕКА» и др. Первый исследователь пещер А. Д. Эртель датировал зверинецкие граффити X–XI вв. [15, с. 46]. Однако палеографический анализ, осуществленный советским учёным С. А. Высоцким, позволил отнести их к концу XII – первой половине XIII вв. [8, с. 52–53]. Надпись «ФЕДОР КАЛЕКА», которая не рассматривалась исследователем, выполнена позже, в XIV–XV вв.

В ходе раскопок 1912–1914 гг. были обнаружены фрагменты керамики, изделий из дерева, металлические изделия и проч. Но особый интерес представляли изделия из кожи. Это – кожаные кресты-параманы, пояса с тиснёными рисунками, монашеские тапочки, фрагменты тонких плетёных кожаных поясков. К огромному сожалению, эти материалы не дошли до нас, но сохранилось их описание, прорисовки и фото витрины, где они были выставлены в 1915 г. к приезду Императрицы Марии Фёдоровны в Киев.

Раскопки 1990–1993 гг. дали немногочисленный материал: фрагменты керамической посуды и кожаных поясов, деревянные и металлические изделия, серебряная монета. Предметы датируются как древнерусским, так и позднесредневековым периодами.

Таким образом, раскопки, проведенные в Зверинецких пещерах в 1990-х гг., подтвердили древнерусское происхождение подземного памятника и определили исследованные участки пещерного комплекса как монастыр-

ское кладбище, функционировавшее в течение XII–XVII вв. Подземный некрополь относился к Зверинецкому монастырю, о существовании которого свидетельствуют надписи на стенах пещер, среди них и синодик с именами Зверинецких игуменов [7, с. 39–40]. Результаты последних раскопок свидетельствуют, что данный участок некрополя начал формироваться из отдельных пещерок, впоследствии объединённых между собой.

Разведками 1993 и 2006–2007 гг., проведенными на террасе перед пещерными входами, были выявлены следы наземных построек средневекового времени. Вероятно, монастырь существовал не только в пещерах, но и на поверхности.

Первый опыт создания скита (лаврской метохи) принадлежал игумену Киево-Печерского монастыря прп. Феодосию Печерскому. Летопись рассказывает о том, что игумен каждый год в Масляную неделю вечером, перед началом великого поста, уходил из монастыря. Он проводил 40 дней в пещере в одном из ближайших сёл, не сообщая братии своего местонахождения, совершая, таким образом, подвиг затворничества вне монастырской обители.

В первом издании «Патерика Печерского» (Paterikon, 1635), в рассказе о затворничестве прп. Феодосия указано место его пребывания – село Лесники и Гнилецкое урочище. Именно здесь располагался Гнилецкий монастырь, основание которого историки связывают с Печерским игуменом [9, с. 7].

Гнилецкий монастырь возник во второй половине XI в. как пещерное поселение анахоретов. Основателям монастыря служили примером различные формы монашеского подвижничества (отшельничество, жизнь нескольких отшельников по соседству, общежительство – опыт Печерской лавры).

К середине XII в. поселение анахоретов из пещер перемещается на поверхность и становится общежительным монастырём. Началось строительство каменной церкви – будущего монастырского центра. Пещеры продолжали служить местом затворничества. После смерти затворников хоронили в келиях. Таким образом, постепенно пещеры становились кладбищем, которое функционировало вплоть до XVI в.

Новый подъём развития пещерножительства в Гнилецком монастыре начался во второй половине XIII–XIV вв. Это происходило под влиянием оформления на Афоне идей исихатского аскетизма как доктрины православной церкви. В это время всплеск пещерного подвижничества наблюдается во многих обителях Киева и Южной Руси в целом, что привело к образованию в этих районах новых пещерных монастырей [6, с. 129–131].

Территория Гнилецкого монастыря неоднократно исследовалась археологами, однако пещеры долгое время оставались неизученными. В начале XX в. подземелья были частично расчищены монахами возобновлённого там Пречистенского скита. В 1960–80-х гг. в Гнилецких пещерах (рис. 4) проводились археологические разведки, подтвердившие их древнерусское

происхождение [12]. С 1991 г. сотрудниками Музея истории города Киева проводились раскопки пещер и прилегающей к ним территории. В ходе исследований был получен материал, позволивший проследить основные этапы развития Гнилецкого пещерного монастыря [3, с. 50–52].

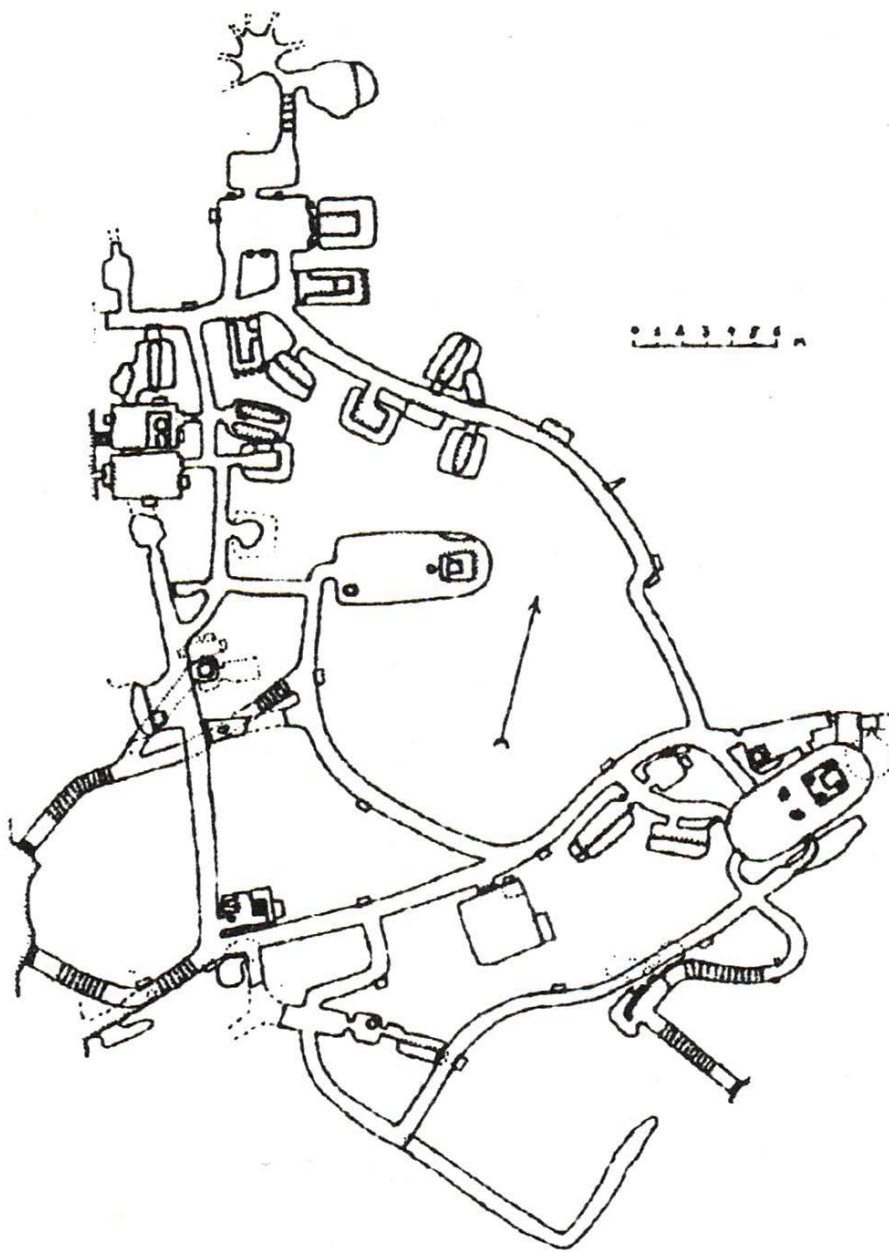

Рис. 4

На сегодня нам известно два комплекса пещерных сооружений Гнилецкого монастыря. Один из них состоит из четырёх ярусов, соединённых ступенями, общая длина — более 350 м. Глубина залегания верхнего яруса не превышает 3 м, нижнего — более 15 м от уровня современной поверхности.

Помещения двух верхних ярусов сильно повреждены вывалами материковой породы и преимущественно остаются неисследованными.

В ходе археологических работ был расчищен провал на уровне третьего яруса. Тут обнаружили остатки разрушенной оползнем крипты с несколькими монашескими погребениями на материковых лежанках вдоль стен. В ногах и головах зафиксированы фрагменты плитки [4, с. 58].

Наиболее изученным является второй ярус комплекса. Он состоит из трёх участков общей длиной около 300 м, в древности изолированных друг от друга, и объединённые в общий лабиринт в начале XX в.

В стенах галереи одного из участков расположены несколько ниш-камер, а в полу — хозяйственные ямы диаметром от 0,25 до 1,2 м, глубиной до 1,5 м, имеющие грушевидную форму. В заполнении ям обнаружены фрагменты древнерусской керамики [2, с. 12–13].

Нижний ярус комплекса — разветвленная галерея с несколькими камерными помещениями небольшого размера (1,5–2×1–1,5×2 м). На стене одной из камер открыта надпись-граффити, относящаяся к XIII в.: «...ХЪДИЛЬ СИМЪНЪ Ч(ЕРНЕЦ)» [2, с. 13]. Данные помещения интерпретируются как кельи, а участок, на котором они расположены — как древнейшая жилая часть монашеского пещерного поселения. Вероятно, данный участок имел хозяйственное назначение и вместе с жилыми помещениями нижнего яруса и упомянутыми катакомбами верхнего яруса образовывал средневековый комплекс Гнилецкого монастыря.

В северной части комплекса находится ещё одна 35-метровая магистральная галерея. В её стенах расположено 15 помещений катакомбного характера. К сожалению, все погребения были разрушены в ходе реконструкции пещер в начале XX в. Архитектурные особенности этих сооружений (полукруглые формы сводов, тщательная обработка стен и пр.) позволяют отнести их строительство к XIV–XV вв. [2, с. 12].

Три помещения на данном участке представлены типичными для древнерусских пещерных монастырей камерами с двумя материковыми лежанками вдоль боковых стен. В одной камере зафиксировано изображение креста с фрагментами надписи, датированной XV в.

Ещё три похожих между собой сооружения имеют вид прямоугольных камер (каждая размерами 2–2,5×1,7–2×1,5–2 м) с выступами-полками и многочисленными малыми сводчатыми нишами в торцевых стенах. По своим архитектурным признакам эти помещения определяются как костницы, в которых осуществлялись погребения по афонскому обряду. Этот участок Гнилецкого пещерного комплекса можно определить как остатки средневекового монастырского некрополя.

На последнем участке среднего яруса находятся несколько келий, а также пещерная церковь. Изображения крестов на стенах келий характерны для XIV–XVI вв. [13, с. 15–17]. Церковь представляет собой большое помещение (6 × 3 × 3 м), ориентированное по оси юго-запад-северо-восток. Во время реконструкции в начале XX в. был уничтожен лёссовый киворий. Его заменили на кирпичный. Данный участок, без сомнения, представляет жилую часть пещерного монастыря, относящуюся к XIV–XVI вв.

В соседнем склоне открываются входы в пещерные сооружения второго монастырского комплекса. Исследования проводились в 1992–1993 гг. Были открыты келии и небольшие камеры-часовни со сводчатыми нишами в стенах. Своды помещений — полукруглые, тщательно заглаженные, местами обожжённые. Архитектурные особенности участка позволяют интерпретировать его как часть отшельнического пещерного поселения, сформировавшегося не ранее XIV в.

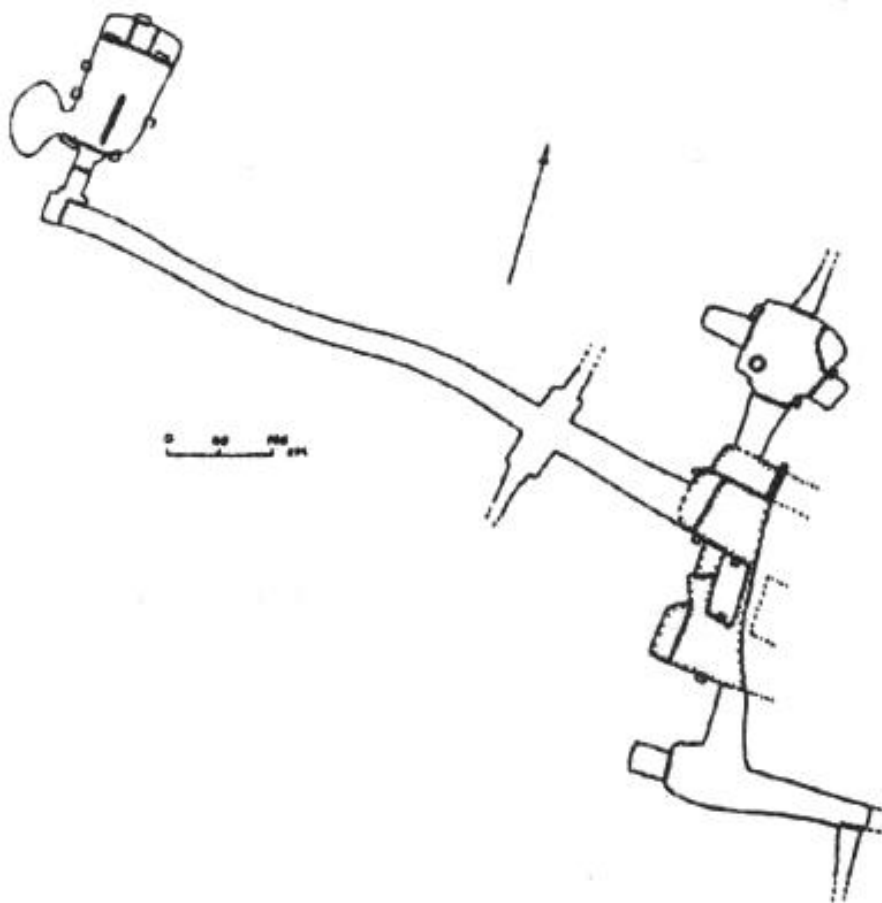

Рис. 5

На основании проведенных исследований, а также летописных архивных и библиографических сведений, можно реконструировать историю развития Гнилецкого монастыря. Во второй половине XII в. возникает скит Киево-Печерского монастыря в виде пещерного поселения монахов-отшельников. Позднее монастырь перенесли на поверхность. Уже в конце XII в. был построен небольшой кирпичный храм, фундаменты которого исследовались в 1980 г. [13, с. 116–119]. Пещеры продолжали использоваться как монастырское кладбище. Можно предположить, что в XIII–XIV вв. монастырь пострадал от татарских набегов. Не имея возможности возобновить наземные сооружения, монахи вновь обратились к пещерножительству, освоив часть существующего подземного комплекса и сформировав ещё один, новый, на соседнем холме. Ко второй половине XVI в. по неизвестным причинам монастырь пришел в упадок.

Ещё один скит был основан монахами Киево-Печерского монастыря. Он существовал как в пещерах, так и на поверхности, и располагался на одной из околиц Киева, в местности Китаево. Отсюда и его название — «Китаевский».

Пещеры расположены на территории древнерусского городища в холмах на берегах озёр. Впервые были открыты и исследованы в 1912 г. Материалов раннего средневековья обнаружено не было, но первые археологи считали, что они относятся к домонгольскому периоду, и были выкопаны во времена существования городища. Материалы последних археологических раскопок подтвердили датировку XVI–XVII вв. [6, с. 133–135].

Описанные пещерные монастырские комплексы после исследований и ремонтных работ были переданы Украинской православной церкви и сегодня являются частью действующих монастырей.

В Киеве существует ещё несколько средневековых пещерных комплексов — на территории и поблизости Выдубицкого монастыря XI в., около Кирилловской церкви XII в., на горах Щекавице и Уздыхальниці. В некоторых из этих комплексов проводились археологические разведки, в ходе которых были открыты участки с погребальными катакомбами. Все они ждут своих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамович Дм.* Киево-Печерський патерик (вступ, текст, примітки). — К., 1930.
2. *Бобровський Т. А.* Археологічні дослідження Гнилецьких печер у Києві // Археологічні дослідження в Україні 1993 року. — К., 1997.
3. *Бобровський Т. А.* Гнилецький пещерний монастир в Києві (етапи формування архітектурно-історического ансамбля) // Пам'ятки архітектури і монументального мистецтва в світлі нових досліджень. — К., 1996.
4. *Бобровський Т. А.* Дослідження відділу «Київ підземний» Музею історії міста Києва протягом 1997–1998 рр. // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. — К., 1998.
5. *Бобровський Т. А.* Київська лавра (до питання культурно-історичної інтерпретації) // Могилянські читання. Матеріали щорічної наукової конференції. — К., 1999.

6. *Воронцова Е. А.* Киевские пещеры. — К., 2005.
7. *Воронцова О. А.* Дослідження та відродження Звіринецького печерного комплексу в Києві — середньовічної пам'ятки історії України // Лаврський альманах. — Вип. 24, спецвип. 9. Дослідження монастирських печерних комплексів. — К., 2010.
8. *Высоцкий С. А.* Киевские граффити X—XVII вв. — К., 1985.
9. *Дятлов В.* Церковщина. Повесть о забытой киевской святыне. — К., 2001.
10. *Жиленко І. В.* Історія печер Києво-Печерської лаври // Дива печер лаврських / Відп. Ред. В. М. Колпакова; упоряд. І. В. Жиленко. — К., 1997.
11. *Каманин И. М.* Зверинецкие пещеры в Киеве (их древность и святость). — К., 1914.
12. *Толочко П. П.* Таємниці київських підземель. — К., 1968.
13. *Харламов В. А.* Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X—XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978—1983 гг. — К., 1985.
14. *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. — Т. 1. — Пг., 1916.
15. *Эртель А. Д.* Древние пещеры в Киеве на Зверинце. — К., 1913.

КУЛЬТОВЫЕ ПЕЩЕРЫ АЗИИ

М. Б. Глаудинова

*Международная образовательная корпорация (Казахская
головная архитектурно-строительная академия), Алматы*

**ПЕЩЕРНЫЕ МОНАСТЫРИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ
КАЗАХСТАНА И ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА)**

Пещерная культовая архитектура Центральной Азии — одно из интереснейших архитектурных явлений — имеет длительную историю существования и развития. Эти строения возводились представителями различных религиозных конфессий, распространенных в регионе в период раннего средневековья: буддизма, христианства, манихейства, ислама. Примечательно, что для каждой из этих религиозно-культовых систем пещерное зодчество оказалось приемлемым и актуальным в выражении определенных, обладающих универсальностью, идей. Каковы были эти идеи? Предполагаю, что ответ на этот вопрос тесно связан с феноменом той поликонфессиональной ситуации, которая сложилась в Центральной Азии в рассматриваемый период — времени становления тюркской государственности и, соответственно, архитектуры.

Итак, историко-культурная ситуация в регионе в момент распространения пещерного зодчества была таковой: тюркские народы, населявшие регион в данный период, проповедуют тенгрианство, определяемое как учение, «имеющее тенденцию к монотеизму» [1], поэтому монотеистические религии получили в Центральной Азии широкое распространение. В IV—V вв. в тюркской среде распространяется буддизм, в расцвете культуры которого главную роль сыграли оазисы Восточного Туркестана (ныне территория Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР) и Средней Азии. Одним из ранних центров был Турфанский оазис (в I и II вв.; III в. датируются обнаруженные здесь буддийские литературные произведения [2]), где возникло государство Кочо (Уйгурское идикутство), в одноименной столице которого возводились буддийские, христианские и манихейские храмы.

На территории Казахстана сохранились тюркские памятники — огромные по площади погребально-культовые ансамбли в южных районах страны (например, Мерке, Жайсан в Жамбылской области), представлявшие собой комплексы из четырехугольных оградок с антропоморфными скульптурами. Встречаются также тюркские святилища в виде кольцевых огра-

док без захоронений. Также здесь фиксируются христианские монастыри (городище Тараз, предположительно, городища Кзылкайнар, Чол-тобе), буддийские и манихейские храмы (городища Тараз, Каялык). Пещерными храмами в Казахстане были только суфийские обитатели.

Рассмотрим основные пещерные памятники регионов.

Буддийские и манихейские памятники

Буддийское пещерное зодчество, конечно, одно из уникальнейших и еще не до конца осмысленных культурных явлений. Огромное количество памятников — монастырей, локализованных, в основном, на территории Восточного (СУАР) и Западного Туркестана (Средней Азии), в течение тысячелетнего существования превратились в целые пещерные города, которые «достраивались» вплоть до конца существования последнего буддийского государства Восточного Туркестана — Уйгурского княжества в Ганьсу (1368 г.).

Пещеры Тысячи Будд представляли собой выдолбленные в грунте сводчатые помещения, интерьеры которых полностью были покрыты настенными росписями, барельефами и скульптурой. Архитектура, скульптура и живопись пещерных и наземных храмовых комплексов Турфанского оазиса (Туюк, Безаклик, Сенгим-Агиз, Яргол, Чиканкуль, Башахар), демонстрируют становление своеобразной художественной школы Кочо. Это целые комплексы (пещеры одного комплекса исчисляются десятками и даже сотнями), в которые могли входить и элементы наземной архитектуры — ступа, чайтъя. Наиболее характерными признаками данной школы обладают пещерные комплексы Туюк и Безаклик.

Комплекс Туюк расположен у одноименного населенного пункта (Пичанский оазис), известного в древности своими многочисленными храмами. Он представляет собой группу из 46 пещер, сооружение которых происходило в V—X вв. [3, с.113]. Здесь получили распространение три типа пещер: с пилоном, квадратные и прямоугольные в плане. Все вместе они составляют комплекс, выполнявший функции монастыря (рис. 1а, б). Примечательно, что находящийся неподалеку поселок Туюк, жители которого издревле занимаются виноградарством, расположен напротив древнего некрополя. Некрополь, в свою очередь, сформировался возле древнейшей святыни региона — «Пещеры уснувших отроков», которая упоминается в Библии и Коране (рис. 2). Таким образом, местность имеет сакральный характер и является местом паломничества местного населения. И опять же — основу его закладывает именно Пещера — наиболее архаичный вариант формообразования, своеобразный архитектурный архетип.

Один из наиболее крупных по площади буддийских монастырей Турфана — комплекс Безаклик — расположен в местности Муртук, к северо-востоку от г. Турфана и в 10 км к югу от городища Кочо (рис. 3а, б). Особенность данного ансамбля состоит в том, что в течение его длительного суще-

ствования пещеры вырубались и буддистами, и христианами, и манихеями. Из 83 сохранившихся пещер, протянувшихся на 1 км, в 40 сохранились настенные росписи высочайшей художественной ценности, общая площадь которых составляет 1200 кв.м. Строительство пещер началось в V в. и продолжалось до IX—XI вв. [4, с. 41—42]. После 840 г. в комплексе Безаклик вырубались пещеры по приказу королевской фамилии Уйгурского государства Кочо, поэтому наряду с классическими сюжетами буддийской культуры, появляются светские изображения уйгурских донаторов в богатых одеждах, пышных головных уборах и разнообразными украшениями.

Некоторые буддийские пещеры Безаклика стали манихейскими, а в последующем снова вернулись к буддийской сангхе (Пещера 25). В Уйгурском каганате центром манихейской метрополии также становится южная столица государства — Кочо. Здесь пребывали высшие иерархи манихеев. Три города с манихейскими монастырями — Яр-Хото, Кочо и Сольми — упоминаются в уйгурских манихейских текстах (X—XI вв.). Их скопление было обнаружено А. фон Лекоком в манистане столицы уйгуров (в примыкающих к западной стене помещений) [5, с. 82—83]. Статус манихейства подчеркивается расположением манистана в центре Кочо.

Рис. 1а. Монастырь Туюк, общий вид. Турфанский оазис СУАР КНР (фото автора)

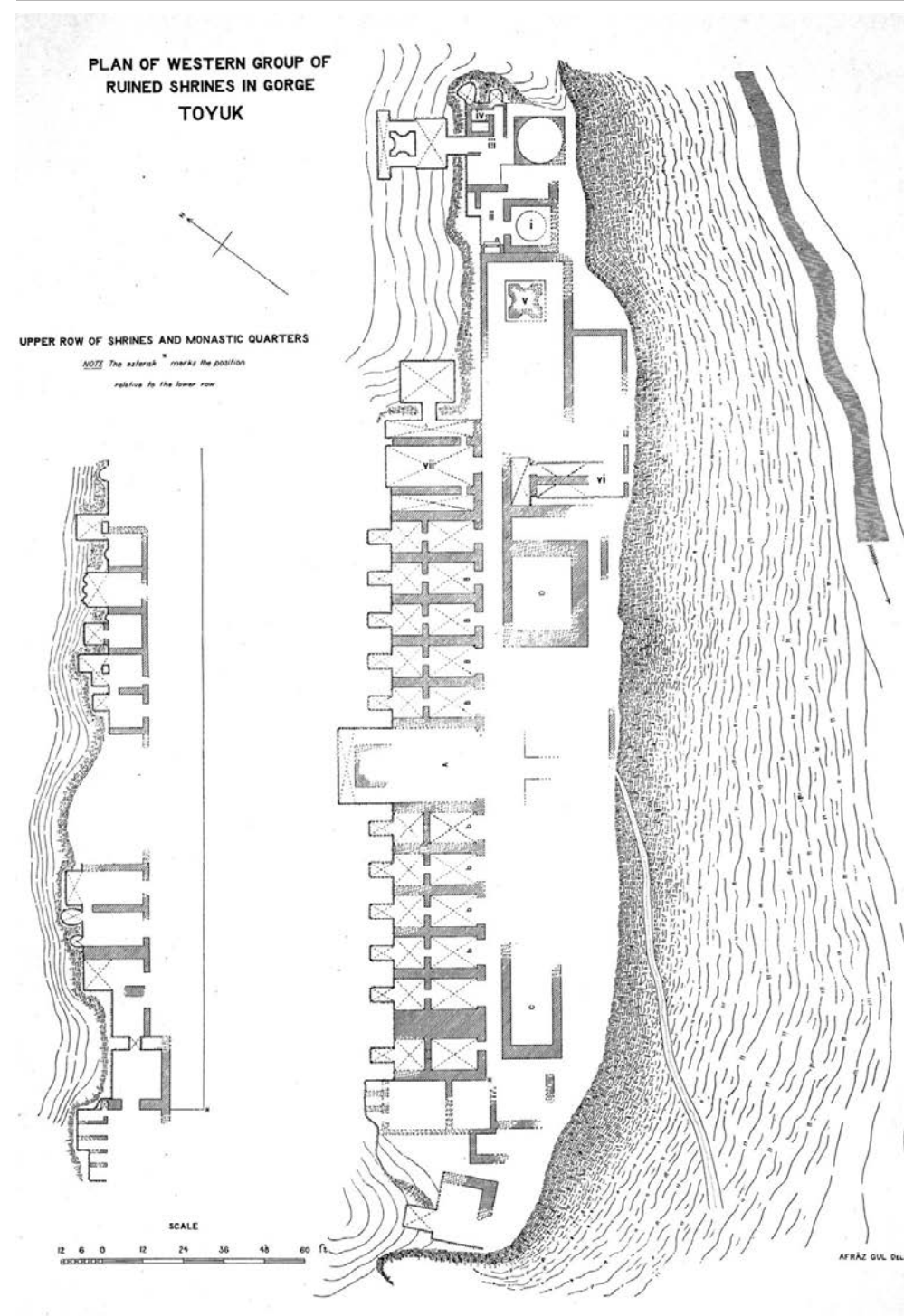

Рис. 1б. Монастырь Туюк. План (по А. Стейну [10, с.27])

Рис. 2. Вход в «Пещеру уснувших отроков» комплекса Туюк, общий вид. Турфанский оазис СУАР КНР (фото автора)

Рис. 3а. Монастырь Безаклик, общий вид. Турфанский оазис СУАР КНР (фото автора)

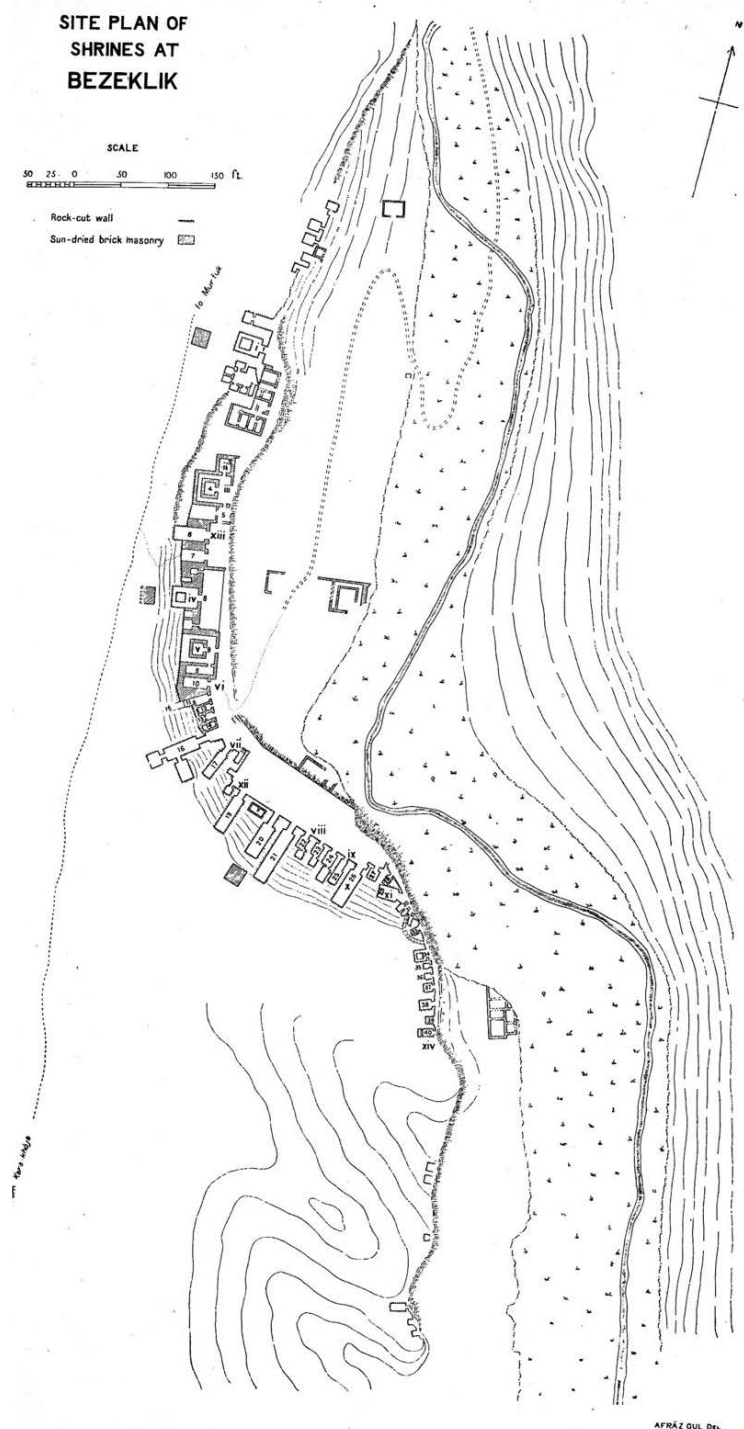

Рис. 36. Монастырь Безаклик. План (по А. Стейну [10, с.30])

Христианские памятники

Как известно, на территории Центральной Азии преобладающее распространение получило диофизитство — христианское учение, провозглашавшее двойственность природы Христа (разграничение в ней божественного и человеческого) и получившее название несторианства, впрочем, имеются некоторые свидетельства присутствия здесь мелькитских, яковитских и маркеонитских общин [6, с. 130]. Из Средней Азии через согдийцев (в Самарканде существовала митрополия) христианство проникает в тюркскую среду (VI—VII вв.). О значении Церкви Востока свидетельствует письменный памятник VI—VII вв. «История Мар Марии», в котором за «приоритет апостольского происхождения церквей борются Эдесса, Селевкия и Кашгар» [1]. О распространении христианства в Китае свидетельствует стела несториан в Чанъане (635 г.). В раннем средневековье несторианские митрополии были, кроме Мерва и Самарканды, в Кашгаре, Тангуте и Неваките.

На территории Восточного Туркестана христианские общины фиксируются в V—VI вв. обнаруженной здесь переводческой литературой на согдийском, сирийском, среднеперсидском, парфянском, хотано-сакском, тюркском, уйгурском языках. Одним из наиболее значительных письменных памятников является так называемый Турфанский псалтырь VI в., написанный на среднеперсидском языке и обнаруженный А. фон Лекком в развалинах библиотеки несторианского монастыря в Турфанском оазисе [5, с. 82]. Кроме религиозной литературы, были распространены научные и светские тексты, медицинские трактаты.

В Кочо христианский храм с росписями был возведен рядом с комплексом буддийских святылец. Уйгуры, наряду с тюркоязычными онгутами, меркитами, чигилями становятся христианами, по всей видимости, около X в. [2]. В христианских текстах (на сирийском, среднеперсидском, согдийском языках) сообщается о Карашаре (тохар. Аркене или согд. Аргина), где должна была быть возведена часовня [6, с. 128]. В Кочо с христианским храмом было идентифицировано сооружение, исследованное А. фон Лекком. Оно располагалось вне укрепления города, на северо-востоке от него, к западу от большой группы ступ. Раскопанная часть храма, ориентированная по оси север-юг представляет собой анфиладу прямоугольных в плане помещений, соединенных широкими проходами. Размеры выявленных помещений: 7 × 8,6 м, 6 × 8,2 м, 8,2 × 9,5 м. Первое помещение (восточное) открывается на восток узким дверным проемом, а среднее оказалось сквозным, т. к. открывалось на восток и запад широкими проемами. Несторианскую принадлежность памятника подтверждают ориентация сооружения и росписи, оказавшиеся за пристроенными позднее ремонтными стенами. Один из сюжетов живописи — праздник Вербного воскресенья [5, с. 210].

Другим историческим источником, демонстрирующим христианский компонент в местной культуре, является живопись пещерных монастырей:

так в монастырском комплексе Безаклик, в росписях уйгурского периода (IX в.) изображены в качестве донаторов сирийцы-христиане.

Мусульманские памятники

Пещерная архитектура Центральной Азии в рамках ислама связана с деятельностью суфия Ходжа Ахмеда Яссауи, одного из основоположников суфизма в тюркской среде. Как известно, в 63 года суфий окончательно отрекается от мирской жизни и уходит в подземную келью, превратившуюся позже в мемориально-культовый объект — хильвет. Произошло это в г. Туркестане (Южно-Казахстанская область), откуда суфизм распространился далеко на запад — в Мангистау, где широко распространяется феномен пещерной архитектуры. Ее появление фиксируется с XI—XII вв., когда здесь возводится комплекс Шопан-ата, вырубленный в массиве меловых отложений. Памятник состоит из пещер различного назначения, где собственно мечети отведено помещение с восточной стороны. Сюда можно попасть из зала, вероятно, выполнявшего роль распределительного пространства и, в то же время, зала собраний (рис. 4).

Из него проемы также ведут в две погребальные камеры — самого суфия, в честь которого названа мечеть, и в усыпальницу, предположительно, его дочери. В «перекрытии» центрального помещения устроено круглое световое отверстие диаметром 1,2 м, одновременно выполнявшее вентиляционную функцию. Памятник в целом лишен декоративного убранства.

Своего расцвета подземная архитектура достигает в XIV в., о чем свидетельствует архитектура мечети Шакпак-ата, вырубленная в скалах плато Унгазы (рис. 5а, б). План постройки напоминает форму вытянутого латинского креста, на пересечении которого расположился центральный зал, имеющий купольное перекрытие с отверстием, как в предыдущей мечети, даже одинакового диаметра [7, с. 43].

Подчеркнутое большей высотой (5 м до зенита купола), это помещение, кроме того, обозначено снаружи устройством постройки над отверстием, сложенной из вытесанных крупных блоков песчаника прямоугольной формы. Остатки винтовой лестницы дают основание предположить функцию данной постройки как своеобразного минарета; она сохранилась на высоту 3,9 м. В центральном помещении (5 × 4,5 м) в углах пересечения установлены колонны более 2 м высотой с капителями, но без баз. Три остальных помещения имеют меньшую высоту и площадь (два по 4,5 × 4 м, одно около 4 × 9 м). В «стенах» южного и восточного помещений вырублены небольшие кельи и неглубокие ниши. В западном отсеке в стене устроена арочная ниша михраба, украшенная надписями, содержащими суры из Корана, суфийские стихи и изображение раскрытой человеческой ладони [7, с. 45].

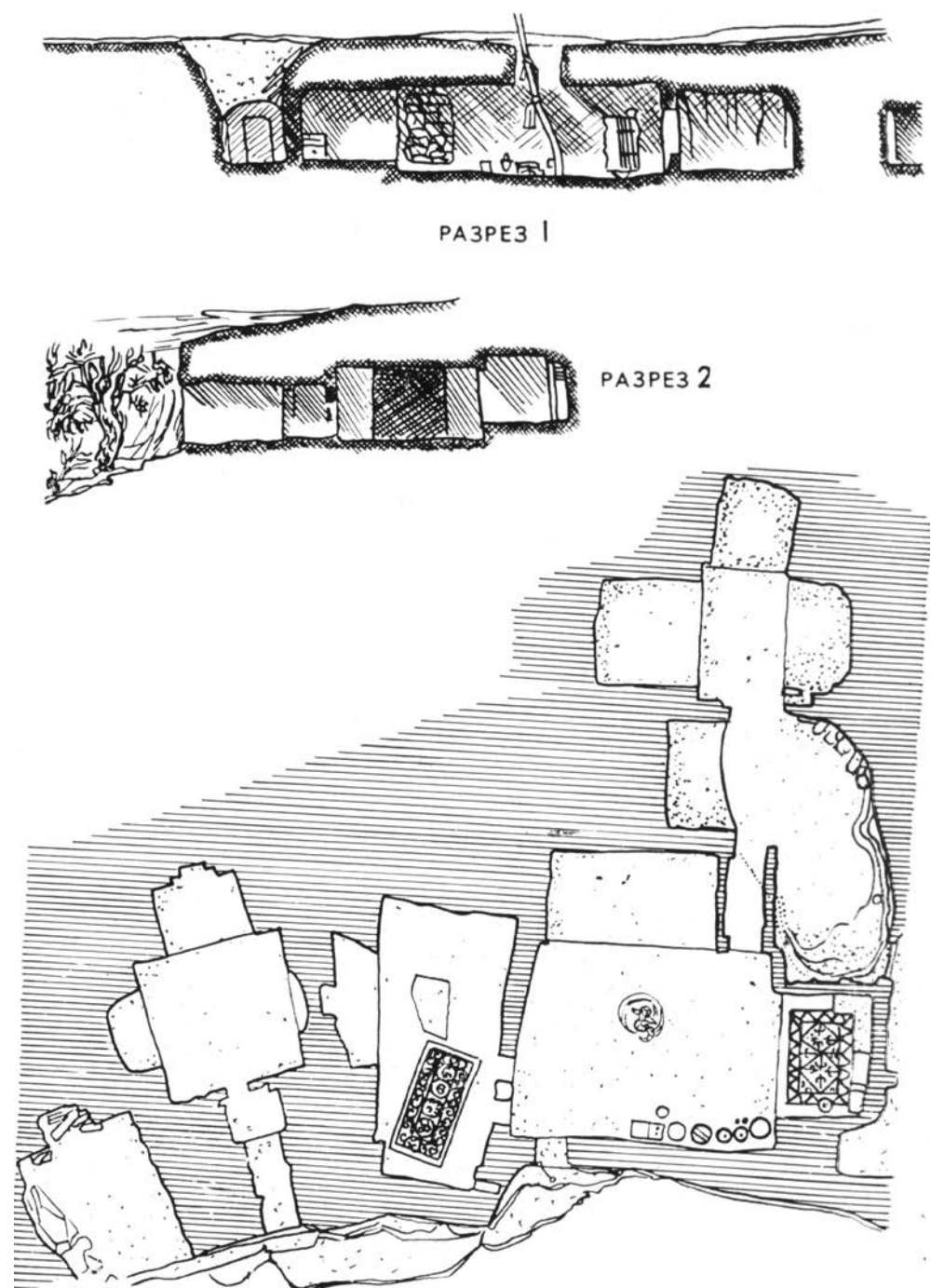

Рис. 4. Мечеть Шопан-ата, разрез и план (по М. М. Мендикулову). Мангистауская область Казахстана

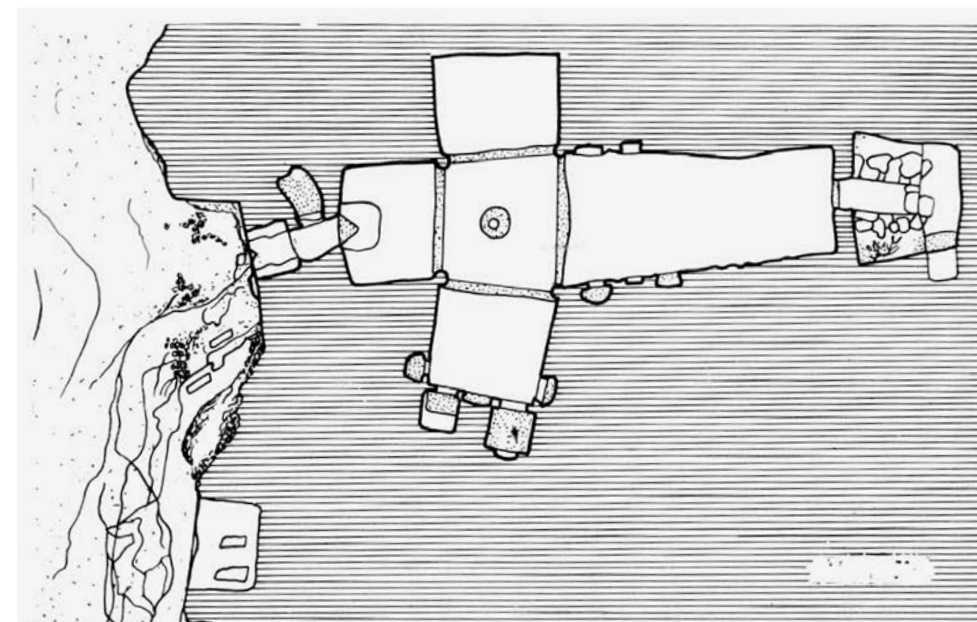

Рис. 5а. Мечеть Шакпак-ата. Общий вид (фото автора)

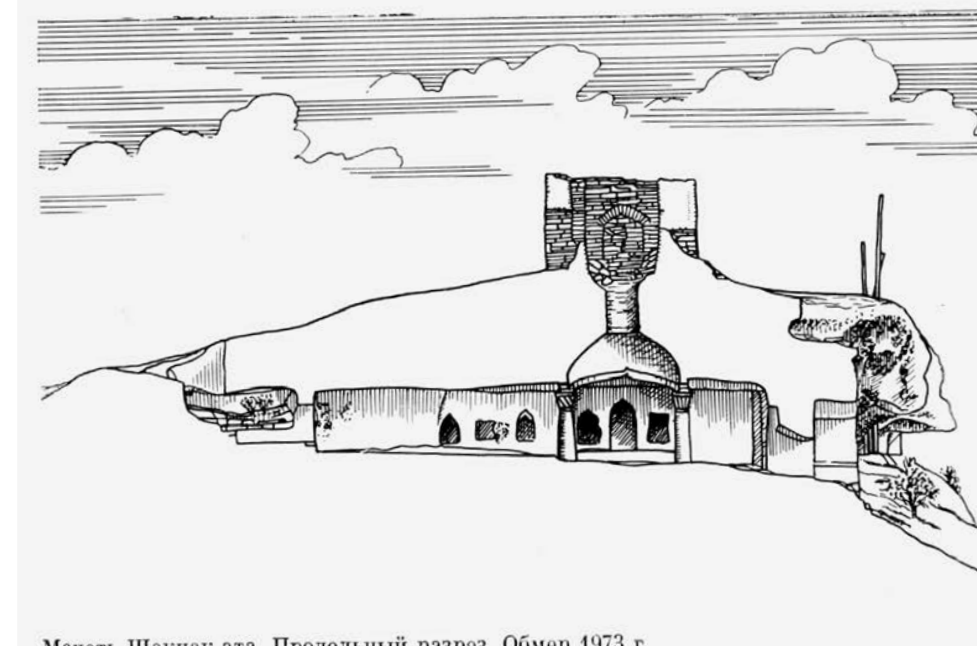
Пещера как прообраз

Пещера — один из ключевых образов в генеалогическом мифе гунно-тюркских народов, свое происхождение связывавших с волчицей, вырастившей потомство в пещере. Пещера также является прообразом архитектуры вообще [8]. Пещерное строительство характерно для тех религий и философских систем, в которых одним из ведущих направлений деятельности является трансперсональная психотехника, практикуемая в условиях аскезы. Неслучайно использование не структурного, а негативного типа архитектурной формы — подземного культового сооружения — именно в буддизме, христианском мистицизме и суфизме. Давно замечено, что в данных религиозно-философских системах имеются общие идеи, в частности, это касается трансперсонального опыта их последователей, обычно называемого мистическим. Данный опыт предполагает «переживание непосредственного общения, единения или слияния с божеством, безличным Абсолютом или иным типом первоосновы», что, собственно, и является основой религии как таковой [9, с. 28].

Показательно и различие структур пещер разных религий. В буддийском и христианском храмах Центральной Азии — это глухие сводчатые пещеры, с прямоугольными или квадратными планами, стены которых полностью покрыты росписями. Освещение осуществляется через *дверной проем*. Суфийские обитатели Западного Казахстана имеют чаще всего куполообразную форму (исключение — мечеть Шакпак-ата). Здесь, согласно запрету ислама, изображений быть не могло, орнамент — основной прием в искусстве кочевников — также использовался крайне редко. Мангистауские строители пользовались исключительно арсеналом средств архитек-

Скальная мечеть Шакпак-ата. План. Обмер 1973 г.

Мечеть Шакпак-ата. Продольный разрез. Обмер 1973 г.

Рис. 5б. Мечеть Шакпак-ата, план и разрез (по М. М. Мендикулову). Мангистауская область Казахстана

туры. Наиболее показательное отличие — организация в суфийских пещерах *верхнего зенитного освещения*: таким образом, световой столб играет роль композиционной оси культовой пещеры, ярко демонстрируя идею духовного просветления.

Ясно, что эти отличия вызваны и чисто технической стороной дела: в массиве грунтовых отвесных стен сделать верхнее отверстие невозможно. Зато меловые отложения, бывшие когда-то дном древнего моря, — крепкий и хорошо поддающийся обработке материал. Однако, основным побудительным моментом явились все-таки мировоззренческие принципы: в пещерах Мангистау мы видим напластование идей суфизма, тенгрианства и вообще номадического компонента (верхнее отверстие как в юрте, не только для освещения и вывода дыма, но и обозрения Неба — Тенгри), но на основе основной универсальной цели — идеи человеческого самопознания и самосовершенствования, что достигалось трансперсональными техниками, характерными для всех распространенных у тюрков религий и философских течений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев Н. В.* Религия и этнокультурогенез тюрко-монгольских народов Алтай-Байкальского региона. — Кызыл: Изд-во ТывГУ, 2005. — 138 с. // [Электронный ресурс]. URL: http://kunnu.org/index.php?option=com_content&view=article&id=56:2009-12-18-16-51-49&catid=37:2009-12-08-11-40-19&Itemid=61 (дата обращения 16.07.2014)
2. *Берзин А.* Взаимодействие буддийской и мусульманской цивилизации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.berzinarchives.com/web/x/nav/group.html_1232962266.html (дата обращения 16.07.2014).
3. *The Buddhist Art in Xinjiang along the Silk Road.* — Urumchi: Xinjiang university Press, 2006. — 427 с.
4. *Кейум А.* Турпан асар атикилири (Древности Турпана, на уйг. яз.). — Урумчи: Шинжан Халк Нашрияти, 1997. — 252 с.
5. *Литвинский Б. А.* Архитектура и строительное дело // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. — М: Восточная литература РАН, 2000. — С. 202–213.
6. *Никитин А. Б.* Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. — М.: Наука, 1984. — С. 121–137.
7. *Мендикулов М. М.* Памятники народного зодчества Западного Казахстана. — Алма-Ата, 1987. — 239 с.
8. *Раппапорт А. Г.* Архитектурная критика средового подхода. // ВНИИТАГ, 1990. [Электронный ресурс]. URL: http://papardes.blogspot.com/2009/10/blog-post_6491.html (дата обращения 16.07.2014)
9. *Торчинов Е. А.* Религии мира: опыт запредельного. — М.: «Азбука-классика»-«Петербургское востоковедение», 2005. — 544с.
10. *Stein A.* Innermost Asia. Vol.2 — London: Oxford University Press, 1928. — 1160 p. // [Электронный ресурс]. URL: <http://dsr.nii.ac.jp/toyobunko/T-VIII-5-A-a-3/V-2/page/0001.html.en> (дата обращения 16.07.2014).

А. А. Трофимов

Русское Географическое Общество, Москва

ПЕЩЕРА ШАМАНСКАЯ: МЕЖДУ ШАМАНИЗМОМ И БУДДИЗМОМ

В центральной части оз. Байкал находится самый большой по размерам остров — Ольхон (по-бурятски «Ойхон») (72 × 16 км). На западном берегу острова, в полутора километрах от пос. Хужир, расположен Пещерный мыс (мыс Бурхан, по-бурятски «Ойхон-эхэ-бабай»), знаменитый своими двумя скалами, высотой 30 и 42 м. В тридцатиметровой скале, в результате совместной деятельности процессов выветривания и растворения серого кристаллического известняка образовалась небольшая пещера — Шаманская. Подземная сквозная полость длиной не более 12 м при ширине 3,0–4,5 м и высоте 1,0–6,5 м имеет два входа: с северо-востока и с запада. Вход в пещеру «сторожит» знаменитое «природное изваяние» в виде дракона (рис. 1).

Рис. 1

В научной литературе пещера Шаманская впервые упоминается в работе П. П. Хороших [1], обнаружившего здесь небольшую пластинку из шиферного сланца, на которой было вырезано изображение женщины-шаманки.

Начиная с XII в., пещера почиталась бурятами-шаманистами. По их верованиям, она была местопребыванием духа — хозяина острова Ольхон Хан-гутэ-бабая и его сына-орла. Здесь проводились шаманские тайлаганы — молебны, целью которых являлось испросить у духов хорошего урожая, здоровья для скота и избавления от бед и плохой погоды. Традиционно выделялись три группы исполнителей ритуалов: «белые» шаманы, старики и «черные» шаманы [2].

В середине XVII в. тибетский буддизм проникает на оз. Байкал, став значительным фактором социально-политической и культурной истории бурятского народа [3]. Как отмечает Т. М. Михайлов [4], ламаизм смог быть принят местным бурятским населением только благодаря продуманным мерам, которые обеспечивали ему наибольший успех. И прежде всего благодаря приспособлению к местным условиям: «...включению в ламаистскую систему бурятских шаманских культов» [4, с. 181]. Так, в пещере Шаманской была возведена ламаистская часовня — бумхан. Здесь расставили медные, бронзовые и серебряные фигурки буддийских божеств, курительные свечи и различные жертвенные принадлежности. В начале XX в. в пещере находились медные чашечки, курительные смеси, а также буддийские иконы на полотне. Вокруг подземной полости на камнях были разложены медные монеты и куски синей ткани и надписями благожеланий.

С 1920-х гг. из-за антирелигиозной позиции общества буддизм отступает, а в 1990-х годах на территории острова Ольхон вновь возрождается шаманизм. Несмотря на продолжительный период господства буддизма шаманизм сохранил свое влияние среди местного населения. Причину его живучести Г. Р. Галданова видит в «древней неуничтожимости первоначального дара избранничества» [5, с. 43].

С конца 1990-х гг. традиционные обряды и ритуалы, предсказания по книге гаданий «Зурхай», лечение по методам народной медицины проводит здесь шаман Хагдаев Валентин Владимирович, принадлежащий «к роду Буин солтой Хагдайшул племени булагат» [6, с. 56].

У В. В. Хагдаева шаманский корень по отцовской линии (*халууни утха*) и по материнской линии (*хари утха*). Принято считать, что в случае слияния двух *утха* рождается сильный шаман, отмеченный сильным знаком на теле. В случае с В. В. Хагдаевым — «это раздвоенный палец, *улуу яһан*, что в переводе с бурятского обозначает «лишняя кость» [6, с. 57].

С 1989 по 2000 гг. В. В. Хагдаев прошел 5 степеней шаманского посвящения, две степени посвящения, третий и четвертый обряды, проводились на мысе Бурхан у пещеры Шаманской. В. В. Хагдаев считает, что шаман должен владеть знаниями «и черных и белых шаманов, чтобы ориентиро-

ваться в обоих мирах, общаться с духами и божествами разных категорий, в полной мере исполнять обязанности шамана» [6, с. 57].

В настоящее время пещера Шаманская имеет статус государственного природно-исторического памятника. Инвентарь пещерной буддистской молельни перенесен в краеведческий музей пос. Хужир. А с начала XXI в. здесь проводятся ежегодные июльские шаманские фестивали и конференции. Пещера остается сакральным центром шаманизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хороших П. П. По пещерам Прибайкалья. — Иркутск, Иркутское книжное издательство, 1955. — 72 с.
2. Скрынникова Т. Д. Традиционное мировоззрение и шаманизм // Методологические и теоретические аспекты изучения духовной культуры Востока. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. — Вып. 2. — С. 3–19.
3. Герасимова К. М. О проблемах исследования традиционной культуры бурят // Буддизм и средневековая культура народов Средней Азии. — Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1980. — С. 3–11.
4. Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм. История, структура, социальные функции. — Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1987. — 288 с.
5. Галданова Г. Р. Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее // Сибирь: этносы и культура (традиционная культура бурят). — М.—Улан-Удэ: ИПК ФСГОУ ИПК ИСГАКИ, 1998. — С. 5–46.
6. Дарханова А. И. Шаманизм бурят Предбайкалья в постсоветский период. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. — 203 с.

В. М. Шкондин

Санкт-Петербург

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕЩЕРНЫХ ХРАМОВ КАППАДОКИИ

При изучении фресок пещерных храмов долины Ихлара, столкнулись с отсутствием планов пещер; имеющиеся доступные оказались не отражающими действительность. Чтобы восполнить пробел, были произведены обмеры* изучаемых объектов и составлены планы. Все чертежи выполнены с соблюдением размеров, пропорций и масштаба; на всех чертежах север находится сверху, красными линиями показаны азимуты** и выделены конструктивные элементы.

Ниже приведу краткий первичный анализ наиболее известных пещерных храмов Каппадокии, с точки зрения маркшейдерского искусства – восемь храмов долины Ихлара и семь Гёреме. Попытка систематизации выявила повторяемые конструктивные особенности пещерных храмов:

1. Выбор места строительства. Самая поздняя в Ихларе церковь – Святого Георгия (Kirkdamalti Kilise) (рис. 6). Можно проследить логику строителей этого храма по форме стен, потолка, по выбору места строительства. Этот храм был построен «быстро», по естественным трещинам, показательным является потолок, выдолбленный по естественным расслоениям залегающей породы, без выравнивания и без какого-либо декорирования формами. Малое заглубление привело к разрушению входной части и алтаря. Остальные 14 рассмотренных пещер (датируемых IV–XI вв.) выполнены в массиве породы с наименьшим количеством трещин и расслоений, заложены глубоко от входа, благодаря чему храмы дошли до нас в прекрасной сохранности.

В этих храмах можно наблюдать высокое качество отделки, геометричность поверхностей, высокую точность проходки и устройства помещений, большое количество конструктивных деталей декора. Такой подход к выбору места будущего пещерного храма и качество реализации «сакрально-

* Измерительные инструменты: лазерный дальномер Leica DISTO, компас магнитный.

** Азимут определяется измерением угла от магнитного Северного полюса по часовой стрелке, с учетом магнитного склонения, на момент исследования 2010 году в регионе проведения измерений восточное магнитное склонение составляло 4,8°, принято округленно 5°.

го пространства», говорит о кропотливости выбора, строительстве неторопливом, не случайном, и тем более не от желания спрятаться.

2. Ориентация пещерных храмов на восток*. Алтари храмов Bahattin Samanligi Kilise (рис. 7), Karanlik Kilise (рис. 13), Церковь с яблоками (рис. 12) и Pantokrator Kilisesi (рис. 11) – имеют азимуты 45°, 20°, 20° и 145° соответственно, что несколько выбивается из общей картины, и требует отдельного изучения, так как имеет свои закономерности. Остальные 11 храмов, независимо от расположения входа в пещеру, имеют ориентацию на восток.

3. Форма алтарей. Своды и апсиды имеют яйцеобразную форму, не сферическую, не цилиндрическую с конхой, именно яйцо заострённой частью вверх, все 15 рассмотренных храмов имеют такую архетипичную форму алтарей.

4. Смещение оси апсиды относительно оси храма. Десять из пятнадцати рассмотренных храмов имеют смещение азимута апсид относительно азимута наоса/нефа. Разница азимутов находится в пределах 5–20° (рис. 8; 9).

5. Более одного алтаря в храме расходятся «веером» с шагом 5–10° градусов, наблюдается в 11-и храмах. Ярко выраженный «веер» на рисунках № 4, 8, 9.

6. Направление алтарной апсиды не совпадает с направлением престола. Престол как бы довёрнут в сторону поворота апсиды (рис. 2, 9).

7. Боковые стены храма «сходятся» к алтарю, обратно-перспективно (рис. 5, 7, 8), так же потолок имеет уклон в сторону востока (рис. 7) (требует дополнительного изучения и замеров).

8. Дуга по «западной» стене храма. Этот конструктив присутствует в восьми из 15 рассмотренных храмов; на чертежах обозначен красной дугой.

9. Трапезиевидный сдвиг приалтарной трети храма к «югу» на 3–7° от оси храма. Особенность наблюдалась в двух храмах St. Barbara (рис. 14) и Pantokrator Kilisesi (рис. 11) в Гёреме. Как уже говорилось выше, при столь тщательной работе с материалом, строители пещер не могли ошибиться и сделать этот элемент случайно. Для подтверждения этого конструктива необходимы более точные измерения и изучение других объектов.

Вышесказанное не может быть случайным или ошибкой строителей, каждый элемент имеет своё место и назначение; в построении храма как сакрального пространства архитектура есть материальное и телесное условие духовных процессов; особенно в пещерных храмах, в которых не довлеет архитектура внешняя, где экстерьер сама природа, не требующая улучшения и подгонки по моду, стилистику...

* Восток – сектор горизонта, ограниченный крайними точками восхода солнца в день летнего и зимнего солнцестояния, для широты расположения пещер (38°15' северной широты) это 59° и 121° соответственно.

На 15 храмах нельзя построить теорию и сделать выводы, проследить закономерности пропорций. Необходимы дальнейшие исследования и измерения. К сожалению, исследования затруднены удалённостью Каппадокии и практически невозможностью получить официальное разрешение на исследования у турецкой стороны, а по чужим данным очень сомнительно делать выводы. Важная проблема — информация, её доступность и достоверность; разные исследователи пользуются разными, обычно выдуманными стандартами, «удобными» больше для красивых презентаций, в ущерб точности, лаконичности, единой читабельности всем миром — ГОСТа и СНИПа; забывают самый древний и точный инструмент — компас, не говоря о магнитном склонении... А со столь стремительно развивающимся массовым, бессмысленным и беспощадным туризмом, год от года исследования становятся всё труднее; храмы разрушаются в геометрической прогрессии, подвергаются реставрации и музеефикации, что зачастую равносильно утрате памятника.

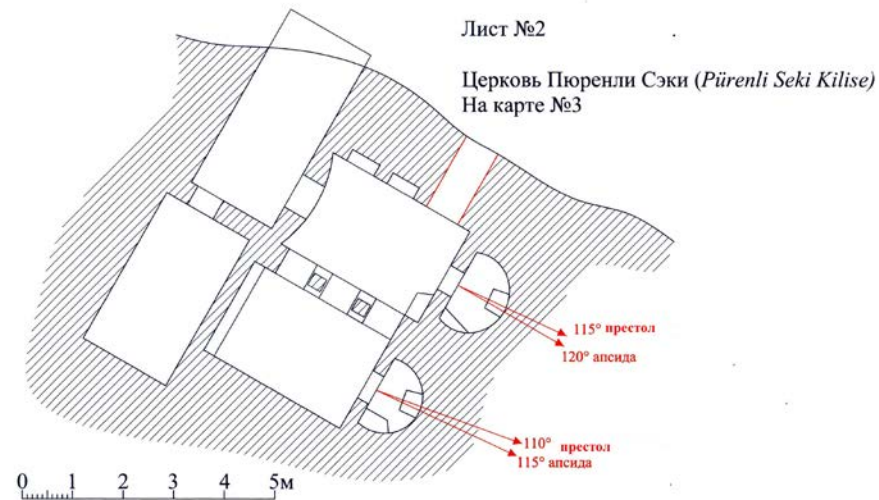

Рис. 2. Церковь Пюренли Сэки (Pürenli Seki Kilise)

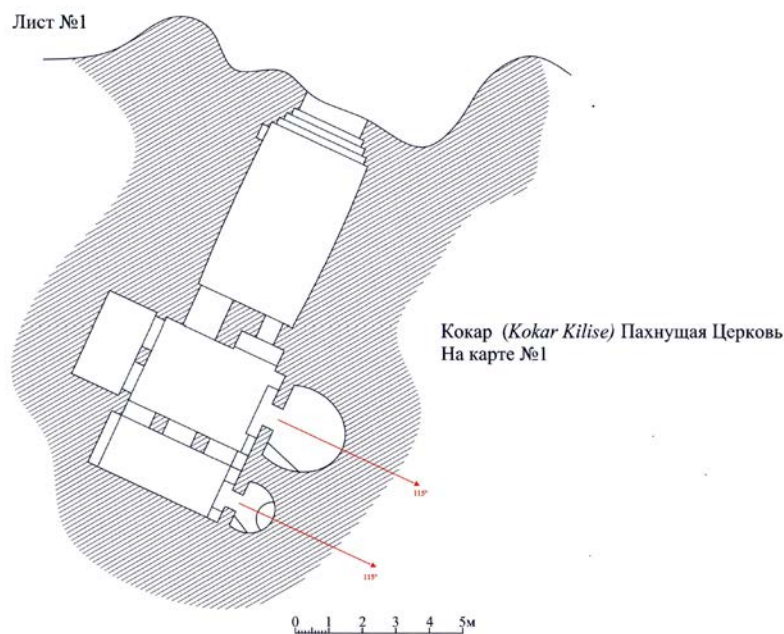

Рис. 1. Пахнущая Церковь (Kokar Kilise)

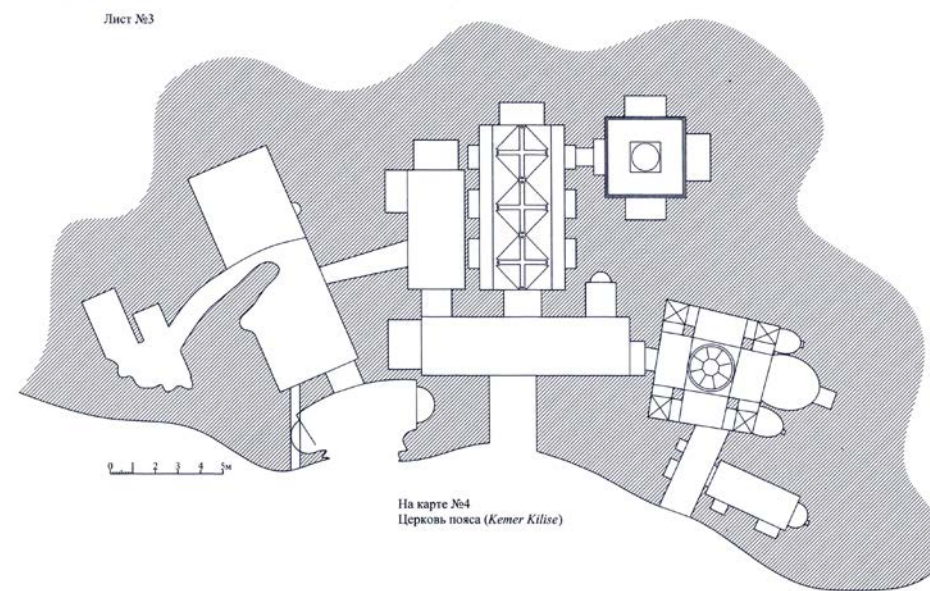

Рис. 3. Церковь пояса (Kemer Kilise)

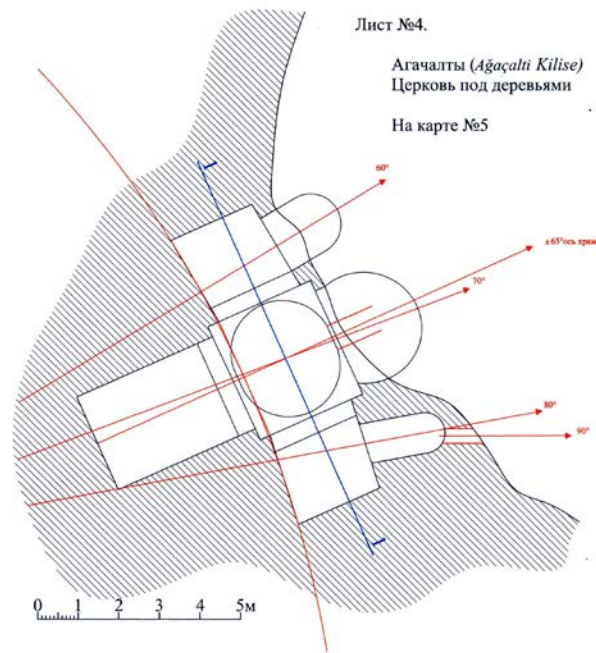

Рис. 4. Агачалты (Ağaçaltı Kilise)

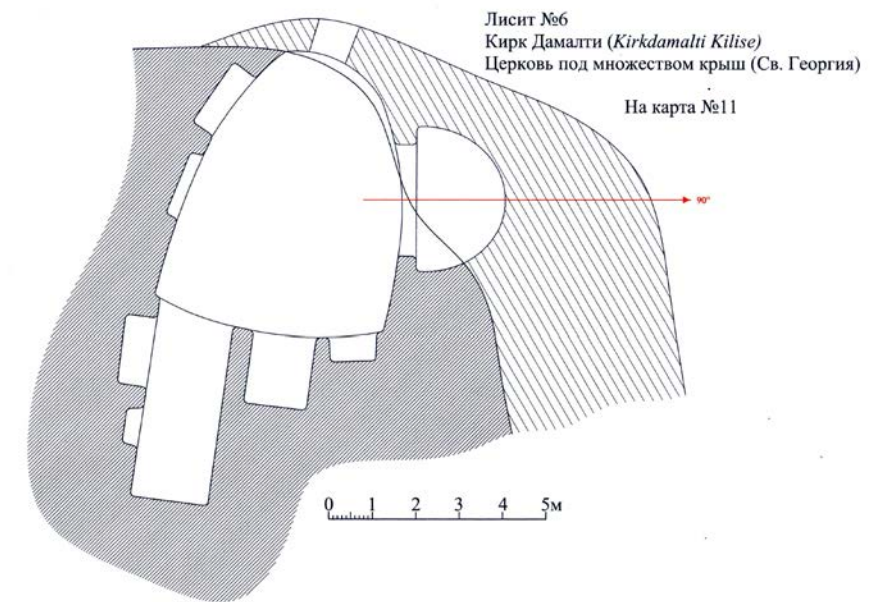

Рис. 6. Церковь под множеством крыш или Св. Георгия (Kirkdamaltı Kilise)

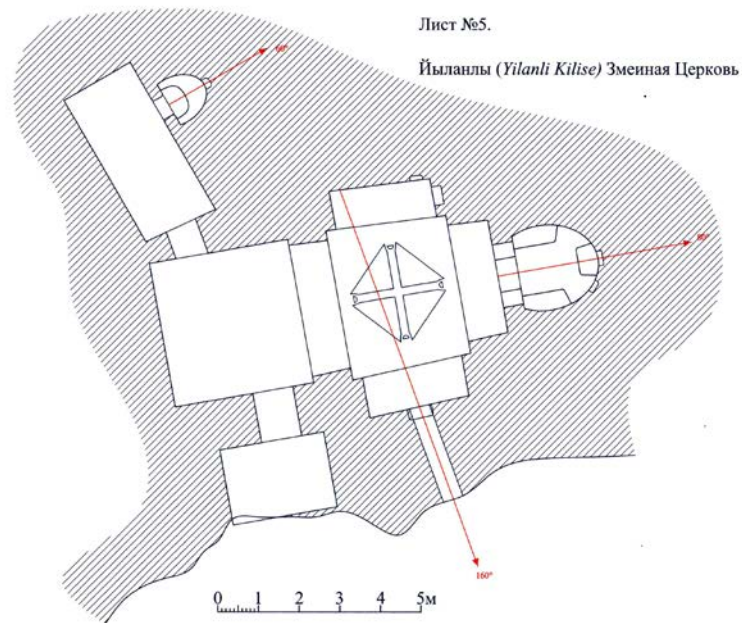

Рис. 5. Змеиная церковь, Йыланлы (Yılanlı Kilise)

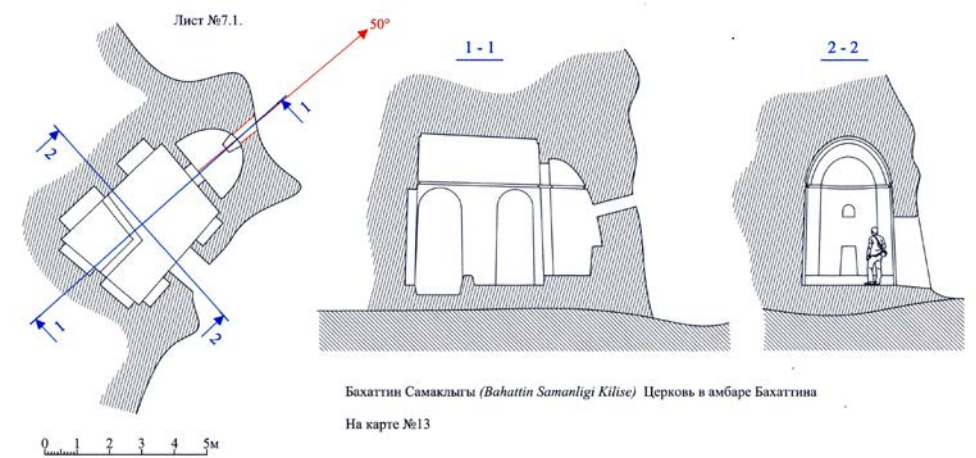

Рис. 7. Церковь в подвале Бахаттына (Bahattin Samanlıgı Kilise)

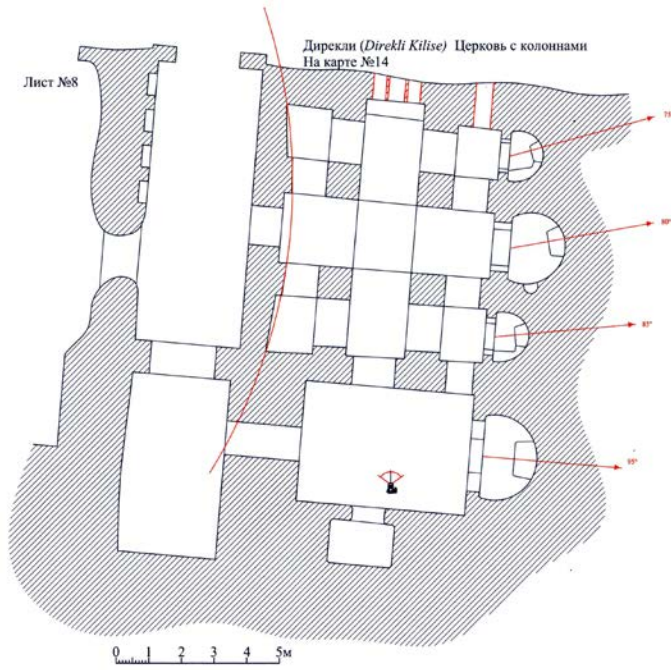

Рис. 8. Церковь с колоннами (Direkli Kilise)

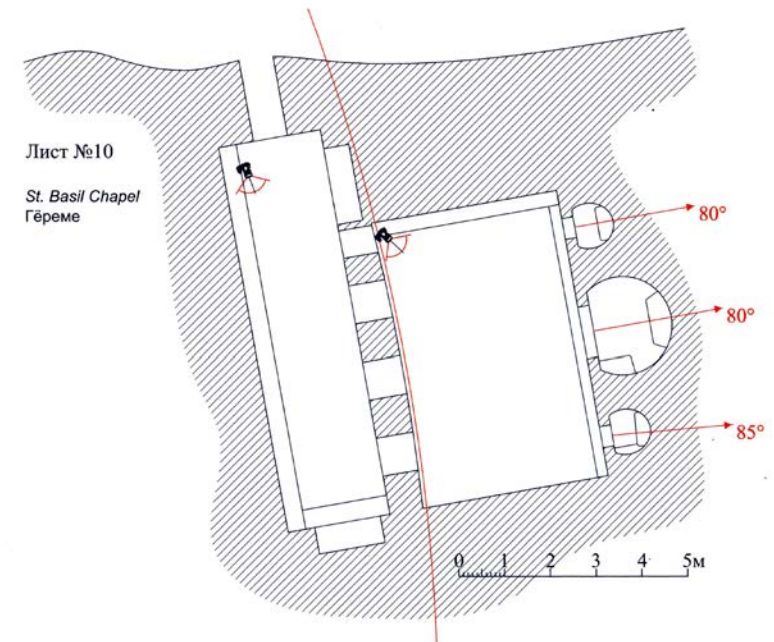

Рис. 10. Часовня Святого Василия (St. Basil Chapel)

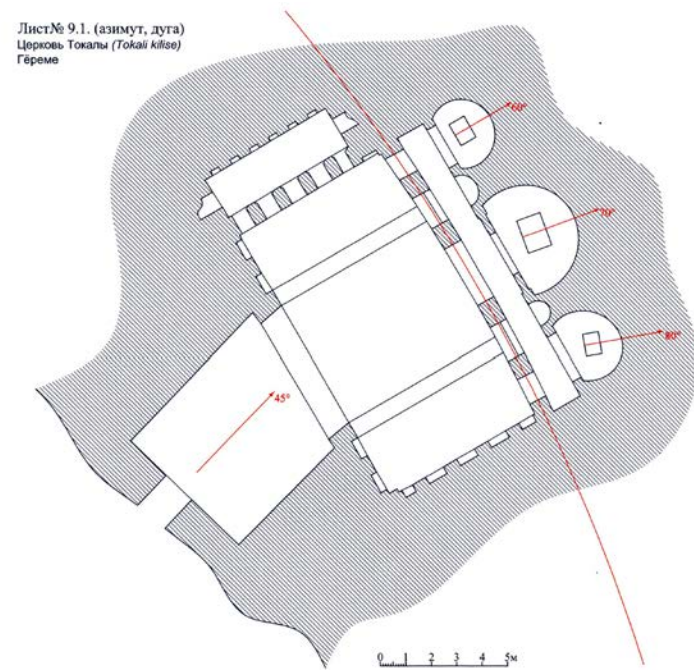

Рис. 9. Церковь Токалы (Tokali kilise)

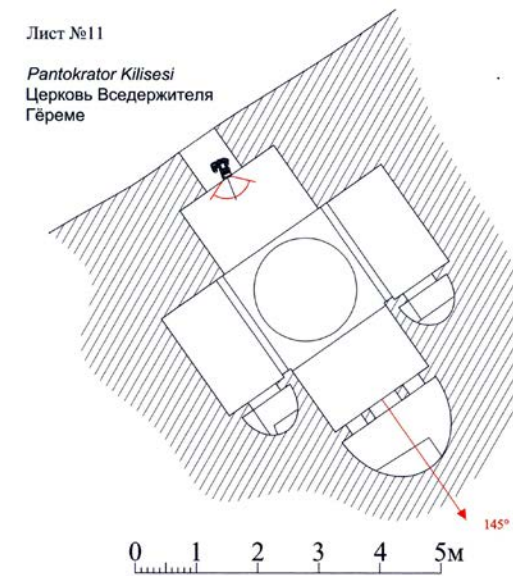

Рис. 11. Церковь Вседержителя (Pantokrator Kilisesi)

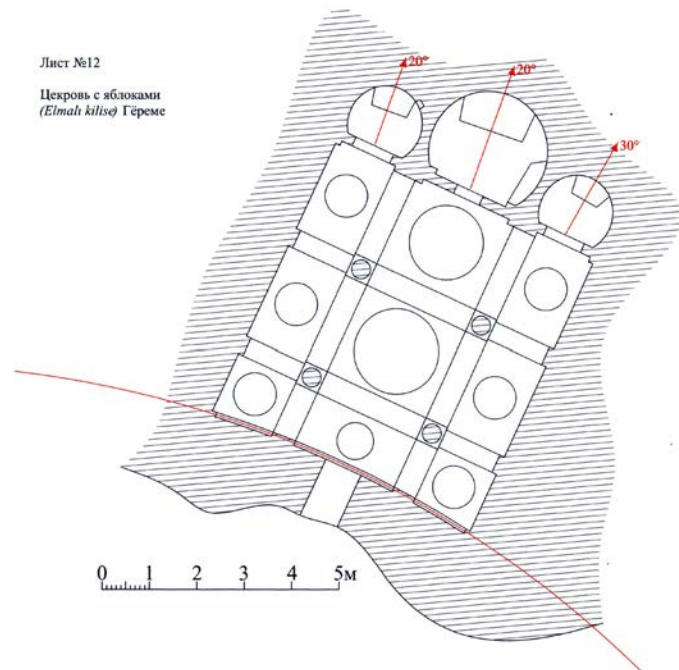

Рис. 12. Церковь с яблоками (Elmalı kilise)

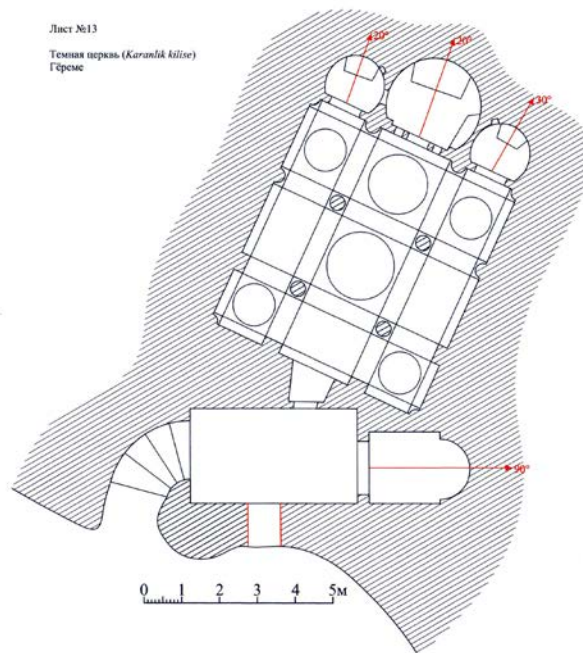

Рис. 13. Темная церковь (Karanlık kilise)

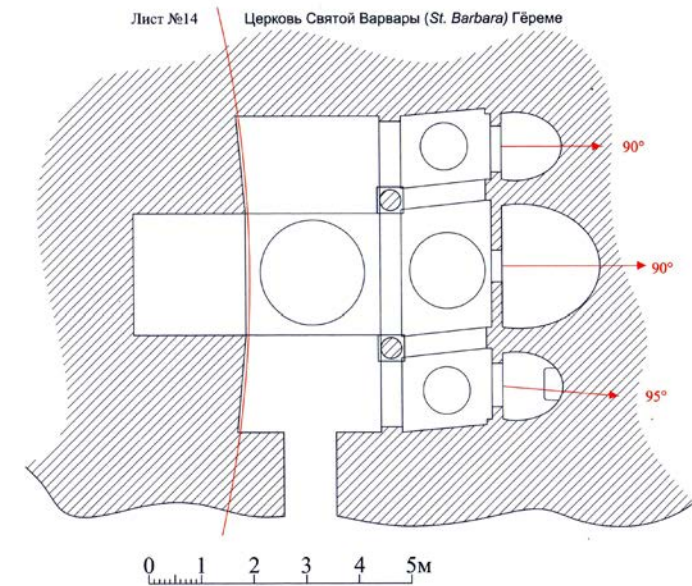

Рис. 14. Церковь Святой Варвары (St. Barbara)

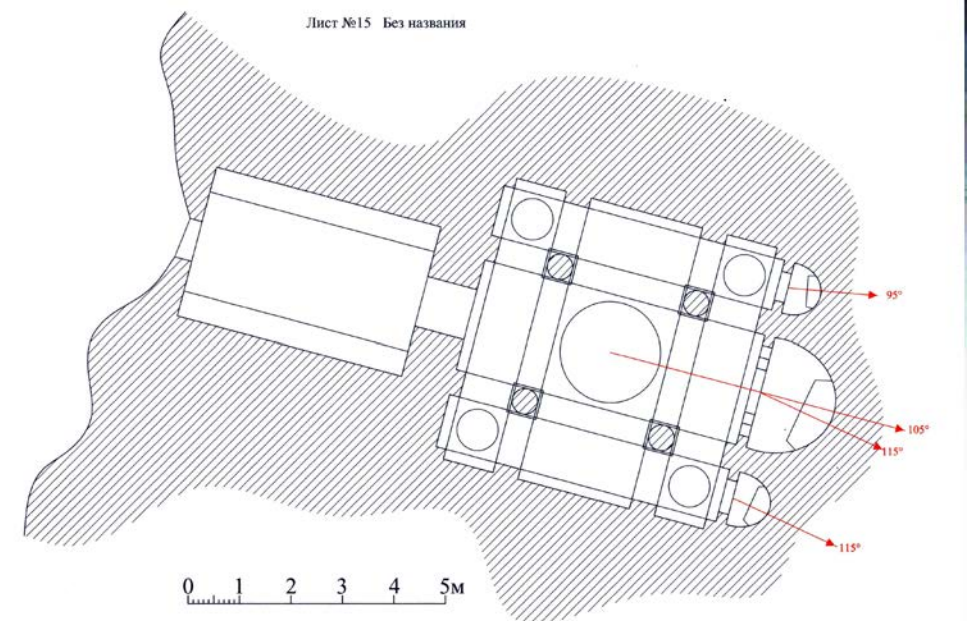

Рис. 15

№ Рисунок	Особенности	Дуга по "западной" стене	Трансевсая/посе смещение	"Иконообразная" форма апсиды	Расхождение в оси храма и оси апсиды	Расхождение оси апсиды и оси престола	"Вершное" расхождение осей аттарей	Азимут апсид/престолов				Фрески	"Капнадюкникский" рисунок (храм)	Световые окна (азмугт и паклон)
								1	2	3	4			
1	Пахущая Церковь (Kokar Kilise)		да	да	да	да	да	115/115	115/115		да			
2	Церковь Пюренли Сэки (Pürenli Seki Kilise)	да		да	да	да	да	120/115	115/110		да		запад	
3	Церковь пояса (Kemer Kilise)			да	да	да	да	105/105	110/110	115/115		да	180/30	
4	Агачалты (Ağaçaltı Kilis)	да		да	да	да	да	60/60	70/70	80/80		да	90/???	
5	Зменная церковь, Ыланлы (Yılanlı Kilise)			да			да	60/60	80/80			да	160/30	
6	Церковь под множеством крыш или Св. Георгия (Kirkdamaltı Kilise)			да	да			90/90???				да		
7	Церковь в подвале Бахаттына (Bahattin Samanlıđı Kilise)			да	да	да	да	50/50				да	50/15-20	
8	Церковь с колоннами (Direkli Kilise)	да		да	да	да	да	75/75	80/80	85/85	95/95	да		
9	Церковь Токалы (Tokalı kilise)	да		да	да	да	да	60/60	70/70	80/80		да	да	
10	Часовня Святого Василия (St. Basil Chapel)	да		да	да	да	да	80/80	80/80	85/85		да	да	
11	Церковь Вседержителя (Rantokrator Kilisesi)			да	да	да	да	???	145/145	???		да	да	
12	Церковь с яблоками (Elmalı kilise)	да		да	да	да	да	20/20	20/20	30/30		да	да	
13	Темная церковь (Karanlık kilise)	да		да	да	да	да	20/20	20/20	30/30	90/90	да	да	
14	Церковь Святой Варвары (St. Barbara)	да	да	да	да	да	да	90/90	90/90	95/95		да	да	
15	Без названия (No name)			да	да	да	да	100/95	110/115	110/115		да	да	

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКИ

И. А. Черевко*, В. А. Куцыба**

**Национальный Киево-Печерский
историко-культурный заповедник, Киев*

***Институт геологических наук НАН Украины, Киев*

**ИЗМЕНЕНИЕ ПРИРОДНОГО
ГИДРОГЕОЛОГИЧЕСКОГО РЕЖИМА
НА ТЕРРИТОРИИ БЛИЖНЕПЕЩЕРНОГО ХОЛМА
В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННЫХ НАГРУЗОК:
ФАКТОРЫ, ВЛИЯНИЕ НА СОСТОЯНИЕ
ПЕЩЕР, СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Краткая физико-географическая характеристика

В физико-географическом отношении район относится к Днестровско-Днепровской провинции в пределах лесостепной зоны. Климат умеренно-континентальный, среднегодовая температура воздуха $+7,2^{\circ}\text{C}$, нормативная глубина сезонного промерзания грунтов – 1,0 м. Среднегодовое количество осадков 620–650 мм/год. Снежный покров зимой незначительный, до 10–15 см, за исключением зимы 2009–2010-х, когда снежный покров достигал 40 см, что в пересчете на воду составило около 40 мм. Зима 2012–2013-х гг. оказалась самой снежной за последние два десятилетия – в начале декабря выпало 50 см снега, в конце марта – 60 см.

В геоморфологическом отношении участок расположен в пределах левого склона Спасской овражной системы, а именно в пределах южного борта Лаврского оврага. Современный рельеф сформирован как естественными путями (*в результате эрозионной деятельности временных водотоков, оползневых процессов*), так и искусственно (*в результате многовекового периода освоения территории: устройство пещер, сооружение оборонительных и гражданских сооружений, подпорных стенок, планирование*). Абсолютные отметки дневной поверхности участка исследований, наклонной в юго-восточном направлении, изменяются от 165 до 140 м.

В геологическом строении холма принимают участие (сверху вниз) техногенные отложения, мощностью до 2 м, четвертичные суглинки с прослойками супесей и песков, общей мощностью 0,5–3,0 м, толща бурых и пестрых глин, мощностью от 1 до 14 м, ниже залегают песчаники и пески.

Ближние пещеры расположены на правом склоне холма, на глубине от 0,5 до 14 м от дневной поверхности. Пещеры пройдены в полтавских каолинистых песчаниках, пол имеет а. о. 141–143 м. В сухом состоянии (естественная влажность 1–5 %) песчаник обладает высокими упругими свойствами. Однако, при переувлажнении (выше 5 %) песчаник размокает и теряет упругие свойства, фактически превращается в песок. При высушивании обладает способностью к восстановлению устойчивости.

Гидрогеологические условия

Подземные воды распространены в виде двух гидравлически не связанных водоносных горизонтов в четвертичных и палеогеновых отложениях. Нижний водоносный горизонт безнапорный, распространен по всей территории Лавры, имеет глубину залегания 16–18 м ниже пола пещер и не влияет на их состояние. Верхний, четвертичный, водоносный горизонт безнапорный, формируется на кровле бурых и пестрых глин, на Верхней Лавре распространен по всей территории, на Нижней Лавре имеет спорадическое распространение, поскольку находится в зоне выклинивания бурых глин. В 1984 г. в саду Ближних пещер этот горизонт не был раскрыт ни одной из 20 пробуренных институтом «Киев-проект» скважин [5, с. 8]. Однако в последующие годы подземные воды горизонта, который в саду имеет характер временного, периодически встречались отдельными скважинами и шурфами на абсолютных отметках 149–152 м, что соответствует глубине залегания 1,5–2,6 м.

Собственно в саду Ближних пещер постоянный водоносный горизонт распространен только в верхней части, направление потока грунтовых вод — с запада на юго-восток, в сторону р. Днепр. На остальной территории водоносный горизонт имеет характер верховодки, т. е. временного, и возникает на поверхности водоупорного слоя (толще бурых и пестрых глин) после снеготаяния и длительных или обильных осадков. Инфильтрация атмосферных осадков приводит к переувлажнению грунтового массива, подъему уровней грунтовых вод и дальнейшему распространению водоносного горизонта в сторону пещерных лабиринтов латеральными путями (по эрозионным рывтинам на поверхности слоя бурых и пестрых глин, рис. 1). Водосодержащими породами являются техногенные отложения; супеси и суглинки временных водотоков, которые заполняют котловины; делювиальные глины.

Изучение разнообразных материалов изысканий прошлых лет [1; 6] позволяют сделать однозначные выводы, что формирование горизонта грунтовых вод на участке сада Ближних пещер происходит за счет инфильтрации атмосферных осадков (59 %) бокового притока с территории Верхней Лавры (22 %), а также утечек воды из водонесущих сетей (19 %).

Кроме перечисленных основных факторов формирования горизонта грунтовых вод в районе Ближних пещер, существуют дополнительные

факторы: полив огорода и сада в летний период; усиленная инфильтрация поверхностных вод в зоне неплотного сочленения открытых бетонных лотков с поверхностью земли и периодические утечки из подземного трубчатого ливнестока в нижней части сада; усиленная инфильтрация воды вдоль подпорной стены световой прорези и консольной подпорной стены вдоль корпусов № 36, 48, 48а, 41.

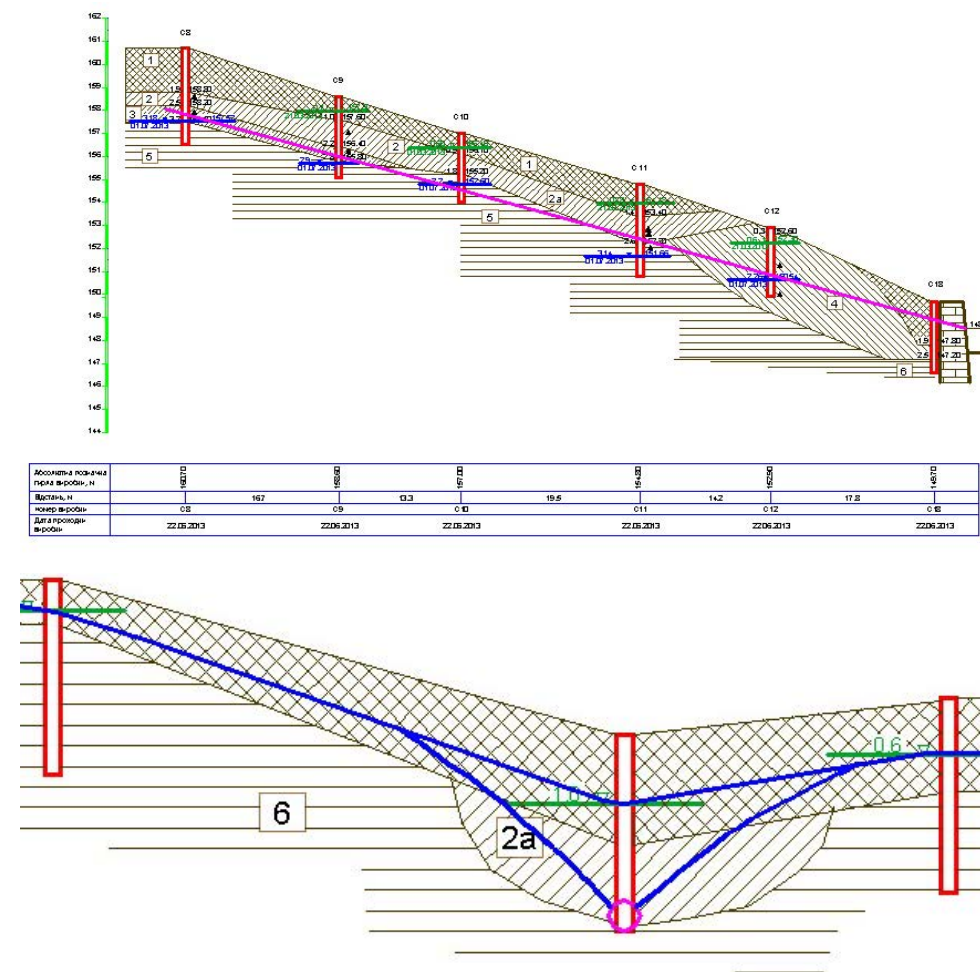

Рис. 1. Инженерно-геологические разрезы территории Ближнепещерного холма с показанием заложения лучевых дренажей вдоль потока:

- 1 – насыпные грунты (t_{IV}); 2 – суглинок (a_1); 3 – супесь (a_1); 4 – делювиальная глина (d_{III-IV}); 5 – глина бурая (Q_1); 6 – глина пестрая ($N_1 ps$)

Разгрузка грунтовых вод происходит естественным путем (испарение, выходы в виде источников, эвапотранспирация, перетек через толщу бурых и пестрых глин, полтавские пески в харьковский водоносный горизонт) и частич-

но дренажные системы мелкого заложения, расположенные вдоль оборонной стены и галереи к Ближним пещерам. Роль своеобразной плотины для потока грунтовых вод играют подпорные стенки вдоль северного фасада корпусов № 36, 48, 48а и западного фасада корпуса № 43 — грунтовые воды задерживаются стенками, создается барражный эффект, в дальнейшем происходит переувлажнение грунтового массива и разгрузка водоносного горизонта в расположенные на глубине лишь около 6–8 м пещерные лабиринты (*просачивание на входах в пещеры, крипту Батыем убиенных*) и через «тело» подпорных стен (*по трещинам и поврежденным ослабленным участкам*).

Грунтовые воды распространяются вниз по склону по рывинам эродированной поверхности бурых и пестрых глин, заполненных проницаемыми породами. В годы высокой водности (2008, 2010, 2013) водоносный горизонт формируется на поверхности водоупорной толще бурых и пестрых глин сплошным слоем. Мощность водоносного горизонта незначительная, изменяется от 2,0 в нижней части сада над пещерами до 6,0 м в верхней части сада. Амплитуда колебаний составляет 1,2–3,4 м.

По общему содержанию солей грунтовые воды относятся к пресным, слабо минерализованным. В химическом составе преобладают гидрокарбонатные, сульфатные, хлоридные (*по анионному составу*), магниевые-кальциевые (*по катионному*). Воды не обладают агрессивностью по отношению к бетону и арматуре железобетонных конструкций. Химический состав грунтовых вод свидетельствует о питании водоносного горизонта на территории сада Ближних пещер за счет инфильтрации атмосферных осадков и притока с территории Верхней лавры (*как за счет естественных грунтовых вод, так и за счет утечек из водонесущих сетей*).

Факторы, повлиявшие на изменение гидрогеологических условий

Гидрогеологические условия территории сада со временем изменились под воздействием антропогенной деятельности. Первым масштабным фактором, существенно повлиявшим на смену условий, было строительство Затыльного укрепления Киевской крепости в 1812 г. На территории сада были срезаны все деревья, вырыт ров, глубиной 6 м, и насыпан вал (*от со-временного входа в сад до корпуса № 41 (вход в Ближние пещеры)*), в результате был нарушен водоупорный слой глин, «течь сказала в пещерах» и пещеры начали разрушаться. Только вмешательство императора в спор Синода и Сената помогло решить спор — в 1816 г. ров был засыпан. Однако целостность грунтового массива уже была нарушена, а засыпанный неплотно ров исполнял роль водосбора и «проводника» для грунтовых вод в сторону пещер.

Самый существенный урон нанесен пещерам в 1985 г.: для спасения живописи Хрестовоздвиженской церкви (*которая, кстати, была построена*

с главной целью удержания Ближнепещерного холма для спасения пещер от оползней) устроена световая прорезь, в результате чего был полностью разрушен водоупорный слой глин, вода «хлынула» в пещеры. В 1988 г. переувлажненные стены и своды главного на тот момент входа в пещеры обрушились, пришлось в срочном порядке укреплять галерею, после чего эксплуатировать данный вход стало невозможно (*с тех пор вход не функционирует*).

После передачи в 1989 г. пещер монастырю началось интенсивное сельскохозяйственное освоение сада — посадка деревьев, устройство огородов, интенсивный полив. В 2005 г. из-за банальной халатности (*забыли выключить поливочный шланг в лунке с молодым деревом*) произошел обвал пещерной галереи на протяжении 7 м, в галерею вывалилось 10 м³ переувлажненного грунта.

Следующая ошибка — ликвидация аварии 2005 г. в 2006 г. открытым способом (*по настоянию археологов для получения новой информации*), в результате новый «дренажный» колодец — шурф размерами в плане 3,5×3,5 м, глубиной 7 м. В последующие годы инфильтрация воды по телу шурфа привела к существенным деформациям всей галереи, вызванным переувлажнением грунтового массива (*гидрогеологические условия, а именно пути фильтрации грунтовых вод, существенно изменились*), пришлось проводить укрепительные работы.

В 2008 г. при реконструкции корпуса № 41 (*вход в Ближние пещеры, в результате которой корпус был расширен и укреплен с помощью свай*) пробрили свод пещер, устроили над пещерами консольную подпорную стенку, опять таки нарушили толщу глин, и главное — изменили пути фильтрации. Грунтовые воды новыми путями начали просачиваться в пещеры. В 2009 г. были выполнены работы по благоустройству территории над аварийным участком пещер (*ул. Батыем убиенных*), в частности были ликвидированы все насаждения, ситуация стабилизировалась.

Но в 2012 г. с приходом нового садовника вновь началась посадка деревьев над пещерным полем, фактически дневная поверхность превратилась в решето. Уже весной 2013 г. произошел прорыв воды в ответвление Бесноватых. Но и этого оказалось мало — давайте построим корпус в верхней части сада (*чего место прогуливает?*), и в октябре 2013 г. начались работы по устройству свайного основания (*более 110 свай*). Во всех скважинах, пробуренных для устройства свай, встречены грунтовые воды на глубине 1,1–2,5 м от дневной поверхности. Устройство углубленной свайной стены поперек потока грунтовых вод привело к изменению направления потоков грунтовых вод и их целенаправленного движения в сторону комплекса Ближних пещер (рис. 2). Через две недели зафиксирован резкий подъем уровней грунтовых вод (*на 0,6–1,0 м*) в западной части сада, косвенно указывающий на направление потока воды в обход свайного основания.

Как видим, все перечисленные факторы привели в той или иной степени к изменению гидрогеологического режима.

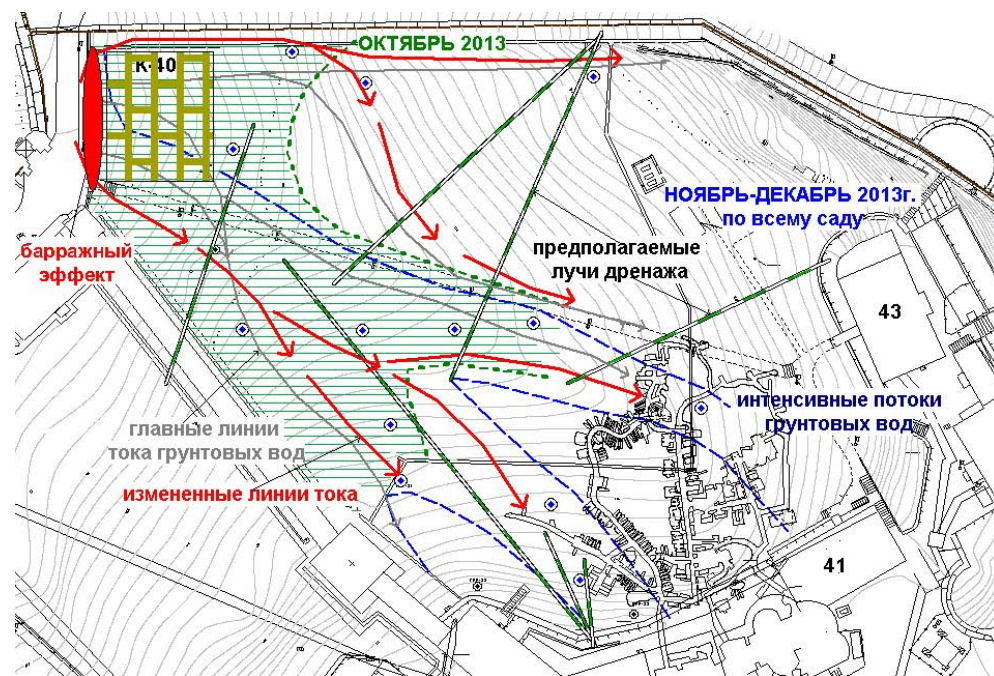

Рис. 2. План-схема территории Ближнепещерного холма с показанием распространения водоносного горизонта (октябрь и ноябрь-декабрь 2013 г.), главных линий тока грунтовых вод (по данным геофизических исследований) и измененных в результате возникновения барражного эффекта линий тока грунтовых вод, проектируемый дренаж

Влияние гидрогеологических условий на состояние пещерных лабиринтов

Подтопление пещерных комплексов приурочено в основном к весеннему снеготаянию, реже — к периодам длительных осадков. Неоднократно подтопления комплексов было вызвано техногенными факторами. Дальние пещеры постоянно страдают от просачивания к лабиринтам грунтовых и инфильтрационных вод. В Ближних пещерах такие явления наблюдаются редко, зато приобретают катастрофические последствия. Так, в 1988 г. из-за переувлажнения произошло аварийное обрушение стен и свода во входной галерее (на сегодня вход не функционирует), в мае 2005 г. — по той же причине вывал грунта, объемом до 10 м³, в подземную галерею с обрушением свода (т. н. ул. Батыем убиенных, восстановлена в 2006 г.).

После вывала грунта в мае 2005 г. в подземную галерею были проведены исследования по определению основных факторов, которые привели к аварийной ситуации. Специалисты, приглашенные НКПИКЗ — Институт геологических наук НАН Украины, Киевский Национальный университет строительства и архитектуры, научно-исследовательский институт строительных конструкций, специализированное управление противооползневых подземных работ, Государственный научно-технологический центр консервации

и реставрации памятников, институт ГЕОПРОМ и другие — пришли к выводу, что главной причиной аварийного вывала является переувлажнение грунтового массива в результате взаимодействия природных (значительное количество осадков и снеготаяние) и техногенных (интенсивное сельскохозяйственное освоение сада Ближних пещер) факторов [9, с. 157].

Неоднократными геофизическими исследованиями (в 1989 [5]) и в 2005 годах [2]) были определены главные направления движения водных потоков (см. рис. 2): вдоль садовой дорожки (по ряду с виноградом и последующим растеканием её в сторону пещер и колокольни), вдоль галереи (корпус № 37) и вдоль оборонительной стены (в сторону корпуса № 43). Были также даны рекомендации о необходимости благоустройства территории сада, прекращения полива и устройства перехватывающего дренажа. Из-за отсутствия средств работы не были выполнены.

В марте 2008 г., а особенно в феврале 2009 г., в результате инфильтрации атмосферных осадков по «телу» шурфа (пройден для ликвидации аварии 2005 г.), началось переувлажнение грунтового массива на участке восстановленной галереи т. н. ул. Батыем убиенных. В результате вода просочилась во внутренний объем пещер, насытила грунтовые стены галереи, как следствие начались процессы разрушения. Дальнейшие процессы могли привести к существенному обрушению грунта и возможному разрушению алтарной части подземной церкви прп. Антония и галерея была укреплена кирпичом (работы проводил РБУ СУППР в апреле-ноябре 2009 г.), однако не на всю длину. Также из-за переувлажнения грунтов вследствие образования водоносного горизонта и инфильтрации атмосферных осадков (снеготаяния) были зафиксированы обрушения грунта со сводов и вывалы со стен на участке выхода из пещер, в ответвлении Бесноватых.

В июне 2008 г. были выполнены очередные геофизические исследования, которые опять же подтвердили ранее определенные пути распространения потоков грунтовых вод в сторону пещер: вдоль садовой дорожки с аккумуляцией в средней части сада и дальнейшее растекание ее рукавами-потоками в трех направлениях [3].

В декабре 2007 г. была расширена сеть гидрогеологических скважин для наблюдения за уровнями грунтовых вод, направлением и характером распространения грунтового водоносного горизонта. Наблюдения выполняются институтом геологических наук НАН Украины.

За многолетний период режимных наблюдений зафиксировано ежегодное увеличение площади распространения водоносного горизонта весной вследствие снеготаяния и инфильтрации атмосферных осадков и уменьшение его в сухие периоды года. Инфильтрация атмосферных осадков приводит к переувлажнению грунтового массива, подъему уровней грунтовых вод и дальнейшему распространению водоносного горизонта в сторону пещерных лабиринтов латеральными путями (сначала по котловинам эродированной поверхности слоя бурых и пестрых глин, далее — сплошным слоем

по всей площади). Сопоставление режима грунтовых вод и количества атмосферных осадков подтверждает вывод о питании водоносного горизонта за счет инфильтрации атмосферных осадков.

12.03.2013 г. впервые за весь период наблюдений за состоянием пещер (с 1988 г.) произошло аварийное просачивание воды из свода и вентиляционного отверстия в ответвлении Бесноватых (за сутки в пещеры попадало 2 м^3 воды). Главным фактором аварийного просачивания воды в пещеры признали усиленную инфильтрацию талой воды (после посадки в 2012 г. молодых деревьев и винограда – как сквозь «решето»). Постепенное таяние снега происходило на протяжении всей зимы (снег выпал 3 декабря слоем мощностью около 50 см), инфильтрация талой воды привела к переувлажнению грунтового массива, подъему уровней грунтовых вод, образованию и распространению временного водоносного горизонта в саду Ближних пещер в середине января. Периодические потепления ускорили процессы снеготаяния, и водоносный горизонт достиг пещерного поля в середине февраля. Накопление воды над пещерами обусловлено и задержкой ее подпорной стеной световой прорези вдоль корпусов № 36, 48, 48а (при осмотре ее в апреле было зафиксировано просачивание воды струйками по щелям и из-под подножия подпорной стенки). Вода в середине марта латеральными путями просочилась в пещеры.

Тогда же на участке пещерной галереи, ведущем от входа в пещеры к ул. Батыем убиенных, начались процессы образования трещин в штукатурке, в конце апреля произошел вывал грунта со свода, в мае-июне начались процессы трещинообразования и последующей деформации конструкций.

В октябре-ноябре 2013 г. было устроено свайное основание под восстановление корпуса № 40 в верхней части сада. Следует отметить, что территория сада ограничена с северной и южной сторон довольно протяженными сооружениями – оборонной стеной и галереей, ведущей к Ближним пещерам. Эти сооружения имеют заглубленные фундаменты (2,5–3,0 м) и играют роль своеобразного ограничителя для естественного движения грунтовых вод в сторону р. Днепр – что-то наподобие бортов канала. Свайное основание нового корпуса выполняет роль нерегулируемого шлюза – создает подпор для грунтовых вод, а растекается вода по сторонам с удвоенным или утроенным гидродинамическим напором. Это четко зафиксировано режимными наблюдениями за уровнями грунтовых вод. Скачкообразные колебания на фоне отсутствия осадков можно объяснить следующим образом – естественное движение грунтовых вод перекрывается свайной стеной, происходит подъем уровней перед стеной, в этот период в скважинах, расположенных ниже здания, происходит спад уровней. Далее в какой-то момент равновесие нарушается и грунтовые воды движутся в обход «плотины» – в скважинах фиксируется резкий подъем уровней. Период колебаний – 2–3 недели. В дальнейшем гидродинамический режим восстановится (об этом свидетельствует опыт наблюдений за режимом грунтовых вод после восстановления Успенского собора в 1998 –

2000 гг. на свайном основании), но нынешняя ситуация привела к усиленной инфильтрации грунтовых вод в пещерные лабиринты, а именно в ответвление Бесноватых.

Как видим, главными факторами, которые привели к аварийному состоянию пещерных лабиринтов, являются природные (снеготаяние, инфильтрация воды и образование временного водоносного горизонта, распространение его по поверхности глины по всей территории сада Ближних пещер) с наложенными на них антропогенными (нарушение целостности дернового слоя многолетними насаждениями и разработкой под огороды, что способствовало образованию латеральных путей миграции инфильтрационных вод). Переувлажнение грунтового массива грозит масштабными деформациями и возможным обрушением пещерных галерей с возможностью человеческих жертв. Очевидна насущная проблема сохранения собственно пещер и необходимость регулирования гидрогеологической ситуации на территории Ближнепещерного холма.

Пути устранения аварийного состояния лабиринтов Ближних пещер и регулирования гидрогеологических условий

В целом решать проблему обеспечения сохранности комплекса Ближних пещер необходимо комплексно, в т. ч. учитывая и такую сторону эксплуатации, как соблюдение оптимальных условий микроклимата. В комплекс мероприятий, которые необходимо выполнить, должны входить:

- первоочередные противоаварийные работы по укреплению аварийных участков Ближних пещер;
- разработка и введение в действие проекта отвода грунтовых вод с территории сада Ближних пещер (дренаж, желательными методами), устройства разгрузочных отверстий в подпорной стене вдоль северных фасадов корпусов № 36, 48, 48а;
- разработка и введение в действие проекта благоустройства территории Ближнепещерного сада (над аварийными участками пещер ликвидировать деревья и кусты, реконструировать водоотводные лотки, выполнить вертикальную планировку и дерновку дневной поверхности и т. д.);
- разработка и введение в действие проекта принудительной вентиляции Ближних пещер с подачей воздуха определенной температуры и относительной влажности (16–20 °С и 40–60 % соответственно).

Приоритетным и первоочередным мероприятием, бесспорно, является отвод грунтовых вод. Основная цель проведения дренажных работ – защита Ближних пещер, памятника национального значения, от подтопления. Выбор метода дренирования грунтовых и инфильтрационных вод в саду Ближних пещер должен быть обусловлен необходимостью сохранить в неприкосновенности грунтовой массив, вмещающий пещеры. Дренажные выработки должны быть расположены вне пещерного поля, поскольку любое вмешательство в грунтовой массив может привести к непо-

правимым последствиям. Рациональным методом дренирования в данных условиях, с учетом сложного геологического строения территории, является однолучевой горизонтальный дренаж. Количество дренажных скважин должно определяться в обратном к требованиям нормативных документов порядке: не из расчета отбора максимального притока, а с учетом в первую очередь, необходимости эффективно отсечь потоки грунтовых и инфильтрационных вод от пещерного поля и во вторую очередь, возможности их оптимального размещения в сложных геологических и геоморфологических условиях (склон).

Нами лучевой дренаж рекомендуется заложить вне пещерного поля (рис. 2):

- с западной стороны — вдоль потока грунтовых вод по поверхности водоупорного слоя бурых и пестрых глин (*по эрозионным рывтинам и котловинам*);
- с северной и восточной стороны — поперек потока грунтовых вод частично в толще водоупорного слоя, пересекая котловины и делювиальные водосодержащие отложения в их подошве (*на границе с кровлей бурых и пестрых глин*).

С учетом существенного перепада отметок дневной поверхности и кровли водоупорного слоя для оптимального отбора грунтовых вод целесообразно устраивать парные лучи, расположенные под разными углами.

Количество лучей в зависимости от условий залегания водосодержащих пород (*должны быть определены детальными инженерно-геологическими изысканиями*) составит 6—9 штук.

В пределах пещерного поля необходимо выполнить дренаж подпорной стены, разгрузочные отверстия устроить в имеющихся местах выхода воды.

Определение гидрогеологических параметров и предварительные расчеты лучевого дренажа

Для определения фильтрационных параметров, необходимых для расчета притока воды к дренажу, нами были проведены пробные опытно-фильтрационные работы, а именно откачки из режимных скважин при высоком, среднем и низком положении уровня грунтовых вод.

Рассчитывалась откачка с постоянным дебитом (*приток воды к скважине*) по восстановлению уровня грунтовых вод (*изменение уровня отсчитывалось от начала восстановления*) для квазистационарного периода нестационарной фильтрации в условиях гравитационного режима.

Водопроницаемость водосодержащих пород определена на программном обеспечении «Aquifer» по формуле Тейса [8, с. 313]. Для расчета водопритока при строительстве дренажных систем рекомендуется принять средний коэффициент фильтрации водоносного горизонта 0,4 м/сут при естественном инфильтрационном питании 100 мм/год. Вследствие многолетней миграции потока грунтовых вод вдоль главных направлений возни-

кает большая вероятность увеличения коэффициента фильтрации в 1,5—2,0 раза, вызванного суффозионным выносом частиц грунта с образованием полостей и ослабленных зон.

Вероятный приток воды к одиночной скважине лучевого дренажа был подсчитан с учетом вышеприведенных факторов. Учитывая, что водоносный горизонт в саду Ближних пещер непостоянен во времени и невыдержан по распространению, приток к дренажу нами рассчитан тремя методами:

- согласно «Методическим рекомендациям...» [4, с. 87—89] был рассчитан максимальный приток воды к горизонтальной одиночной дрене;
- в соответствии со «Справочным пособием к СНиП 2.06.15—85» [7, с. 26—28] выполнен расчет однолучевого горизонтального дренажа при питании водоносного горизонта за счет инфильтрации сверху, определение притока воды к дренажу выполнено методом последовательных приближений;
- для расчета баланса (приток + отток) грунтовых вод на территории сада Ближних пещер было выполнено моделирование гидрогеологических условий на программном комплексе PMWIN-5.1, США.

Расчеты, выполненные тремя различными методами, дали одинаковый порядок цифр — в сторону пещер ежегодно весной поступает около 12—18 м³/сут воды.

Выводы и рекомендации:

1. Формирование водоносного горизонта в саду Ближних пещер обусловлено инфильтрацией атмосферных осадков (*главным образом снеготаяния*) и латеральным притоком с территории Верхней Лавры. Водоносный горизонт является временным, существует на территории сада в течение четырех-семи месяцев.

2. Изменение гидрогеологических условий территории Ближнепещерного холма происходит, главным образом, под влиянием техногенных факторов (*строительство, сельскохозяйственное освоение территории сада и т. д.*). Движение грунтовых вод в сторону пещер «проторенными путями» и инфильтрация их сквозь нарушенный неоднократно вмешательством слой глин приводит к переувлажнению грунтового массива в целом и пещер в частности, приводя к катастрофическим последствиям.

3. Регулирование гидрогеологических процессов возможно с помощью дренирования грунтовых вод. Рациональным, с точки зрения обеспечения целостности грунтового массива, методом дренирования является, по нашему мнению, лучевой горизонтальный дренаж.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипенко А. О., Гаврусева С. С. Технічний звіт за результатами інженерно-геологічних вишукувань та спорудження режимних свердловин в районі Ближніх пещер Свято-Ус-

пенської Києво-Печерської Лаври // Технічний звіт, 15/05–07-А-ІГ-ТЗ – ТОВ «ВКП «МЕ-ГАБУД». – Київ, 2007. – 38 с.

2. Левашов С. П., Піщаний Ю. М., Корчагін І. М. Геофізичні вишукування ділянки саду Свято-Успенської Києво-Печерської лаври з метою визначення зон підвищеної вологості ґрунтів, шляхів міграції підземних водних потоків, встановлення причин замокання ґрунту // Звіт про НДР. – ТОВ НВП «Геопром» – Київ, 2005. – 26 с.

3. Левашов С. П., Піщаний Ю. М., Корчагін І. М. Геофізичне обстеження (вишукування) території Свято-Успенської Києво-Печерської лаври в районі саду над Ближніми печерами, підпірної стіни Верхньої Лаври, ділянки Трапезної церкви з метою визначення та картування зон підвищеної вологості та шляхів міграції підземних водних потоків // Звіт про НДР. – ТОВ «Геолог-Буд» – Київ, 2008. – 47 с.

4. Методические рекомендации по проектированию и технологии сооружения конструкций застенного и бестраншейного трубчатого дренажа. – М.: СОЮЗДОРНИИ, 1989. – 132 с.

5. Рыбин В. Ф., Скальский А. С., Куцыба В. А., Черный Г. И. и др. Комплексные исследования с целью охраны Ближних пещер // Препринт ИГН АН УССР – 91–8. – К., 1991. – 53 с.

6. Скальский О. С., Бугай Д. О., Джено С. П. та ін. Створення автоматизованої системи гідрогеологічного моніторингу комплексу Ближніх пещер Києво-Печерської Лаври // Звіт про НДР, договір № 01/07 від 01.07.2007р. – ПП «Гео-Еко-Консалтинг» – Київ, 2007. – 61с.

7. Справочное пособие к СНиП 2.06.15–85 «Инженерная защита территорий от затопления и подтопления». Прогнозы подтопления и расчет дренажных систем на застраиваемых и застроенных территориях. – М.: Стройиздат, 1991. – 78 с.

8. Справочное руководство гидрогеолога / Под ред. В. М. Максимова. – Л.: Недра, 1979. – Т. 2. – 512 с.

9. Черевко І. А., Кулик Т. І. Аварія на Ближніх печерах: причини і наслідки – Лаврський альманах. – Вип. 17. – К., 2007. – С. 156–163.

А. А. Гунько*, С. К. Кондратьева**

*Русское Географическое общество, Набережные Челны

**Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье», Воронеж

МИКРОКЛИМАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ ПЕЩЕРНОГО КОМПЛЕКСА В БОЛЬШИХ ДИВАХ: АНТРОПОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ

Пещерный комплекс в Больших Дивах представляет собой двухъярусную горную выработку в мелу, имеющую пещерную церковь, галерею крестного хода и ряд помещений. Главный вход в комплекс заложен в основании крупного мелового останца-«дивы». Общая протяженность комплекса – 300 м [2]. Он входит в число самых посещаемых экскурсионных подземных объектов России. Число посетителей в 2013 г. составило свыше 30 тыс. чел. и эта цифра, с учетом популярности Музея-заповедника «Дивногорье», будет неуклонно возрастать. Активное использование комплекса в качестве туристического объекта вызывает необходимость регулярного мониторинга не только инженерно-геологического состояния, но и микроклиматических условий, являющихся основанием для безопасной эксплуатации.

Особенности микроклимата пещеры еще в XIX в. были художественно описаны посетившим ее Е. Марковым: «Сырым пронизывающим воздухом погребя и душливым запахом гашеной извести разом пахнуло на нас <...> Откуда-то из далекой глубины подземелий тянул резкий сквозняк, охватывающий лихорадочным ознобом <...> Убогое убранство храма ржавеет и тлеет неудержимо в этой вечно сырой атмосфере, насыщенной испарениями извести. Живопись съедается и тускнеет еще быстрее. Пещеры уходят далеко в глубину меловых толщ <...> и чем глубже спускаются, тем душнее становится в них; сырость сочится по стенам и сводам сквозь трещины и незримые поры известняка, будто слезы этой мрачной могилы» [3].

Впервые результаты температурных наблюдений в комплексе Больших Див были зафиксированы зоологом П. Стрелковым, который в феврале 1956 г. проводил в пещерах Дивногорья поиск летучих мышей. К тому времени фасад комплекса был уже частично разрушен и внутрь пещеры через широкие проемы центрального входа и кольцевой галереи свободно проникал воздух с поверхности. При температуре у входа –20 °С, внутри храма

она «мало отличалась от наружной». Более высокая температура оказалась в галерее, «но и тут из-за сильного сквозняка <...> была не выше $-2\text{ }^{\circ}\text{C}$. Температура стен понизилась несколько меньше» [4].

В 1992–1993 гг. О. Вязковой были произведены первые режимные наблюдения, при которых в ключевых точках фиксировалась влажность пород, ею же была установлена постоянная температура внутренних помещений в течение года $+5\text{ }^{\circ}\text{C}$ [1]. В августе 2011 г. исследование температурного режима внутри комплекса проводилось сотрудником музея-заповедника И. Назаровым.

В 2014 г. авторами в течение экскурсионного сезона (апрель – октябрь 2014 г.) были произведены режимные наблюдения, которые включали измерения температуры и влажности в 4 основных и 39 дополнительных точках. Для измерений использовались логгеры EClerk-USB-RHT-1 с допустимой абсолютной погрешностью $\pm 2\%$ (влажность) и $\pm 1\text{ }^{\circ}\text{C}$ (температура), а также ртутные термометры ТМ-4 с ценой деления $0,2\text{ }^{\circ}\text{C}$. Основной задачей наблюдений стало выявление средних и пиковых показателей в различных частях комплекса в период «покоя» (без посетителей), а также фиксация их динамики во время проведения экскурсий и массовых мероприятий. Периодичность измерений внутри одного цикла составляла от 10 сек. до 5 мин., длительность циклов – от 12 до 72 часов. Местоположение точек регулярных замеров представлено на рис. 1. Ключевыми стационарными точками являлись: «первый этаж» (№ 1, логгер подвешен в центральной нефе храма в 10 м от входа, вблизи иконы, на высоте 2,5 м от пола); «второй этаж» (№ 2, логгер подвешен в галерее второго яруса в 4,5 м от входа, на высоте 2,5 м от пола); «алтарь» (№ 3, логгер размещен в алтаре храма в заалтарной нише); «галерея» (№ 4, логгер замаскирован от посетителей и размещен в галерее крестного хода в нише). Замеры показателей на поверхности производились в 4 м от входа 1 в точке № 5 при условии тени и закрытых дверей храма. За период наблюдения естественная средняя температура по нижнему ярусу составила $8,7\text{ }^{\circ}\text{C}$, влажность воздуха – 96%. Стоит отметить, что установленное в пещерном комплексе светодиодное освещение в силу своей специфики не оказывает влияния на микроклиматический режим.

Для обсуждения результатов наблюдений нами выделен ряд циклов, наиболее полно характеризующих влияние антропогенной нагрузки на микроклиматические показатели.

2 мая 2014 г. Произведены наблюдения в точках «первый этаж» и «второй этаж», подсчет количества посетителей (в группах), а также время входа и выхода групп. Результаты можно увидеть на рис. 2, где представлены графики изменения температуры и влажности на первом этаже, число и время пребывания посетителей в виде совмещенной столбчатой диаграммы. Мы видим, что с повышением температуры ожидаемо понижалась влажность воздуха. Заметно, что повышения температуры имеют четкую

зависимость от времени и количества посетителей, при этом каждое максимальное пиковое значение приходится на пребывание группы в центральной части храма (слушают экскурсовода, стоят у иконы), затем температура начинает спадать. Некоторое смещение графика, наблюдавшееся во время пребывания групп в 12:15 (53 чел.) и 12:25 (35 чел.), объясняется тем, что вторая группа была запущена внутрь через второй этаж и в центральную часть храма она спустилась после 12:53, в свою очередь первая группа покинула комплекс через второй этаж. 5 групп подряд в промежутке с 12:15 до 14:41 обусловили максимальное для цикла значение температуры $12,4\text{ }^{\circ}\text{C}$ и минимальную влажность 81,5%. В 17:04 последней паломнической группой у иконы были зажжены свечи (более 40), что также отразилось на показателях (повышение до $11,2\text{ }^{\circ}\text{C}$), в 17:18 свечи были потушены. Понижение температуры комплекса до $8,4\text{ }^{\circ}\text{C}$ ($7,9\text{ }^{\circ}\text{C}$ утром) произошло за 3 часа. Таким образом, постепенная смена групп экскурсантов суммарным наполнением 463 чел., вызвала подъем температуры на первом этаже лишь на $4,5\text{ }^{\circ}\text{C}$.

Рис. 1

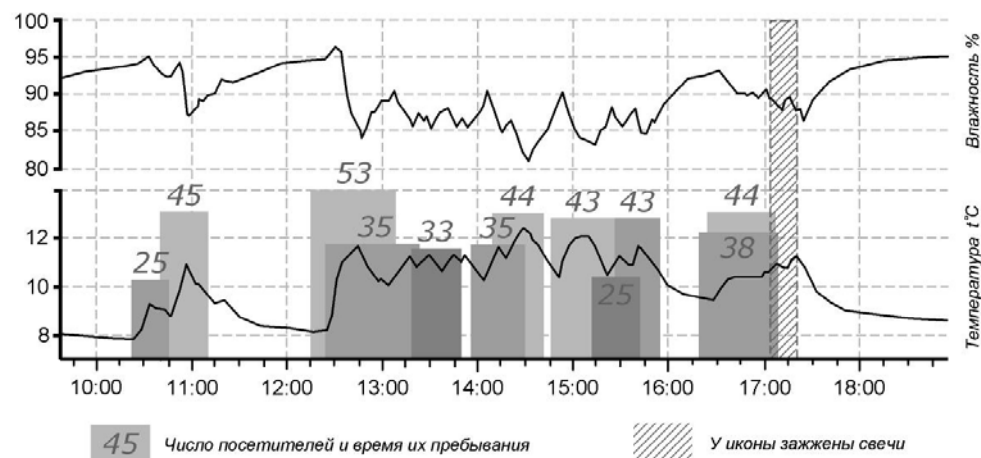

Рис. 2

9–10 мая 2014 г. Произведенные наблюдения в точках «первый этаж» и «второй этаж», результаты которых представлены на рис. 3, позволяют нам заключить, что основные колебания показателей вполне прогнозируемы и связаны чаще всего с 4 основными пиками посещения, согласно расписанию экскурсий: 10:00–11:00, 12:00–15:00, 16:00–17:00, 18:00–19:00 (с поправкой на наполняемость групп и заказные экскурсии). Налицо разница между показаниями нижнего и верхнего этажей. Так, амплитуда по нижнему составила 4,6 °C / 16 %, по верхнему – 6,3 °C / 40 %. Это объясняется особенностями устройства этажей. Нижний имеет гораздо большую площадь, это способствует относительному рассредоточению посетителей, к тому же организованное движение экскурсантов создает своеобразное «искусственное проветривание» не только галереи, но и прилегающих к ней объемов церкви. Верхний этаж, напротив, небольшой по площади, что ограничивает перемещение посетителей и заставляет их сосредотачиваться на 2–3 участках. Вентиляция здесь при закрытых дверях и окне затрудненная, и это отражается на более резких изменениях показателей. Полный возврат к естественному режиму на обоих этажах, как это следует из графика, происходит обычно лишь к 5–7 часам утра следующих суток.

5–6 июля 2014 г. – проводилось ежегодное мероприятие «Ночь в Дивногорье». На рис. 4 представлены результаты замеров в точках «первый этаж» и «алтарь». С 0:00 на первый этаж комплекса были открыты двери для всех желающих. За 2 часа пещеру посетило более 2 тыс. человек, что вызвало резкий подъем температуры до 18,3 °C – максимальный за весь период наших наблюдений. Повышение температуры на 1,2 °C было зафиксировано даже в алтаре, куда доступ посетителям закрыт. Примечательно, что к открытию пещеры в 10:00 (6 июля) температурные показатели так и не вернулись к фоновым.

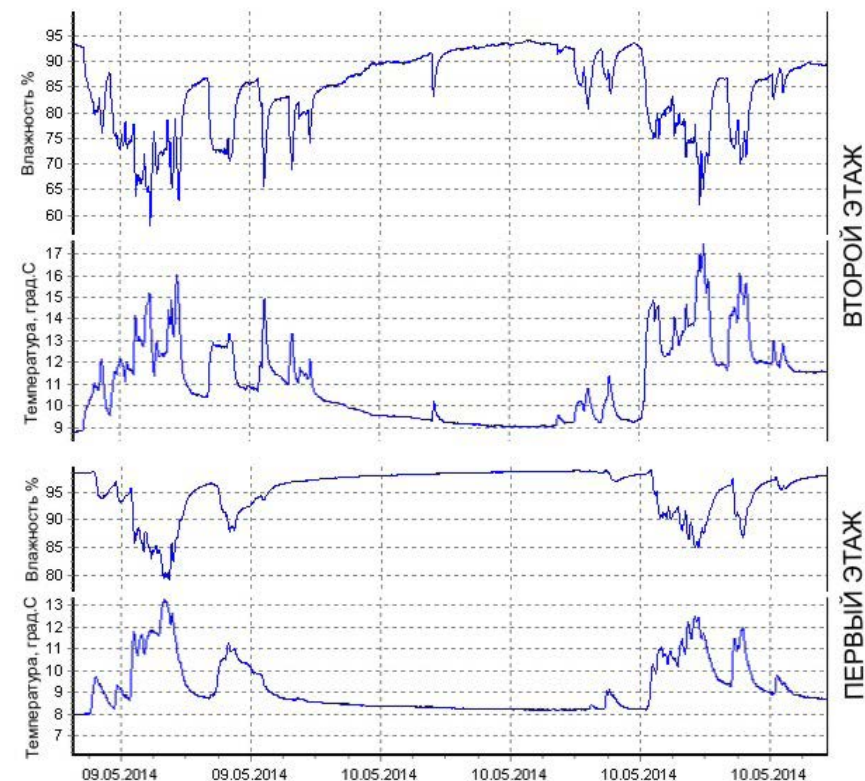

Рис. 3

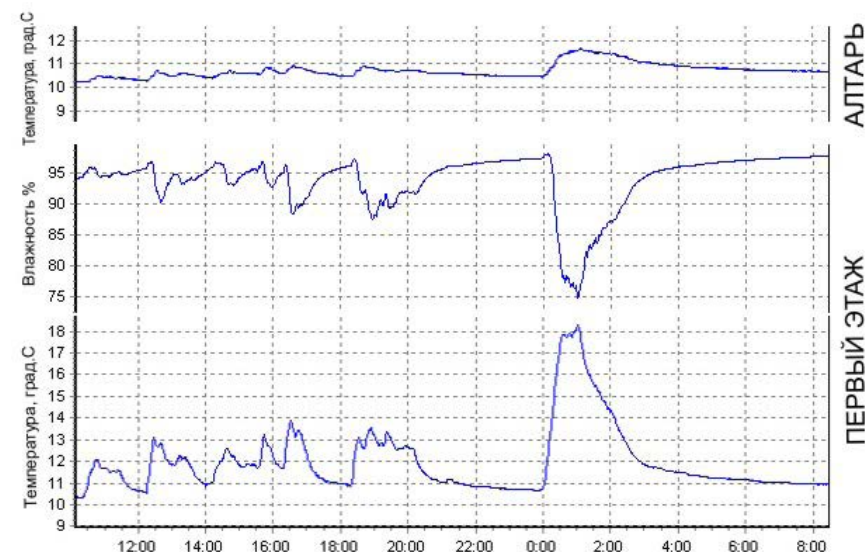

Рис. 4

14 июля 2014 г. По традиции в этот день в церкви Больших Див проводится служба — отмечается религиозный праздник обретения Сицилийской иконы Божией Матери. Храм был открыт в 6:40, после чего постепенно наполнился прихожанами. Во время богослужения и сразу после него храм посетили около 100 человек. Результаты наблюдений представлены на рис. 5. Можно видеть, как температура равномерно повышалась, достигнув к 9:10 (окончание службы) 16,5 °С, а затем стала по мере выхода людей понижаться. Незначительные подъемы были вызваны тем, что в церковь с молитвой заходили верующие (10:00, 10:30), следовавшие крестным ходом из монастыря в Коротояк.

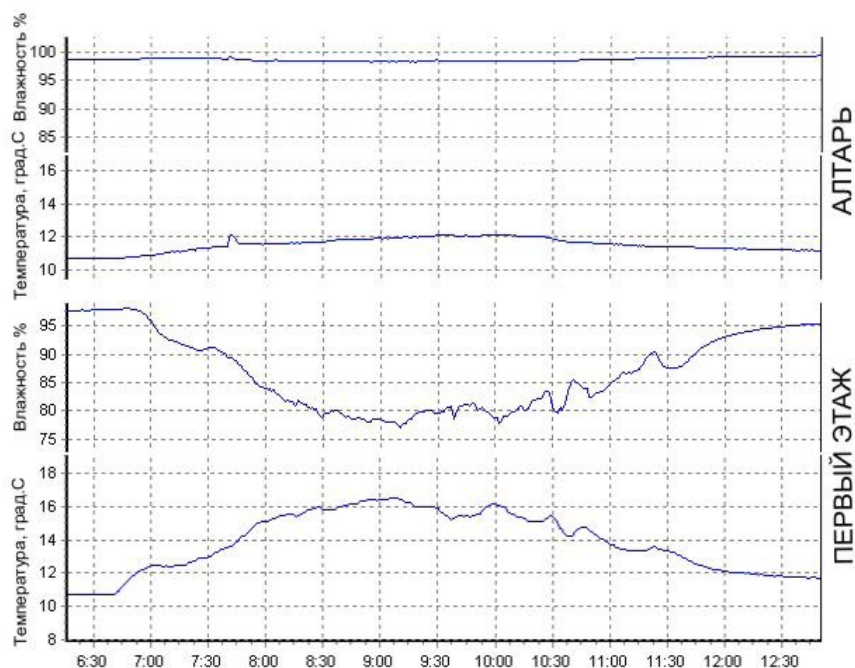

Рис. 5

30 августа 2014 г. На рис. 6 представлены наблюдения температуры в точке «первый этаж» и «галерея». Заметно, что, несмотря на малые объемы, изменения параметров в галерее незначительны и непродолжительны (близки к погрешности прибора). Это обусловлено, во-первых, краткостью пребывания в ней экскурсантов — как правило, галерея проходит относительно быстро и без остановок, темп задает идущий во главе экскурсовод. Во-вторых, во время прохождения по галерее происходит перемещение воздушной массы, а колебания чаще всего вызваны более продолжительными остановками (посетители что-то осматривают или фотографируются).

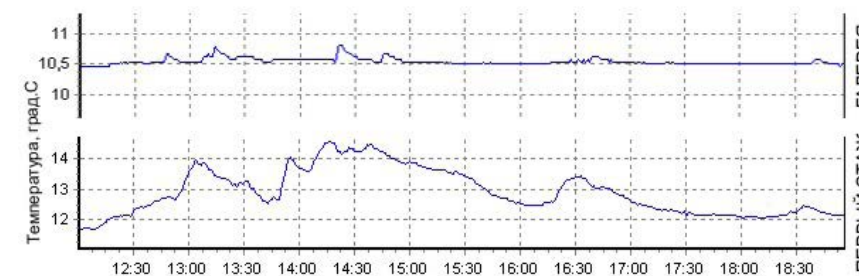

Рис. 6

Выводы

Как мы могли убедиться, антропогенный фактор оказывает существенное влияние на микроклиматический режим пещерного комплекса. Однако влияние это, как правило, кратковременное — лишь в период проведения массового мероприятия «Ночь в Дивногорье» фиксировался невозврат к естественным значениям. В остальных случаях температура и влажность достигает фоновых значений за 11–12 часов. Изменения режима коррелируют с численностью посетителей и продолжительностью их пребывания в пещере. Резкое массовое пребывание людей в центральной части храма способно вызвать такое перераспределение показателей при котором создаются условия для выпадения росы на предметах в алтаре.

Фоновые показатели находятся в зависимости от показателей поверхности. Так, в апреле естественная температура на первом этаже составляла 7,9–8,1 °С, в июле 10,1–10,4 °С, в октябре 9,6 °С. На режим оказывает большое влияние и проветривание комплекса. На первом этаже естественное проветривание через открытый вход дополняется движением экскурсантов по галерее крестного хода. Сечение галереи 0,8–1,2 м, высота в среднем ок. 1,9 м. Таким образом, группа посетителей являет собой своеобразный «поршень», заставляющий воздух перемещаться по окружности из одного нефа храма к другому. Это явление вызывает у экскурсоводов и впереди идущих ощущение, что наиболее холодное место в пещере расположено в конце галереи, хотя на самом деле температура здесь, как правило, на 0,5 °С выше, чем в остальных частях этажа.

На втором этаже проветривание затруднено и в летнее время должно обеспечиваться открытием двери и окна, поскольку при большом количестве посетителей могут создаваться негативные ощущения «спертости» воздуха. Разность высот заложения входов, даже несмотря на сходность экспозиции, способна обеспечить стабильный переток воздуха между этажами.

На температуру и влажность в алтаре, антропогенный фактор не производит серьезного влияния. Поскольку вход в алтарь закрыт, посетители в него не проникают, однако закрыт он лишь условно (декоративные веревочные перегородки) и при больших массовых посещениях здесь так-

же фиксируются повышения температуры на 1–2 °С. Столь же незначительны и изменения в период проведения службы, когда в алтарь входят священнослужители.

Исследование микроклимата в пещерном комплексе Больших Див будет продолжено в 2015 г. Планируются измерения температурно-влажностных характеристик стен, скорости и направления воздушных потоков при разных условиях эксплуатации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вязкова О. Е. Инженерно-геологические проблемы сохранения комплекса памятников в Дивногорском музее-заповеднике // Дивногорский сборник: Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 3. – Воронеж: «Научная книга», 2012. – С. 275–287.
2. Гунько А. А. Морфометрические исследования Дивногорских, Костомаровских и Колыбелькинских пещер (Воронежская область) // Спелеология и спелестология. Сборник материалов IV Международной научной заочной конференции. – Наб. Челны: НИСПТР, 2013. – С. 163–168.
3. Марков Е. Л. Поездка в Дивногорье // Русский вестник. Т. 214, № 5. – 1891. С. 128–147.
4. Стрелков П. П. Материалы по зимовкам летучих мышей в Европейской части СССР // Труды Зоологического института Академии Наук СССР. Т. XXV. – 1958. С. 255–304.

А. Н. Химин, В. В. Степкин

*Русское географическое общество,
г. Павловск Воронежской области*

ЗИМОВКИ ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ (CHIROPTERA) В ПЕЩЕРАХ ЮГА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2014 ГОДА

Рукокрылые, несмотря на ряд исследований, остаются одними из наименее изученных представителей млекопитающих Воронежской области [1;7]. Большая часть обитающих здесь видов являются условно «оседлыми» и зимуют, совершая небольшие перелеты к местам зимовки [10].

Впервые меловые культовые пещеры Воронежской области были осмотрены на предмет зимовок в них летучих мышей П. П. Стрелковым в 1956 г. [11]. Также имеются более поздние фрагментарные данные о единичных встречах рукокрылых в отдельных пещерах региона [9, с. 121]. Поскольку целенаправленный мониторинг рукокрылых здесь не проводился, это и определило актуальность нашего исследования.

Место и методы исследований

В ходе экспедиции, проходившей 4–5 января 2014 г., нами были осмотрены Калачеевские, Песковские, Галиевские и Семейковские пещеры.

Калачеевская пещера находится в центре г. Калач, в меловом останце. Протяженность ходов достигает 892 м [8, с. 104; 4, с. 10]. Пещера, на момент исследований, имела открытый доступ. Она активно посещается людьми, в том числе и в зимний период.

Песковская пещера находится на правом крутом склоне долины р. Толучеевка, к юго-западу от села Пески Петропавловского района. Протяженность ходов 238 м [8, с. 111; 4, с. 10]. Пещера в момент исследований имела открытый доступ, но людьми посещалась мало из-за крутого обледенелого склона.

Галиевская пещера находится у села Галиевка Богучарского района на правом крутом склоне долины р. Дон. Это частично разрушенная культовая меловая пещера протяженностью 198 м [8, с. 121; 4, с. 10]. Пещера в момент исследований имела открытый доступ, но людьми не посещалась из-за крутого обледенелого склона.

Семейковская пещера находится южнее села Семейки Подгоренского района в небольшом меловом овраге, на правом крутом склоне долины ре-

ки Дон. Ее протяженность около 450 м [8, с. 97]. Пещера в момент исследований имела открытый доступ, но людьми не посещалась из-за крутого обледенелого склона и значительной удаленности от населенного пункта и проезжих дорог.

Учет летучих мышей в пещерах проводился визуальным подсчетом сидящих особей во время посещения объектов. Определение животных до вида осуществлялось с помощью определителя [6].

Результаты и обсуждение

В обследуемых пещерах было выявлено 3 вида рукокрылых: ночница водяная (*Myotis daubentonii* Kuhl, 1817), ночница прудовая (*Myotis dasycneme* Boie, 1825), ушан бурый (*Plecotus auritus* Linnaeus, 1758). Количественные данные представлены в Таблице № 1:

Таблица 1
Результаты зимних учетов рукокрылых в пещерах юга Воронежской области в январе 2014 г.

Пещера у населенных пунктов:	<i>Myotis dasycneme</i>	<i>Myotis daubentonii</i>	<i>Plecotus auritus</i>	Итого
г. Калач	—	1	2	3
с. Пески	—	4	—	4
с. Галиевка	—	12	1	13
с. Семейки	4	25	2	31

Как мы видим, наибольшая колония летучих мышей и их наибольший видовой состав представлен в Семейковской пещере. На наш взгляд, это может иметь объяснение с учетом следующих факторов: пещера мало посещается; в неё ведет четыре удобных для проникновения входа; благодаря планиграфическим особенностям, в пещере в зимнее время сохраняются оптимальные климатические характеристики; расположение пещеры на берегу р. Дон. Последний фактор особенно показателен, так как наиболее часто встречаемый нами вид — ночница водяная — в полном соответствии со своим названием любит селиться неподалеку от крупных рек. Вторая, по количеству встречаемых в ней летучих мышей, Галиевская пещера обладает сходными характеристиками.

Если сравнивать обнаруженные нами виды с наблюдениями Стрелкова, то мы можем констатировать, что видовой состав зимовок летучих мышей в пещерах Воронежской области остался неизменный, как и количественные особенности распространения. Так, например, в Калачеевской пещере Стрелков наблюдал 5 особей (4 водяные ночницы и 1 ушан бурый), а мы 3; в Галиевской пещере он наблюдал 13 особей (12 водяных ночниц и 1 прудовая ночница), и мы — 13.

Таким образом, из полученных данных следует, что рукокрылые продолжают использовать культовые меловые пещеры юга Воронежской области как место зимовок, причем их видовой и количественный состав не претерпел значительных изменений за последние 50 лет. В то же время необходимо признать, что в этих пещерах зимует лишь незначительная часть популяции этих видов. Возможно, большая часть бурых ушанов, водных и прудовых ночниц используют для зимовки иные убежища, как естественные подземные полости, так и дупла деревьев [1; 2; 3]. Это позволяет поднять вопрос об эволюционных механизмах формирования популяции летучих мышей, зимующих в культовых пещерах. Вероятно, здесь происходят микроэволюционные изменения в выборе мест зимовки лишь части популяции, сходные с процессами формирования урбанистических популяций птиц в крупных городах [12].

Выводы

Беря во внимание редкость обнаруженных нами видов и их охраняемый статус, необходимо учитывать места их традиционных зимовок в пещерах при реставрации памятников с установлением в них входных конструкций, позволяющих рукокрылым проникать в подземелье. При этом важно использовать европейский опыт, где разработаны специальные формы входных решеток с горизонтальным расположением прутьев, обеспечивающих рукокрылым свободное проникновение в подземелье [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабаш-Никифоров И. И. Звери юго-восточной части Черноземного Центра. — Воронеж, 1957. — 367 с.
2. Большаков В. Н. и др. Летучие мыши Урала / В. Н. Большаков, О. Л. Орлов, В. П. Снитко. — Екатеринбург: «Академкнига», 2005. — 176 с.
3. Васеньков Д. А. Зимуют ли рукокрылые (Mammalia, Chiroptera) в небольших убежищах в Центральной России? // Спелеология и спелеостология. Сборник материалов IV Международной научной заочной конференции. — Набережные Челны: НИСППР, 2013. — С. 367–369.
4. Гулько А. А., Степкин В. В., Кондратьева С. К., Леонтьев М. В. Новые данные о культовых пещерах Дона по материалам исследований 2012–2013 гг. // Христианские пещерные комплексы Восточной Европы: тезисы международной научно-практической конференции (24–27 апреля 2014, Дивногорье, Воронежская обл., Россия). — Воронеж: Истоки, 2014. — С. 10–11.
5. Митчелл-Джонс А. Дж., Бихари З., Мазинг М., Родригес Л. Подземные убежища рукокрылых: охрана и управление. — 2007. — 28 с. — (EUROBATS Publication Series No. 2. Русская версия). [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurobats.org/publications/publication_series.htm (дата обращения 16.07.2014).
6. Павлинов И. Я. и др. Наземные звери России. Справочник определитель / И. Я. Павлинов, С. В. Крускоп, А. А. Варшавский, А. В. Борисенко. — М.: КМК, 2002. — 298 с.
7. Природные ресурсы Воронежской области. Позвоночные животные. Кадастр. — Воронеж: Биомик, 1996. — 335 с.
8. Степкин В. В. Пещерные памятники Среднедонского региона // Культовые пещеры Среднего Дона. Серия «Спелеологические исследования». Вып. 4. — М.: РОСИ, 2004. — С. 41–137.

9. Степкин В. В. Химин А. Н. Пещеры времен Великой Отечественной войны в беллигеративных ландшафтах Донского Белогорья // Спелеология и спелестология. Сборник материалов II Международной научной заочной конференции. – Набережные Челны: НИСПТР, 2011. – С. 120–122.

10. Стрелков П. П. Материалы по зимовкам летучих мышей в Европейской части СССР // Труды Зоологического института Академии Наук СССР. Т. XXV. – 1958. – С. 255–304.

11. Стрелков П. П. Оседлые и перелетные виды летучих мышей (Chiroptera) в Европейской части СССР / Бюллетень МОИПР. Отд. биол. 1970 Т. 75. Вып. 2. – С. 38–52.

12. Фридман В. С. Еремкин Г. С. Урбанизация «диких» видов птиц в контексте эволюции урбандиафты. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 240 с.

В. В. Гревцова*, В. В. Степкин**

**Московский государственный университет леса, Москва*

***Русское географическое общество,
г. Павловск Воронежской области*

САКРАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ КОСТОМАРОВСКОГО ПЕЩЕРНОГО МОНАСТЫРЯ

Целью нашего исследования является изучение сакрального ландшафта донского Костомаровского Спасского женского монастыря и формирование на этой основе проекта ландшафтного дизайна обители.

Истоки формирования современного сакрального ландшафта Костомаровского пещерного монастыря находятся в историко-культурной плоскости жизни крестьянской общины с. Костомарово и прослеживаются с XIX в. Пещерные храмы, кельи и коммуникационные ходы, прорезающие склон меловой балки, находятся в традиционной плоскости размещения сакральных ландшафтов, характерных для крестьянского мировосприятия, «находясь на некотором расстоянии от поселения и одновременно являясь центром всего крестьянского ландшафта, тем самым акцентируя природную доминанту (взгорье), замыкая улицу...» [1]. Выбор места был обусловлен также наличием здесь удобных для пещеростроительства меловых обнажений с притягивающими внимание скальными останцами-столбами.

С середины XX в. отмечается наименование данного сакрального пространства Новым Иерусалимом. Об этом мы узнаем, знакомясь с «псалмами» подвижника благочестия о. Андрея (Попова), долгое время подвизавшегося в этих местах [2, с. 72]. Традиция переноса названий Святой Земли – Палестины на русскую почву была широко распространена еще со времен патриарха Никона, с его знаменитой постройкой Нового Иерусалима в предместьях Москвы. В конце XX в. впервые при Костомаровских пещерах открывается официальный монастырь, получивший название по пещерному храму – Спасский. С этого времени заложенная народная традиция формирования сакрального пространства развивается в рамках официального церковного института. Продолжая традиции костомаровских подвижников, возвышающийся над пещерами холм получает название Гора Голгофа. На нем устанавливается крест. Виднеющийся вдалеке небольшой байрачный лес получает наименование Гефсиманский сад.

В настоящее время перед монастырем стоит задача гармонизации окружающего пространства, создания общей пространственной иконы, являющейся визитной карточкой обители. Решение данной задачи требует поиска концепции, объединяющей разрозненные зоны антропогенно-природного ландшафта в единое целое. На наш взгляд, данная концепция находится в плоскости, традиционной для с. Костомарово, сакрализации пространства. Изучив расположение Святых мест в Иерусалиме, мы наложили их на физический ландшафт Костомаровского пещерного монастыря. Данное наложение определяет конкретные тематические виды: «Гора Сион», «Гефсиманский сад», «Поток Кедрон», «Масличная гора», «Гора Голгофа», «Река Иордан» и др.

Дальнейшая работа с выбранными тематическими видами предполагает, прежде всего, насаждение деревьев, кустарников, цветочных и травянистых растений, составляющих антропогенную основу формирования ландшафтной среды. При этом должны учитываться местные природные условия, влияющие на развитие флоры.

Несмотря на нахождение в различных природно-климатических зонах данное сходство объяснимо проявлением литологической основы ландшафтообразования. Известняковые отложения окрестностей Иерусалима и меловые отложения окрестностей Костомарово формируют не только сходные холмисто-балочные формы рельефа, но и дают сходный цветовой фон. Светлые обнажения осадочных пород заметно бросаются в глаза в обоих случаях, что объяснимо отсутствием почвенного покрова на отдельных участках склонов. В этих условиях основной акцент озеленения Костомаровского монастыря должен тяготеть ко дну балки, где имеются мощные почвенные напластования, и где расположены основные постройки обители. Данный принцип работы позволит также не просто сохранить, но и подчеркнуть асимметричное равновесие объемов рельефа и насаждений. Белые холмы можно подчеркнуть посадками березы повислой, сосны меловой и сосны обыкновенной. Что касается последней, то на территории монастыря в 2007 г. уже было высажено около 300 саженцев в возрасте двух лет. Из них в первые два года погибло около 10%. В настоящее время посадки требуют санитарной рубки на основании составленной перечетной ведомости.

Планируя посадку деревьев, мы также исходим из тенденций озеленения Святой Земли. Израильяне пытаются восстановить леса, существовавшие на их территории в библейские времена. Этот фактор с учетом длительности развития древесной растительности надо учитывать применительно к Костомарово уже сегодня. При этом мы понимаем, что в силу климатических, почвенных, гидрогеологических условий в Подонье не могут произрастать деревья и кустарники, характерные для сакрального ландшафта древнего Иерусалима. Поэтому нами планируется использовать эстетически равноценную израильским соснам сосну обыкновенную и со-

сну меловую. Миндальные и оливковые деревья, которые хорошо сочетаются с бело-желтоватым известняком Израиля, мы предлагаем заменить на березу повислую, которая хорошо подчеркнет белые меловые холмы Костомарово.

Если говорить не о деревьях, а о цветочно-травянистой составляющей озеленения, то здесь, на наш взгляд, мы можем отказаться от идеи поисков аналоговых заменителей. По сравнению с деревьями мелкая растительность не настолько меняет целостное восприятие ландшафта, что позволяет проявлять в формировании цветочных клумб большую пластичность выбора посадочного материала исходя из принципов районированности, сочетаемости, эстетичности и отчасти символичности.

Нами предполагается с помощью цветников сформировать планировочные узлы на территории монастыря: оформление входа в наземный храм Божией Матери, оформление входов и фасадов корпусов. Около сестринской трапезной создается акцент, завершающий художественное решение зоны отдыха. При работе над цветниками учитывается не только эстетический акцент, но и символический, отражающийся в сакрализации различных растений и их цветовых проявлений. Схемы цветников разработаны и составляют отдельное приложение к проекту, как и схемы посадки деревьев.

Таким образом, изучив сакральный ландшафт Костомаровского Спасского женского монастыря, мы предлагаем построить осуществление проекта ландшафтного дизайна обители на основе традиционной параллели со Святой Землей, прослеживающейся с середины XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пуляевская Е. В. Архитектурно-планировочные принципы организации крестьянского ландшафта Предбайкалья конца XIX – начала XX // <http://www.marhi.ru/referats/files/pulyaevskaya.pdf> (дата обращения 09.01.2014).
2. Степкин В. В. Костомаровская пещерная обитель в XX веке. Исторические очерки. – 2-е изд. дополненное. – Воронеж: Издательский Дом «Китеж», 2006. – 96 с. с иллюстр.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	– Академия наук Союза советских социалистических республик
АС	– подземное архитектурное сооружение
БНЦ СО РАН	– Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук
ВВ	– Византийский временник
ЕП	– естественная пещера
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии материальной культуры
ИГН АН УССР	– Институт геологических наук академии наук Украинской советской социалистической республики
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук
ИПКФСГОУ ВПКВСГАКИ	– Издательско-полиграфический комплекс Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств
КРУБИКЗ	– Крымское республиканское учреждение Бахчисарайский историко-культурный заповедник
МОИП	– Московское общество испытателей природы
НАН Украины	– Национальная академия наук Украины
НИСПТР	– Набережночелнинский институт социально педагогических технологий и ресурсов
НКПИКЗ	– Национальный Киево-Печерский историко-культурный заповедник
РГБ	– Российская государственная библиотека
РОСИ	– Русское общество спелеологических исследований
СНиП	– Строительные нормы и правила
СОЮЗДОРНИИ	– Всесоюзный дорожный научно исследовательский институт
ТОДРЛ	– Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский дом)
ЦМТ	– Центральный музей Тавриды

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....	3
--------------------	---

ХРИСТИАНСКИЕ ПЕЩЕРЫ И КОМПЛЕКСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Днепровский Н. В. Новое в интерпретации пещерного храма «Трёх всадников» на городище Эски-Кермен.....	7
Долотов Ю. А. О классификации культовых подземелий.....	36
Гулько А. А. Проблемы сохранения скального комплекса в меловом останце Малых Див.....	55
Бойко А. М., Свиридова Е. С. Калачеевская меловая пещера по воспоминаниям местных жителей.....	61
Гулько А. А., Кондратьева С. К., Андрусенко Е. А. Некоторые материалы к изучению и охране Шмарненского пещерного комплекса.....	75
Кондратьева С. К. Граффити пещер Дивногорья.....	83
Воронцова Е. А. Возрождение средневековых пещерных памятников в Киеве....	89

КУЛЬТОВЫЕ ПЕЩЕРЫ АЗИИ

Глаудинова М. Б. Пещерные монастыри центральной Азии (на примере памятников Казахстана и Восточного Туркестана).....	103
Трофимов А. А. Пещера Шаманская: между шаманизмом и буддизмом.....	115
Шкондин В. М. Конструктивные особенности пещерных храмов Каппадокии.....	118

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКИ

Черевко И. А., Куцыба В. А. Изменение природного гидрогеологического режима на территории ближнепещерного холма в условиях техногенных нагрузок: факторы, влияние на состояние пещер, способы регулирования.....	131
Гулько А. А., Кондратьева С. К. Микроклиматический режим пещерного комплекса в Больших Дивах: антропогенные факторы.....	143
Химин А. Н., Степкин В. В. Зимовки летучих мышей (Chiroptera) в пещерах юга Воронежской области по материалам исследований 2014 года....	151
Гревцова В. В., Степкин В. В. Сакральный ландшафт Костомаровского пещерного монастыря.....	155
Список сокращений.....	158

Научное издание

ДИВНОГОРСКИЙ СБОРНИК
ТРУДЫ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ДИВНОГОРЬЕ»
Выпуск 5

Под редакцией
Кондратьевой Софьи Константиновны,
Лыловой Марины Ивановны

Подписано в печать 28.01.2015. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 13. Тираж ??? экз. Заказ 9.

ООО Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
394030, г. Воронеж, ул. Среднемосковская, 32б, оф. 3
Тел.: +7 (473) 200-81-02, 200-81-04
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: zakaz@n-kniga.ru

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Научная книга»
394026, г. Воронеж, Московский пр-т, 116
Тел.: +7 (473) 220-57-15
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: typ@n-kniga.ru